

Об адаптации или русификации богослужебного языка

Сборник материалов для размышления*

Пойте Богу, ...пойте разумно (Пс. 46, 7–8). /Прор. Давид/

Стоящий на месте простолюдина как скажет: «аминь» при твоём благодарении?

Ибо он не понимает, что ты говоришь (1Кор. 14, 16). /Ап. Павел/.

В церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить,

нежели тьму слов на незнакомом языке (1Кор. 14, 19). /Ап. Павел/.

Мы же знаем многие народы, имеющие свои книги и воссылающие

славу Богу, каждый на своём языке (Жития святых). /Св. равноап. Кирилл и Мефодий/

Дух Святой, сообщив Апостолам в день Пятидесятницы знание языков, со всею ясностью указал волю Божию, состоящую в том,

чтобы Слово Божие имелось и провозглашалось на всех языках (т. 7, отдел 2, письмо 111). /Свт. Игнатий Брянчанинов/.

СОДЕРЖАНИЕ

[Введение:](#)

[Символизм языка](#)

[Три основных языка](#)

[Из истории древнего церковно–славянского языка](#)

[Филологическая сторона вопроса](#)

Жизнь и труды равноапостольных Мефодия и Кирилла

[Введение](#)

[Из жития равноапостольных Мефодия и Кирилла.](#)

[Заключение](#)

[История перевода Библии на русский язык.](#)

[Собор и Библия](#)

Подготовка ко Всероссийскому Собору 1917–1918 гг.. Богослужбный язык русской церкви.

Предсоборные прения.

Материалы предсоборного совета о богослужбном языке

Протоколы заседаний подотдела о богослужбном языке

Журналы епископского совещания

Заключение

Труды миссионеров в деле переводов.

Сущность обновленчества.

В защиту русификации говорят...

Язык молитвословий и молитва.

Заключение

Приложения

Приложение 1

Приложение 2

Приложение 3

Приложение 4

Приложение 5

Список сокращений:

Библиография

Условные обозначения в тексте:

Примечания

Адаптация — приспособление и облегчение текста для понимания.

Русификация — соединение церковно–славянского языка с литературным русским(1).

Введение:

Язык — это лишь средство, при помощи которого до нас доносятся правильные понятия о Боге и обо всем, касающемся нашего спасения. Поэтому, чтобы лучше нам усвоить эти понятия, надо, чтобы язык был удобопонятным и ясным для нашего уразумения.

Сам принцип перевода богослужения на какой-либо язык — будь то японский, английский, немецкий, китайский, французский, алеутский, якутский, индусский и т. д. — не противоречит проповеди Священного Писания, которую несли апостолы по слову Христову: **Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всем народам** /Мр. 16, 15/; что и отразилось во всей богослужебной практике восточного христианства и в деяниях свв. Кирилла и Мефодия, просветителей славян. Поэтому заявления, что нельзя совершать богослужения на том или ином языке (к примеру, на русском) являются отвержением слов Христовых **...проповедуйте Евангелие всем народам** потому, что богослужение есть продолжение Евангельской проповеди, т. к. в нем содержится догматика, нравоучение, история, само Священное Писание, жития святых и т. п., и всё это пронизано молитвою.

Многие говорят о том, что нельзя молиться или отправлять службы русским людям на русском языке, а только лишь на церковно-славянском. И приводят в оправдание этого такие доводы:

1. Церковно-славянский язык возвышенный и более поэтический для богослужения, а богослужение или молитва на русском не привычна для слуха.
2. В переводах Библии (в частности «Ветхого Завета», «Псалтири») встречаются некоторые неточности.
3. Русским людям можно молиться Богу только лишь на церковно-славянском языке, так как богослужение совершается у нас уже издревле на церковно-славянском.

Постараемся ответить, с Божьей помощью, на эти и другие вопросы.

«Язык, на котором написаны, составлены молитвы и богослужебные часы — это язык той эпохи, в которую они создавались. У нас этот язык — славянский, и поэтому очень многие трудности встречаются на пути того, кто хочет до конца пережить молитвенные слова, молитвенные образы, выражения. Существует очень много слов, которые потеряли свое значение; они уже больше не значат того, что значили в то время, когда эти молитвы были составлены. И поэтому очень часто молящийся не может пережить то, что перед ним лежит, потому что он не понимает, о чем идет речь. Если бы это были слова просто непонятные, он мог бы навести справку, узнать, что они значат. Когда же это слова, которые хотя и сохранились на русском языке, но переменили свой смысл, иногда почти до неузнаваемости, тогда человек не ставит себе вопроса; но зато он не понимает настоящего смысла молитвенных слов, молитвенных выражений и придает им иногда совершенно изуродованный смысл. Но язык — не только дело слов, а дело образов, дело картин, дело тех переживаний, которые связаны со словами и которые в одну эпоху могут быть очень живыми, а в другую эпоху почти что вымереть. Есть слова, которые принадлежат определенному времени, но тускнеют и вымирают потом; есть слова, которые рождаются и делаются крылатыми словами одного только поколения, и потом уходят в забвение. Эта проблема очень острая и очень важная, потому что слова?—то люди часто и понимают, но то, что они значат, то переживание, которое вложено было в них изначально написавшими эти слова, ускользают от людей, и молитвенные чины тускнеют. Влить в них новую жизнь можно личной молитвой, созерцательным, молчаливым углублением в себя — мимо слов, но не благодаря тем словам, которые потеряли свой смысл! И странным кажется нам, что на все языки мира можно переводить наши богослужебные чины, нашу дивную литургию, вечерню, утреню, часы, пасхальные и великопостные службы — кроме как на родной язык. Кажется, что славянский язык настолько близок к русскому, что не надо, не стоит этого делать. А некоторым кажется, что славянский язык по отношению к русскому является как бы поэзией по отношению к прозе. Но это справедливо только для тех, кто знает славянский, т. е. далеко не для всех,

далеко не для большинства. Это привилегия небольшого и все тающего меньшинства людей... И это относится не к существу богослужения, относится только к его форме и его выражению» [13].

Символизм языка

«Богослужение наше имеет целью передать религиозный опыт; а этот опыт просто умственными предложениями передать нельзя. Он передается не только картинно, притчами, он передается символически, т. е. через употребление, сочетание и движение, — и слова, и музыки, и драматического, как бы представления событий, которые таким образом доходят до сознания лучше, чем их можно довести только умственным изложением. Это относится не только к Церкви; символика существует и в литературе, — особенно в поэзии, — и в науке; она существует также и в политической жизни. Нет такой области, где бы ни употреблялся тот или иной символизм, т. е. где бы ни употреблялись те или другие движения, выражения, формы выражения, которые несут смысл, которые доводят до сознания людей смысл, не заключенный просто в тексте или в предмете. Возьмите, например, флаг. Он значит для нас Родину — это символ. То же самое — само слово «Родина». Это не только определение географически-общественное; в этом слове содержится целый мир переживаний, вся история, вся общность судьбы, все общие надежды, не только прошлое, но и все будущее. Такое слово является символом.

В церкви тоже есть символы, и употребляются они по тому же самому принципу, как все символы» [13].

Три основных языка

«Существует достаточно много исторических свидетельств, что уже с первых веков существования христианской Церкви, литургии в странах, где проповедовалось Евангелие, служились на местных языках. Однако больше всего на литургическое развитие оказали влияние три языка, которые в этом смысле можно назвать «опорными» для христианской Церкви — это сиро-арамейский, греческий и латинский языки.

Промыслительно Господь устроил так, что Евангелия были написаны на греческом языке; а также уже были переведены, к тому времени 72-мя толковниками, ветхозаветные книги Св. Писания. И, таким образом, все книги Св. Писания (Ветхого и Нового заветов) были употребляемы в богослужении, в первые века христианства, на самом доступном для всех, в те времена, греческом языке.

Греческий язык был до IV-го в. в качестве языка всей раннехристианской литературы, соответственно и основным языком литургии, в том числе в самом Риме. С IV-го в., оставаясь в течение длительного времени литургическим языком Византийской Империи, во многих регионах Востока вне пределов империи — Грузии, Армении, Египте, уже упомянутой Сирии — византийский обряд использовал в качестве литургических местные языки.

Однако, и греческий язык, пережив сложную эволюцию, породив множество ответвлений за многовековую историю своего существования, не сохранился в качестве универсального языка византийского обряда; лишь малые группы верующих, имея отличный от греческого родной язык, продолжают использовать греческий в богослужении. В качестве литургического языка, как «родного», греческий продолжает иметь место лишь в Греции и на Кипре, сохранившись не в своем «исходном» для христианской Церкви виде (*koine*), а в более позднем, так называемом «византийском». При этом заметим, что «византийский греческий» более понятен современным верующим грекам, чем церковно-славянский — нынешним россиянам.

Сиро-арамейский язык был общеупотребительным языком повседневного общения в Иерусалиме, в иудео-христианских общинах Палестины и тех областях к северу и востоку от последней, которые в меньшей степени подпали под эллинистическое влияние. Неудивительно, что он стал и первым языком

литургии. С рассеянием евреев, являвшихся основными носителями арамейского языка, и дальнейшим расширением греческого ареала <области распространения> сиро–арамейский язык стал терять свое значение повсюду, кроме региона со столицей в Эдессе, ставшего одним из центров раннего христианства.

Таким образом, сирийский язык, хотя и сохранился до сих пор, с полным правом может быть назван мертвым, реликтовым языком» [32].

В те времена, когда Христос вышел на проповедь к иудейскому народу, иудеи общались на арамейском наречии. Св. Писание в синагогах за богослужением читалось на древнееврейском языке, а затем уже книжники толковали его для народа на понятном для них языке, то есть на арамейском. За это Господь обличал их, говоря: *Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения; сами не вошли, и входящим воспрепятствовали.* /Лк. 11, 52/, так как они очень часто пользуясь тем, что народ не понимал древнееврейского языка, на котором написано Св. Писание, извращали его смысл. Христос же напротив, общаясь с простым народом и с фарисеями, говорил с ними на понятном для них разговорном языке, то есть, на арамейском наречии. И если приводил пророчества или тексты Св. Писания, то приводил на разговорном их языке — на арамейском. Если Господь молился вслух, для всех, или учил учеников своих молитве: «*Отче наш...*» и др., то говорил это на арамейском наречии, на котором они изъяснялись, а не на древнееврейском, так как простой народ и ученики Его были люди безграмотные и не понимали древнееврейского языка. И притчи Свои, которыми Он поучал народ, брал из повседневной жизни, для того, чтобы лучше донести смысл Своей проповеди до понятия людей. А если бы Он стал приводить тексты, пророчества из Св. Писания или молиться на богослужебном или на древнееврейском языке, то Его бы никто не понял из простого народа и учеников, и проповедь стала бы напрасной. Ибо вера заключается не в том, на каком языке человек молится или совершает службу, а в правильных понятиях о Боге, о человеке и о его спасении. А эти понятия человек может приобрести из богослужений, молитв, Св. Писания и Предания на доступном и понятном для него языке. Ибо и служба, и молитвы, и Св. Писание, и творения Св. отцов, — все это продолжение проповеди Господа нашего Иисуса Христа, Который всячески старался донести Свое слово до правильного понимания его человеком — на доступном и понятном для него языке.

Ап. Павел, говоря о богослужении и молитве на понятном для нас языке, пишет: Теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением? И бездушные вещи, издающие звук, свирель или гусли, если не производят отдельных тонов, как распознать то, что играют на свирели или на гусях? И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению? Так если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер. Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения. Но если я не разумею значения слов, то я для говорящего — иностранец, и говорящий для меня — иностранец. /1Кор. 14. 6-11/.

Из истории древнего церковно–славянского языка

«Начиная с VI века, славяне стали все более и более проникать в Византию, селились там и принимали христианство. Но, слушая богослужение на чужом им греческом языке, они не могли вполне усвоить себе истины нового для них учения, и потому многие из них были христианами лишь наружным образом, сохраняя прежнюю грубость нравов и держась старых языческих суеверий. Так было до половины IX века. В половине IX века братья Кирилл и Мефодий из города Солуни задумали облегчить славянам понимание христианского богослужения — и перевели для них Св. Писание с греческого языка на язык одного из славянских племен, живших в Византийской империи. Какое именно это племя, окончательно решить не удалось. За последнее время все больше и больше укрепляется мнение, что племя это — предки современных болгар, а стало быть, и язык был древне–болгарским. Таким образом, язык этого племени стал языком письменным, и богослужебные книги, переведенные на этот язык, начали распространяться

по разным славянским землям, а с конца X -го века, когда при св. Владимире Русь просветилась светом Христова учения, эти богослужебные книги начали переходить и к нам.

Следовательно, язык, на который было переведено Св. Писание Кириллом и Мефодием, был языком живым, потому что на нём говорило одно из славянских племен, живших в Византии. Но, так как в то время языки различных славянских племен еще не отличались друг от друга в такой мере, в какой они отличаются теперь,— то нисколько не удивительно, что богослужебные книги, написанные на языке византийских славян, были легко понятны и всем остальным славянам, а потому все славяне, которые исповедали православную веру, приняли эти книги и стали ими пользоваться.

С течением времени, однако, языки различных славянских племен, постепенно развиваясь, все больше и больше удалялись от своего древнего вида, а вместе с тем, и все больше и больше отличались друг от друга; развивался и язык церковных книг, принимая в себя, правда, незначительные изменения под влиянием языков тех из славянских племен, которые приняли Св. Писание в переводе братьев Кирилла и Мефодия. Таким образом, этот язык, подвергаясь незначительным изменениям, не поспевал в своем развитии за языками живых говоров и постепенно превращался в язык книжный, т. е. мертвый, так как на нем уже не говорили славянские племена, а совершали богослужение, излагали Св. Писание, писали также все то, что относилось к делам веры; иначе говоря, этот язык, в своей первой стадии — живой, разговорный, постепенно становился языком церковной письменности.

Приблизительно к XI веку относятся древнейшие памятники древне–славянского языка, по которым мы и знакомимся с главнейшими особенностями его форм и строя. Итак:

- 1) Под именем **древнего церковно–славянского** языка разумеется тот самый язык, на который в половине IX века Кирилл и Мефодий перевели Св. Писание с греческого языка.
- 2) В то время, когда Кирилл и Мефодий совершали свой перевод, язык этот был живым языком: на нем говорило одно из славянских племен, живших в Византийской империи; но с течением времени этот язык стал мертвым, потому, что на нём уже никто не говорил, и он остался только в церковных книгах и в богослужении, почему и стал называться **церковно–славянским**.
- 3) С XVI столетия появился у нас новый церковный язык, почему прежнему языку придается название: **древний**, в отличие от нового, который стал употребляться в нашем богослужении и в наших церковных книгах.

(С начала же 20–го столетия стал употребляться новый церковно–славянский язык, и поэтому прежний язык, употребляемый с 16–го столетия и до начала 20–го, стал называться уже средний церковно–славянский язык. Итак, мы видим древний, средний и новый церковно–славянские языки. Это говорит о том, что славянский язык, от древнего и до нового, претерпел адаптацию (т. е. в какой–то степени русификацию). А это значит, что и в дальнейшем, аналогично этому, должна совершаться русификация, но только уже — ново–церковно–славянского языка. — примеч. сост.).

Русский язык не всегда был в том виде, в каком мы знаем его теперь. Было время, когда и русский язык, вместе с остальными славянскими языками, был очень близок к тому языку, на который братья Кирилл и Мефодий перевели Св. Писание. Но с тех пор русский язык успел очень сильно измениться, и, изменяясь, он, конечно, терял постепенно древние черты.

Памятников, в которых сохранился в наибольшей чистоте язык древне–церковно–славянский, немного. Впрочем, почти от каждого из славянских племен, принявших Св. Писание от первоучителей славянских, остались более или менее ценные памятники, из которых особенно важны **Остромирово Евангелие**, памятник русской письменности XI -го века (1056-1057 гг.), **Болонская Псалтирь** — памятник

болгарской письменности XII -го века; Зографское Евангелие — памятник паннонской письменности XI-го века и др.

Остромирово Евангелие названо так по имени новгородского посадника Остромира, для которого оно было переписано между 1056 и 1057 годами диаконом Григорием. Написано оно крупным, красивым почерком, называемым **уставом**, на великолепном пергаменте, и украшено четырьмя большими изображениями евангелистов. Теперь Остромирово Евангелие хранится в Императорской Публичной Библиотеке в С.-Петербурге и представляет собою драгоценный образец письменного искусства наших предков.» [18].

(Снимок со страницы рукописи Остромирова Евангелия находится в главе: «[Приложение 1](#)»)

У тех, которые ратуют за сохранение церковно–славянского языка, можно спросить: За какой вы славянский язык — древний, средний или новый? Если за древний — то вот вам Остромирово Евангелие, попробуйте читать и служить на этом древнем языке, на который переводили св. Мефодий и Кирилл, ничего не получится, и вы не согласитесь. Тогда, может быть, вы стоите за средне– или ново–церковно–славянские языки, но это уже языки адаптированные (т. е. в какой–то степени русифицированные, по отношению к своему времени); так почему же вы против того принципа — русификации славянского языка, но только уже по отношению к нашему времени? Хотя, **через посредство применения того же самого принципа, адаптации и русификации, появились средне– и ново–церковно–славянские языки.** И получается, что те, которые стоят за сохранение славянского языка в богослужении, на самом деле отстаивают средне– или ново–церковно–славянские языки; и вопиют против принципа адаптации и русификации, по отношению к нашему времени, на основании которого и появились те славянские языки, — которые они пытаются отстаивать. Но это — абсурд, и означает рубить сук, на котором ты сидишь.

Филологическая сторона вопроса

Блж. Феофилакт в толковании на 1–ое послание ап. Павла к Коринфянам говорит, что ап. употребил выражение «*Маранафа*» (то есть: «*Господь пришел*») не греческое, а еврейское, или лучше — язык сирский, ибо говорил Коринфянам, которые придавали много цены внешней мудрости и красоте греческого наречия. Он же показывает, что нисколько не нуждается в ней, но хвалится простотою, так что и говорит грубым языком. Это относится к тем, которые говорят, что славянский язык более возвышенный и поэтический для богослужения.

«Обычно хвалят также — с филологических позиций — красоту традиционного языка и высказывают опасение, что новые формулировки могут оказаться стилистически менее возвышенными. Но ведь когда–то новыми были и самые древние тексты, так что в свое время против них можно было высказывать те же самые возражения. Кроме того, следует задаться вопросом, имеет ли Церковь право постоянно держаться языка, который хотя и обладает высокими стилистическими достоинствами, но все же доступен пониманию ничтожно малой части верующих, ибо лишь немногие достигли требуемого для этого уровня образования? Не кроются ли истоки сопротивления богослужению на общепонятном языке в превозношении своей образованностью, свойственной некоторым кругам, ибо они–де одни понимают тексты, в отличие от простого народа? Может быть, они опасаются утратить эту привилегию?

Не исключено, что дело обстоит еще хуже. Поскольку до сих пор некоторые круги, ссылаясь на недостаточную вразумительность языка, не желают следовать в общем–то ясным заповедям Иисуса Христа; не усматривают ли они для себя значительного ущемления оттого, что отныне Евангельское учение будет проповедоваться всем доступно? Может быть, такое им потому противно, что они теперь будут обязаны вслушиваться в Слово Божие, а не только восхищаться его красотой?

Подобное произошло со многими верующими и в католической церкви. Вот почему, с точки зрения пастырского богословия, в свой срок было столь необходимо отказаться от латыни» [27].

Введение

«Во времена свв. Кирилла и Мефодия противники дела этих великих Просветителей славянства ссылались на доктрину, согласно которой и Слово Божие, и Божественная Литургия должны звучать по всей земле лишь на одном из трех священных языков — древнееврейском, древнегреческом и латинском: эти языки сподобились быть употребленными в тексте Голгофской надписи над главою распятого Спасителя, а потому—де противостоят всем языкам народов земли, как сакральные — мирским.

Православное Предание отвергло «трехязычную ересь», соблюдая верность изначальному выбору Церкви. Ведь если на заре христианства какие-то языки могли претендовать на сакральный статус, это был либо язык Синайского Откровения — древнееврейский, либо язык живой проповеди Иисуса Христа — арамейский (вспомним, с каким благоговением Евангелия сохраняют звучание некоторых арамейских слов); однако языком Нового Завета стало греческое *«койне»*, понятное тогда наибольшему числу людей в землях восточного и отчасти западного Средиземноморья. Над этим стоит задуматься; даже сами высказывания Основателя христианства были восприняты Вселенской Церковью в переводе на язык тех, к кому обращена была апостольская проповедь. Концепт культового языка, совершенно неизбежный для язычества, требуемый логикой иудаизма и ислама, Церкви чужд по существу; ее подлинный язык — не горделиво хранимое свое наречие, но речь, понятная спасаемым.

Этим принципам верно? прекрасное творение свв. Кирилла и Мефодия, навсегда наложившее неизгладимую печать на внутренний строй русского человека. Странно, что его употребление ныне желают увековечить при помощи той самой теории, которая некогда послужила недругам дела Солунских братьев. Странно, что славянский литургический язык, созданный, чтобы возможно приблизить святыню к сознанию предков наших, ныне поддерживает дистанцию между этой же святыней — и сознанием потомков. Православные полемисты часто корили католическую латынь, отстранявшую мирян от живого и сознательного участия в соборном литургическом служении; но вот уже и католики перешли к иной практике — а у нас все держится обязательность нашей «латыни».

Что говорить, славянский язык — драгоценность; было бы жаль отказаться от него повсеместно. А славянизмы, понятные каждому носителю русского языка, входят в русскую речь столь же естественно, как семитизмы — в состав Новозаветного греческого языка.

Что делать? Благоразумные разбойники, кающиеся мытари и блудницы — и ныне, как во времена Господа нашего, подчас опережающие на духовном пути фарисеев — не вытвердили древнего наречия на школьной скамье. Какие есть — к ним, к ним послана Церковь.» [23].

«Несмотря на то, что латинский язык для западных христиан не римского происхождения был непонятен, папы, особенно IX–го века, настоятельно требовали, чтобы везде богослужение совершалось на латинском языке. Только после усиленных стараний и в виде исключения папа Иоанн XIII–ый дозволил св. Мефодию совершать в Моравии богослужение на славянском языке, с чтением, впрочем, Евангелия по латыни или по-гречески.» [16, стр. 251–252].

Равноапостольные Мефодий и Кирилл создали азбуку, перевели Св. Писание, богослужение на разговорный язык славянских народов — славянский (т. к. в то время это был обычный разговорный язык), таким образом появился литературный славянский язык того времени. Они преследовали ту цель, чтобы донести проповедь Христа через богослужение, Св. Писание, азбуку до понимания славян на родном их языке — славянском. Поэтому если бы этот народ говорил на каком-либо другом языке или на

русском, то они бы перевели и на него, преследуя одну единственную цель, чтобы проповедь Евангелия была донесена на доступном и понятном для этого народа языке, приводя его, таковым образом, к правильным понятиям, то есть к правильной вере — православной.

Из жития равноапостольных Мефодия и Кирилла.

Вот что мы читаем из их жития: «На Мораве прежде были проповедники из Царьграда и с Запада и крестили, но мало считалось христиан. Затем приехали немецкие священники и стали всех крестить подряд. Эти священники совершали богослужение по латыни, а с народом говорили по-немецки. Поэтому Славяне, не понимавшие этих языков, не знали, во что их крестят, и не разумели христианского учения. (2)

(Здесь мы ясно видим, что славянский народ не понимает проповеди Евангелия на непонятном для них языке — примеч сост.).

Царь Михаил собрал собор, на который был позван философ Константин. Ему царь объявил желание Славян и сказал: — «Философ, я знаю, что ты нездоров; но необходимо тебе идти туда, так как никто не может выполнить этого дела лучше тебя».

— «Хотя я телом нездоров и болен, — отвечал философ, — но с радостью пойду туда, если только они имеют буквы на своем языке».

— «Дед мой и отец мой, и многие другие, — отвечал царь, — искали, но не нашли их; как же я могу их найти?»

— «Как же я буду проповедовать им? — сказал философ. — Это все равно, что записывать беседу на воде. К тому же, если Славяне неправильно поймут меня, можно прослыть еретиком».

На это царь вместе со своим дядей Вардой сказал философу:

— «Если ты захочешь, Бог даст тебе просимое, ибо Он дает всем просящим у Него с верою и отвергает толкущим».

После этого Константин вместе с братом Мефодием и с учениками отправился в славянские земли. Царь дал им в дорогу достаточное количество всяких необходимых вещей, а к Ростиславу написал следующее послание:

«Бог, Который желает, чтобы каждый имел истинное разумение и восходил в высшее достоинство, увидав твою веру и твое старание, восхотел выполнить твое желание теперь в наши годы. Он открыл буквы вашего языка, которые до сего времени не были известны, **чтобы и вас причислить к великим народам, которые прославляют Бога на своем языке...**»

Когда Константин и Мефодий пришли в Моравию, они были встречены там с великою честью. Прежде всего, Ростислав собрал много отроков и повелел им учиться у святых братьев славянской азбуке и новопереведенным книгам. Затем Ростислав под руководством святых братьев начал строить церкви. Через год уже была окончена первая церковь в городе Оломуце, потом еще несколько церквей появилось в Моравии. Константин освящал эти церкви и служил в них по-славянски.

В бытность свою здесь Константин перевел со своими учениками всё церковное чинопоследование и научил их утрени и часам, обедне и вечерни, и повечерию и «тайной службе» (литургии).

Когда стало распространяться божественное учение между Славянами и богослужение совершаться на их языке, тогда первый и злостный завистник диавол, не вынося сего, вошел в свои сосуды и начал многих возбуждать, говоря им:

— «Этим Бог не прославляется. Если бы Ему это было угодно, то разве Он не мог сделать, чтобы и изначала для Его прославления проповедь слова Божия записывалась на языке того народа, которому возвещалась. Но три языка только избрал Бог: еврейский, греческий и латинский, на которых и подобает воссылать славу Богу».

Так говорили латинские и немецкие архиереи, священники и их ученики. Константин вступил с ними, как некогда Давид с иноплемениками, в спор и словами священных книг победил **и назвал их трехязычниками, подобными Пилату,** написавшему на трех языках титла на Кресте Господа.

Так прожили свв. братья в Моравии 40 месяцев, переходя с одного места на другое, **везде поучая народ на славянском языке. Вручая Славянам бесценный дар — слово Божие на родном языке.** Константин в предисловии к святому Евангелию говорит им: «услышите, все славяне, слово, которое укрепляет сердца и умы». Устраоя училища для славянских отроков, они приобрели много учеников, готовых быть хорошими учителями и достойными священнослужителями в своем народе.

По дороге в Рим свв. Константин и Мефодий зашли в Паннонию(3). Там был князем Коцел, сын Прибины, который пригласил святых братьев в город Блатно, чтобы самому научиться у них славянской азбуке, а также затем, чтобы они научили ей и тех 50 учеников, которых князь собрал из своего народа.

(Здесь мы видим, что князь и ученики хотели научиться славянской азбуке для того, чтобы свой родной разговорный славянский язык записывать при помощи азбуки и читать; а не то, как говорят некоторые, что они учились, мол, какому-то новому, незнакомому языку. — Это то же самое, как в наше время первокласники, в школе, учат азбуку русского языка и учатся читать книги на русском языке, на котором они и разговаривают. — примеч сост.)

Кроме Паннонии свв. Константин и Мефодий заходили и в Венецию. Здесь латинские и немецкие священники и монахи накинулись на Константина, как вороны на сокола, проповедуя трехязыческую ересь.

— «Скажи нам, человек, — говорили они Константину, — зачем ты перевел Славянам священные книги и учишь их на этом языке, тогда как раньше никто этого не делал: ни апостолы, ни папа римский, ни Григорий Богослов, ни Иероним, ни Августин. Мы знаем только три языка, на которых подобает прославлять Бога: еврейский, греческий, римский».

Философ отвечал им:

— «Разве не идет от Бога дождь одинаково на всех, или солнце не сияет для всех, или вся тварь не дышит одним воздухом? Как же вы не стыдитесь думать, что кроме трех языков, все остальные племена и языки должны быть слепыми и глухими. Уже, не думаете ли вы, скажите мне, что Бог не всемогущ, и потому не может этого сделать, или завистлив, что не хочет сделать? **Мы же знаем многие народы, имеющие свои книги и воссылающие славу Богу каждый на своём языке.** Из них известны следующие: Армяне, Персы, Абхазы, Иверы (Грузины), Сугды, Готы, Обры, Турки, Козары, Аравляне, Египтяне, Сирияне и многие другие. Если не желаете согласиться с этим, то вашим судьей будут святые книги.

Ибо Давид вопиет: *"воспойте Господу; песнь новую, воспойте Господу, **вся земля**" /Пс. 95, 1/;* и в другом месте: *"восклищайте Господу **вся земля**; торжествуйте, веселитесь и пойте" /Пс. 97, 4/;* и еще: *"**вся земля** да поклонится Тебе и поет Тебе, да поет имени Твоему Вышний" /Пс. 65, 4/;* и еще: *"хвалите Господа, **все народы**, прославляйте Его, **все племена...** **Всякое дыхание** да хвалит Господа" /Пс. 116, 1/;*

Пс. 150, 6/.

В Евангелии говорится: **"а тем, которые приняли Его, дал власть быть чадами Божиими"** /Ин. 1, 12/. **"Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе"** /Ин. 17, 20–21/. В Евангелии Матфея говорится: **"дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь"** /Мф. 28, 18–20/. Евангелист Марк также говорит: **"идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками"** /Мк. 16, 15–17/.

Скажем словами Писания и по отношению к вам (немецким и латинским священникам): **"горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете"** /Мф. 23, 13/, или еще: **"горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали"** /Лк. 11, 52/. Ап. Павел говорит Коринфянам: **"желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали"** /1Кор. 14, 5/; или еще: **"и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос во славу Бога Отца"** /Флп. 2, 11/». Таковыми и многими другими подобными словами святой Константин обличал латинских и немецких священников.

(Здесь мы видим, что св. равноап. Константин философ ясно обличает своих противников в ереси. Потому, что они говорили, что Богу можно молиться только на еврейском, греческом и латинском. Св. Константин же доказал на основании Св. Писания тот принцип, что Богу можно молиться на любом языке, лишь бы этот язык был доступен и понятен для народа. И за отстаивание этого принципа свв. братья и претерпели многие скорби, поношения и лишения. Так и в наше время многие противятся этому принципу и, подобно тем латинским священникам, говорят, что Богу можно молиться только на славянском, но ни в коем случае не на русском, украинском или еще каком-либо языке. Но, их-то и обличает равноап. Константин-философ в своей предсмертной молитве, называя это учение (о том, что Богу можно молиться только на каких-то определенных языках) – ересью. – примеч сост.).

Когда приблизилось время принять упокоение и отойти в иную жизнь, св. Кирилл воздвиг свои руки к Богу и так со слезами молился:

— «Господи Боже мой, — Ты, Который составил бесплотные ангельские силы, распростер небо, основал землю и из небытия в бытие привёл всё сущее на ней, Который всегда и во всем слушает исполняющих Твою волю, боящихся Тебя и хранящих Твои заповеди, — услышь мою молитву и сохрани верное стадо Твое, пасти которое Ты поставил меня грешного и недостойного раба Твоего. Избавь это стадо от всякого безбожия и нечестия и от всякого многоречивого еретического языка, говорящего на Тебя хулу. **Погуби трехязычную ересь и возрасти во множестве Свою Церковь**».

Из послания папы Адриана к славянским князьям, врученное им через Мефодия, когда тот отправлялся к Славянам:

«...Мы же, возрадовавшись, помыслили послать в ваши страны сына нашего Мефодия, мужа совершенного разумом и правоверного, посвятив его и учеников в священный сан. **Он может учить вас, как вы о том просите, и переводить священные книги на ваш язык, и по ним совершать святую службу (литургию) и крещение и весь чин церковный**, чему положил начало, с помощью Божией и ради молитв св. Климента, св. философ Константин. Также, если кто другой будет в состоянии правильно и правоверно переводить священные книги на ваш язык *(Здесь мы видим, что папа Адриан говорит о переводе Св. книг «на ваш язык», т. е. разговорный, которым и был в ту пору язык славянский. – примеч сост.)*, чтобы вы удобнее могли познать заповеди Божии, то пусть будет сие дело свято и благословенно Богом,

нашей и всей католическою Церковью. Один только храните обычай, чтобы на литургии сначала читали апостол и Евангелие по-римски, а потом по-славянски, чтобы исполнилось слово Писания: **хвалите Господа все народы**; и еще: **начали говорить иными языками...** величая Бога, **как Дух давал им провещать**. Если же кто осмелится порицать указанных учителей и совращать от истины к басням, или, развращая вас, будет хулить книги вашего языка, тот пусть будет отлучен и представлен на суд церкви и до тех пор не получит прощения, пока не исправится. Ибо это волки, а не овцы, и должно узнавать их по плодам и остерегаться их».

На место изгнанных немецких священников св. Мефодий ставил священников-славян. В виду того, что **св. Мефодий и священники совершали богослужение и учили народ на славянском языке**, стало сильно расти учение Божие. Многие из язычников отреклись от своих заблуждений и уверовали в истинного Бога. (4)

Многими льстивыми словами немецкие священники совершенно поссорили Святополка со св. Мефодием. **Тогда они стали жаловаться на Мефодия папе Иоанну, обвиняя его в ереси, а главным образом стараясь искоренить славянское богослужение**. Папа Иоанн, желая в это время получить помощь против Сарацин от немецкого короля, принял сторону немецких священников и прислал в Моравию такое послание, которым запрещалась славянская служба и только было позволено говорить на славянском языке проповеди. Мефодий, прочитав сие послание, сказал: **«Что же будет теперь? Будут люди приходить в церковь и стоять, ничего не понимая? И позабудут учение Христово, и воскреснут в Моравии языческие обычаи. Нет, я не стану служить по латыни, это будет людям во вред»**.

(Из слов св. Мефодия мы видим, что он отказывается служить в церкви на незнакомом для людей языке, говоря, что люди не будут понимать богослужение и от этого воскреснут языческие обычаи, от чего произойдет вред. Не то же ли самое мы наблюдаем и сейчас? Возникновение всяких суеверий, повсеместное обрядоверие. В какой-то степени это обусловлено отсутствием понимания в народе церковно-славянского богослужебного языка. – примеч сост.).

Немецкие священники донесли об этом папе, и папа потребовал Мефодия в Рим. Св. Мефодий прибыл в Рим, и папа учредил над ним суд. В это время папа получил помощь в войне с Сарацинами от греческого царя Василия Македонянина, а потому и принял сторону Мефодия. На этом суде св. Мефодий был оправдан, восстановлен архиепископом в славянских землях и получил позволение совершать богослужение на славянском языке. Но, не желая оскорблять Святополка, папа написал ему такое послание: «Если тебе, князь, славянская обедня не по сердцу, ты можешь слушать у себя во дворце латинскую обедню, от немецких священников».

Затем, оставив все заботы и всю печаль возложив на Бога, св. Мефодий стал вместе с двумя своими учениками-священниками переводить те книги, которые не успел перевести вместе со своим братом, блж. Константином. Вместе с ними он успел перевести весь Ветхий Завет, кроме книг Маккавейских, а также перевел Номоканон и отеческие книги. Начал св. Мефодий свой перевод в марте месяце, а окончил 26-го октября. Окончив перевод, св. Мефодий воздал достойную хвалу и славу Богу и св. Димитрию Солунскому, в день памяти которого он закончил перевод и к которому, как уроженец Солуни, особенно благоговел» [24, см. за 11 мая].

Заключение

«Церковно-славянский язык сложился в IX–XI вв., на основе греческих богослужебных текстов, как оригинальных, так и в древне-славянских изводах, подвергшихся влиянию местных наречий. Русь только частично усвоила византийское (и в значительно меньшей мере — западное) наследие «напрямую», в основном же это наследие досталось ей опосредованно, в южно-славянских (болгарской, сербской и др.) формах.

В славянских странах восточной Европы, где утвердился византийский обряд, литургический церковно-славянский язык претерпевал изменения, а в ряде случаев менялся на местные языки — на румынский в XV-ом в. и на венгерский — в XVI-ом в.» [32].

«Известный современный славянист Ф. Мареш называет этот язык ново-церковно-славянским в отличие от средневековых изводов церковно-славянского языка (средне-болгарского, сербского и русского), — имевшего не одну и даже не две редакции, — и старо-славянского (было бы точнее его назвать древне-церковно-славянским), литургических и патриотических переводов (насчитывающих, кстати, не один исторический слой), восходящих как к свв. Кириллу и Мефодию, так и к ученикам последнего и к их древнеболгарским последователям.

Здесь нужно сделать еще несколько замечаний. Если мы обратимся к ранним пластам церковно-славянских переводов, обычно связываемых с именами свв. Кирилла и Мефодия, то увидим, что они все же не лишены свободы стремления к ясности в передаче смысла, хотя порой переводчикам не хватало словарного запаса, отчего в славянском тексте нередко встречаются греческие лексемы. Наиболее характерным здесь является нахождение определений после существительных. Во всяком случае, переводчики следовали синтаксическим конструкциям оригинала там, где они представлялись вразумительными для потенциальных читателей славян. В иных же, впрочем, нечастых случаях они от этих конструкций отстали. Равно, как иногда им приходилось прибегать к функциональной, т. е. смысловой, а не буквальной передаче того или иного выражения. Однако, по мере появления, как новых переводов, так и пересмотров старых, в связи с ориентацией на живую речь славянских народов (это касалось главным образом орфографии и лексики), ясно обнаруживалась тенденция к их большей буквализации. Это особенно наглядно видно на примере сформировавшейся на Балканах в XIV–XV вв. новой редакции переводов Евангелия и Апостола» [11].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что **ново-славянский язык** отличается от средне-славянского и тем более от старо-славянского и по отношению к ним **является языком адаптированным (т. е. в какой-то степени русифицированным).**

«Связанные со славянским языком трудности восприятия Слова Божия являются для Церкви в целом, и для ее воспитательной деятельности, в особенности, проблемой еще более актуальной и насущной, чем трудность понимания молитвенных текстов богослужения. Ведь Св. Писание есть Откровение Божие, обладающее абсолютным авторитетом и необходимое для спасения. Поэтому доведение его до ума и сердца людей есть прямая задача Церкви Христовой: *Идите, научите все народы... уча их соблюдать все, что Я повелел вам* /Мф. 28, 19–20/.

Не доходят до слушателей в славянском изложении даже такие, например, сравнительно простые места Св. Писания: *Уне есть да аз иду* /Ин. 16, 7/; *область даст Ему и суд творити* /Ин. 5, 27/; *Не сердце ли наю горя бе в наю* /Лк. 24, 32/; *Что ся вам мнит?* /Мф. 21, 28/ и многие др..

В одних из приведенных предложений встречаются слова, совершенно неупотребительные в русском языке и потому большинству русских людей неизвестные (*уне, наю*), в других — слова, значение которых в русском языке отлично от славянского (*область*), а в последнем предложении непонятны не только слова *ся* и *мнит*, но и весь оборот речи, совершенно чуждый русскому языку по своей структуре.

И такое — не в отдельно только специально выбранных предложениях и оборотах, а сплошь от одной фразы к другой, что делает непонятными даже содержание и смысл всего евангельского чтения. Прослушав его, большинство молящихся не может отдать себе отчет, о чем была речь.

Еще более сложные и уже совсем неудобопонятные выражения встречаются в Псалтири и притом в очень многих псалмах. Кто понимает, например, такие тексты, как: *От малых от земли раздели я в животе их,*

и сокровенных твоих исполнися чрево их: насытиши сынов и оставиши останки младенцем своим /Пс. 16, 14/? И этот текст читается в храме ежедневно (!) именно — в последовании третьего часа.

В качестве других (из очень многих) примеров непонятных текстов Псалтири можно привести следующие: *Озоба их вепрь от дубравы и уединенный дивий пояде и* /Пс. 79, 14/; в довольно часто звучащем при богослужениях (в основном в Великом посту) последовании девятого часа читается замечательный и глубоко прочувствованный по содержанию Пс. 83 — *Коль возлюблена селения Твоя, Господи сил!* Вот и тут вдохновенно-восторженное выражение радостных чувств при пребывании во дворах Господних, неожиданно прерывается совершенно непонятной фразой: *во юдоль плачевную, в место еже положи; ибо благословение даст законополагаяй* /Пс. 83, 7/. В русском же переводе это место звучит не только понятно, но и весьма ярко и образно, по смыслу хорошо увязываясь с контекстом, но совершенно ничего общего со славянским текстом не имеет: *Проходя долиною плача, они открывают в ней источники, и дождь покрывает её благословением.*

Кстати сказать, такое кардинальное несоответствие русского текста со славянским имеет место и в приведенном выше отрывке из 16-го Псалма, а также и во многих других Псалмах. Правда, оно объясняется не столько трудностью понимания славянского языка, сколько ошибками перевода, выполненного много столетий тому назад и оставшегося без надлежащей правки, даже в период Никоновской реформы (середина 17-го столетия); однако для современного читателя и слушателя выяснение причин, существующих текстуальных несообразностей не может служить утешением.

Между тем, русский перевод сделан много позднее (в прошлом столетии), и, несмотря на некоторые архаизмы, отличается ясностью и живостью языка, что облегчает восприятие боговдохновенного текста, воздействующего на слушателя, поистине, с божественной силой.

Подытоживая все сказанное, приходится признать, что для подавляющего большинства посетителей храмов, даже тех из них, кто молится в храме с детского возраста, не говоря уже о случайных или первичных посетителях, богослужебный язык в большей или меньшей степени непонятен и, таким образом, значительная и даже большая часть духовной пищи, преподаваемой молящимся в целях их назидания и объединения в общей молитве, этих целей не достигает.

Отрицательные стороны применения церковно-славянского языка в некоторой степени смягчались в прошлом тем, что этот язык и само богослужение систематически изучались значительной частью населения еще в детском возрасте (в школах, в гимназиях).

Однако и тогда, со стороны многих церковных деятелей и богословов все чаще звучали заявления о необходимости приближения богослужебного языка к пониманию рядового мирянина, причем, некоторые требовали принятия радикальных мер вплоть до перехода на разговорный русский язык; другие считали возможным ограничиться модернизацией наиболее непонятных славянских текстов и устранением недостатков перевода с греческого.

Такие мысли высказывались весьма авторитетными в церковном мире лицами, как свт. Феофан Затворник, свт. Иннокентий архиеп. Херсонский, митр. Никанор С.-Петербургский, еп. Августин Екатеринославский, прот. А. Горский, Сергей архиеп. Финляндский а также свт. Макарий /Невский/ митр. Московский(5). Перечисленные и многие др. иерархи и богословы ратовали, главным образом, за частичное исправление богослужебных славянских текстов (и сами над ним трудились)» [1].

«Еще свт. Тихон Задонский считал нужным и решался сам перевести Псалтирь с еврейского и Новый Завет с греческого на русский язык. Многие другие также видели нужду в переводе Св. Писания с оригинального языка. Архиеп. Московский Амвросий /Зертис-Каменский/ переводил с Лящевским Псалтирь с подлинника. Труд был закончен и приготовлен к печати. Мученическая смерть архипастыря не

позволила закончить дела. Знаменский поясняет, что свт. Тихон постеснялся издать свои переводы, опасаясь церковного соблазна» [15].

(Итак, одним из первых, кто перевел псалтирь на русский язык, был великий российский светильник свт. Тихон Задонский. Совершивши это дело, он своим авторитетом как бы благословил дальнейшие переводческие труды. – примеч. сост.).

«Вопрос о переводе богослужения на русский язык был поднят позднее и решался положительно в конце 19-го и в начале 20-го века архиеп. Ярославским Иаковом, еп. Самарским Константином, еп. Иркутским Тихоном, еп. Архангельским Иннокентием и др..

В сущности, первым и очень важным реальным шагом в сторону русификации богослужения следует считать переводы Нового Завета, а потом и всей Библии, осуществленные в прошлом столетии и положенные в основу всех изданий Св. Писания вплоть до нашего времени. Многотиражные издания Библии, Нового Завета, Евангелия на русском языке приблизили Слово Божие к рядовому православному человеку, однако, далеко не ко всякому, ибо чтобы читать Св. Писание, надо его иметь и быть грамотным, а значительная часть населения не имела возможности его приобрести или им воспользоваться. Единственным общедоступным способом восприятия Слова Божия было слышание его в церковно-богослужебном употреблении, но здесь препятствием встает незнание языка, на котором оно преподносится; несмотря на все недостатки, присущие мертвому, почти не доходящему до слушателя церковно-славянскому языку, он, однако до сего времени применяется в нашей Церкви почти повсеместно. Упоминавшиеся выше робкие попытки русификации богослужебного языка, в начале текущего столетия, заглохли в связи с изменениями условий церковной жизни, поставившими на повестку дня более насущные проблемы.

В настоящее время, хотя потребность в понятном для всех библейском и богослужебном языке осознается все в большей и большей степени, однако, в церковных кругах, среди духовенства и мирян по-прежнему имеется большое число сторонников сохранения славянского языка в качестве богослужебного.

Их аргументация сводится главным образом к указаниям на красоту церковно-славянского языка, на его привычность для православного русского человека. Ссылаются также на якобы недопустимость вообще каких бы то ни было изменений в церковной жизни и особенно в богослужении, но **православный человек приходит в храм для молитвы и назидания, а не для изучения того или иного языка, равно, как и не для любования его красотами»** [1].

О необходимости преподнесения Слова Божия и молитвы на понятном языке говорит само Слово Божие. Так ап. Павел писал: *"Ибо если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолюдина как скажет «аминь» при твоём благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь. Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается... В Церкви хочу пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тысячи слов на незнакомом языке" /1 Кор 14, 16–17, 19/.*

Против тех, которые говорят о некоторых неточностях в переводе, свт. Василий Великий в посланиях канонических писал: **«От писания не должно требовать буквальной точности, когда изложение хорошо выражает предмет, но не предлагает собственно значения слова еврейского»** (Послание к Амфилохию, прав. 15).

«Даже два классических языка, создавших основу всей нашей цивилизации, отразивших в своих формулах Слово Божие и сформировавших лингво-понятийный аппарат его истолкования, — латинский и греческий — полностью или частично уступили место в богослужении местным языкам. Нынешние ревнители «благочестия» гневно отвергают попытки даже частичного ввода русского языка в богослужение, чтение по-русски Евангелия и Апостола. Церковно-славянский язык сыграл огромную роль в нашей истории и

культуре, но он отнюдь не является, вопреки мнению некоторых «патриотов», оригинальным языком Библии и христианского богословия. Богослужбные тексты и песнопения на церковно-славянском языке сохранили в себе многочисленные следы «темных» и часто ошибочных многократных переводов с языка на язык» [32].

История перевода Библии на русский язык [8].

«Перевод Библии на русский язык имеет, без сомнения, чрезвычайно большую важность и высокое историческое значение. Он удовлетворил существенной потребности православного русского народа читать слово Божие на родном, понятном ему, языке и почерпать в нем наставление и подкрепление в вере, и руководство и утешение в жизни.

Русский народ, издревле расположенный к чтению книг духовно–учительного и священно–исторического содержания и, можно сказать, воспитавшийся на этой литературе, имел счастье, доставшееся в удел не всем христианским народам, получить священные книги на родном и понятном ему языке при самом обращении своем к христианству.

Церковно–славянский язык, на который переведены были книги Св. Писания, частью, бывши может быть, в ту пору письменным, литературным языком, был еще так близок к языку наших предков (древне-русскому) и вообще так был понятен всем славянским племенам, всему славянскому миру, что на него можно смотреть, как на церковный общеславянский язык того времени, хотя еще до перевода Библии, и может быть даже за несколько веков до этого события, общий славянский язык, родоначальный для всех славянских наречий, уступил уже место говорам отдельных славянских народов. По той мере, как эти последние ветвились между разными славянскими племенами, слагавшимися в особые организмы, и принимали видоизменения, возникавшие из особенных условий, при которых развивалась историческая жизнь различных славянских народов, общий памятник веры и общее наследие всего славянского племени — славянская Библия, сохранявшаяся долгое время неприкосновенною, мало–помалу также потребовала приспособлений в постепенно возрастающих и увеличивающихся разностях народных языков отдельных славянских народов.

Русский язык, следуя тем же законам развития, каким следовали языки и других славянских народов, в незапамятное время выделился из общей славянской речи и, развиваясь мало–помалу, принял те формы, какими пользуется в настоящее время русская мысль для своего выражения. В IX-ом веке живым элементом вошел в него язык церковно-славянский — в переводе Библии. Русский язык без сомнения многое заимствовал из этого источника, но продолжал развиваться своим порядком.

Постоянное употребление церковно-славянского языка при богослужении делало на долгое время не особенно приметною разность между собственно русским и старым церковно-славянским языком. Некоторые, разновременно и исподволь делавшиеся исправления священного текста и приспособления его к возникающим новым формам речи делали язык Библии понятным, хотя в разной мере, для всех членов православной Русской Церкви. Но продолжающееся развитие русского языка уже в последней половине XVI-го столетия вызвало попытку к переводу наиболее употребительной Св. книги — Псалтири, — на русский язык(6), а сделавшись особенно быстрым с начала XVIII-го века, сделало, вместе с тем, настоятельно необходимым переложение Библии на современный русский язык, понятный для всех.

Приводимые ниже отрывки показывают, какое в 19-ом столетии, при переводе Нового и Ветхого Заветов со славянского на русский язык, происходило противление и как стараниями выдающихся св. мужей этой эпохи перевод был осуществлен. (Такое же самое противление наблюдается и сейчас при попытках перевода и русификации богослужбных текстов. — примеч. сост.).

«Цена русскому Евангелию,— писал Филарет /Дроздов/ архиеп. Тверской к Попову 9 апреля 1819 г.,— пять рублей, по моему мнению, согласна с обстоятельствами и необременительна на сей раз. Второе издание немедленно начать — и нужно, и нет никакого сомнения». Первое и второе издания выпущены в 10 тысячах экземпляров каждое».

«Евангелие на русском языке,— сказано в отчете за 1818 г.,— ожидаемое с нетерпением, принято с чрезвычайным удовольствием и умножило еще более желание читать слово Божие. По всему видно, несомненно сказать можно не ложным образом, что мысль об издании Св. Писания на русском языке есть внушение Того, Которым и Писание само даровано человекам».

«Нельзя не упомянуть здесь,— сказано в отчете,— о той радости, с какою приемлются единоплеменниками нашими сии книги словес Господних на природном вразумительном для всякого языке, ни изъяснить той пользы, какой от того ожидать можно; таковая польза наиболее предвидится для юношества, которое снабжается сими книгами. Поистине можно сказать, что дело перевода сего есть величайшее благодеяние для русского народа, издревле наклонного к благочестию и всегда жаждущего просвещения духовного, божественного. Совершение труда сего пребудет навсегда перлом многоценным в венце благочестивого благодетельного и возлюбленного Монарха нашего, которому Господь положил первому в сердце мысль и желание даровать народу своему сие облегчительное средство к чтению и уразумению глаголов Божиих.

Приводим отзывы некоторых преосвященных о пользе сего издания.

«Польза от сего издания, писал Псковский архиепископ Евгений /Болховитинов/ 11 мая 1819 г., — не только простолюдинам, но и самому духовенству, наставляющему их, очевидна и несомнительная. Давнее уже и нетерпеливое всех ожидание оногo ручается в успехе еще большего распространения слова Божия в сердцах верующих».

«Что употребление Божественной сей книги — писал Авраам еп. Тульский 15 мая 1819 г.— на обыкновенном, для всех вразумительном языке, произведет все то добро, какового можно ожидать от познания и уразумения откровенного слова Божия, в том не допускает сомневаться польза, которую получают народы, читающие книгу сию на отечественном языке. Нет также сомнения, что все в отечестве нашем любители слова Божия, давно с нетерпеливостью ожидавшие книги сей, чрезмерно будут обрадованы, когда узнают о издании оной в свет, и всякий пожелает иметь у себя».

«Драгоценный перевод сей,— писал Амвросий /Протасов/ архиеп. Казанский 15 мая 1819 г., — послужит к большому облегчению переводчикам (Евангелие на чувашский и черемисский языки), трудящихся под надзором моим; между тем, как и всем ревностным почитателям слова Божия принесет душевную пользу. Сие доношу я Вашему сиятельству по опыту».

«Сколь не сближен славянский язык с русским в церковных книгах наших,— писал Анатолий /Максимович/ архиеп. Минский 15 мая,— но многое для многих оставалось непонятным даже и в Евангелии по непривычке к славянским изречениям, и от того Святая Истина не могла действовать на сердца читателей в полной своей силе. Ныне и сие препятствие разрушено. Да, кажется язык живой и приличнее слову жизни. Слыша Его слово на языке нашем, тем более можем увериться, что Бог говорит к нам. Да будет сей новый плод трудов Библейского Общества знаменем новой благодати и силы Божией во спасение Россов».

«Много бы, ваше сиятельство, одолжили здешний комитет — писал Лаврентий /Бакшевский/ еп. Дмитровский,— если бы приказали поскорее прислать к нам хоть одну тысячу экземпляров сего перевода. Тогда и присланный вами экземпляр для моего удовольствия ко мне возвратится; а теперь против моей воли переходит он из рук в руки с великим желанием от многих иметь сию Св. книгу».

«Здесь открывается, — писал преосвящ. Парфений /Петров/ еп. Архангельский 17 мая, — превосходство и изобилие русского языка, чисто и удобопонятно славянский поясняющего. А из сего и явно истекает польза всем, по сему пути к вечному спасению шествовать желающим. Ныне россияне, на российском наречии читающие Христово благовестие, ясно и чисто уразумеют всю волю Божию в Слове, Словом Его объясняемую: уразумев же, возрадуются о спасении своем. Многие в здешнем городе, алчущие вкусить глаголы жизни вечной, предлагали мне неоднократно желание свое иметь на сем наречии предложенное Св. Писание».

«Сей важный феномен на горизонте российской церкви, — писал Евгений /Казанцев/ еп. Курский, — достойный золотого века благочестивейшаго из Монархов Российских, подобен восходящей заре, предшествующей тому славному и светлому дню, когда божественное слово будут читать все, и разумеать и простые и дети, к коим преимущественно направлены глаголы жизни вечной, но для коих доселе сей Священный источник закрыт был древностью языка».

«Издание Нового Завета совокупно на славянском и русском наречиях, — писал Иона /Павинский/ еп. Орловский 23 мая, — сей новый дар милосердия Божия, подаваемый любезному отечеству нашему, всеми благомыслящими с нетерпением ожидаемый, — без сомнения всеми принято будет с усердием и благоговением, и труды подвизающихся в переводе вознаграждаются всеобщим всех соотечественников благословением; и, тем более что наставляемые самим Словом, они и на русском наречии не отступили от величественной простоты сего божественного слова и не заимствовали нигде и ни в чем от прикрас кичливой словесности века».

«Чувствую слабость сил моих, — писал Даниил /Натток–Михайловский/ архиеп. Могилевский, — чтобы выразить мою благодарность достойно и соответственно сему столь бездонному дару. Он поистине есть новая Господня скрижаль, озаряющая нас светом боговидения, как Фавор от лица света славы Господней. При всерадостнейшем его появлении вдруг все члены здешнего комитета собрались и восхитились беспредельным душевным удовольствием и возжелали также сподобиться столь душеспасительной драгоценности к распространению ея во всем отделении сего комитета».

«Святое сокровище сие, — писал Амвросий архиеп. Тобольский 24 мая, — извлекает из глубины души моей неизъяснимую благодарность благопопечительному обществу в душеспасительном сиянии небесного семени».

«Блаженны очи наши теми, — писал из Киева прот. Стефан Семяновский, — яже во днех наших видят, и уши наши, яже в житии нашем слышат. Печать, препятствовавшая многим входить в ясное познание истин Евангельских, разрешается и благословением Божиим отверзается для всех разумеать Писания».

«Сердечно радуюсь, — пишет свт. Игнатий /Брянчанинов/ к архиеп. Леониду /Краснопевкову/, — что слово Божие будет в общем употреблении на русском языке. Сего же дня получил я из Петербурга письмо от одного знакомого, который пишет, что высылает мне вновь изданное Евангелие. Слава Богу! Кажется **Дух Святыи, сообщив апостолам в день Пятидесятницы знание языков, со всею ясностью указал волю Божию, состоящую в том, чтоб Слово Божие имелось и провозглашалось на всех языках**».(7)

Письма митр. Филарета к митр. Серафиму, по этому поводу от 8 и 13 декабря, известны и напечатаны.

«Непонятно, — писал он от 8 декабря, — кем и как и почему приведено ныне в сомнение дело столь чисто и совершенно утвержденное всем, что есть Священного на земле. Не великая бы забота, если бы сомнение сие угрожало только личности человека, бывшего орудием сего дела: но не угрожает ли оно иерархии, не угрожает ли церкви? Если сомнительно православие катехизиса, столь торжественно утвержденного Св. Синодом, то не сомнительно ли будет православие самого Св. Синода? Допущение сего сомнения, не потрясет ли иерархии до основания? Не возмутит ли мира церкви, не произведет ли тяжкого церковного соблазна? Суд, который над деянием Св. Синода произнесет священник (если то правда, что одному

священнику поручено дать мнение о катехизисе, Синодально утвержденном), уверит ли всю церковь и не обнажит ли только разрушение иерархического порядка, через допущение такого суда? Теперь сделалось мне известным, что в отношении г. министра народного просвещения, которое прописано в указе Св. Синода типографской конторы, символ веры назван не символом или исповеданием веры, но молитвою. Не знаю, кому приписать должно обнаруженное здесь столь сбивчивое понятие о делах церковных. И с таким понятием неизвестные действователи возьмут себе суд над Св. Синодом. *Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, церковь».*

Во время нападений на катехизисы Филарета одним из неугомонных клеветов Шишкова был некто Смирнов Степан — тот самый, который еще в 1816г. подавал Государю донос «о богохульных книгах». Послужив под начальством кн. Голицына, Смирнов вышел в отставку, переселился в Москву и стал смелее производить свои набеги на Библейское Общество. Один священник при храме Положение ризы Иисуса Христа, за Москвой-рекой, сдружился со Смирновыми и также стал намекать в своих проповедях на мнимые ошибки и небывалые заблуждения своего архипастыря. Эти два богослова нашли неправильности в одной из знаменитых проповедей Филарета — в день Благовещения, и обратили на них внимание блюстителя православия в Русской церкви — Шишкова. Пошли и всюду распространились толки о запрещении этой проповеди. Огорченный и обиженный Филарет писал к митр. Серафиму: «несбыточная молва о катехизисе, которая, однако, сбылась, делает сбыточною молву, которая теперь идет о проповеди моей в день Благовещения, что она будет запрещена. Не имел дерзости доверять самому себе в исправности своего дела, озаботился бы я, может быть, сим случаем: но не без промысла, думаю, Божия так устроилось, что спокойствие совести моей в сем случае подкрепляется и утверждается двояким свидетельством вашего высокопреосвященства: во-первых, сохранились у меня рукописи сей проповеди, на которой ваше высокопреосвященство собственною рукою исправили одно выражение — и не более.

Во-вторых, сохранилось у меня ваше собственноручное письмо, в котором сделанный вами о сей проповеди отзыв столь благосклонен, что я в другом случае не отважился бы обнаружить оный, опасаясь тщеславия, но теперь принужден выписать. Вы пишете: «Проповедь вашу на Благовещение я читал; она, по моему мнению, есть самая лучшая из проповедей ваших».

После сего, не мое маловажное дело, но важное свидетельство Вашего высокопреосвященства защищать должно, если только нужно защищать в деле сего рода, суждение первенствующего члена Синода против возражения одного светского человека, который, по своему произволу, произвел себя не только в богослова, но и в судию веры и церкви. Повторяю то же, что писал к вашему высокопреосвященству по случаю катехизиса, т. е. если сквозь дела хотят язвить лицо — пускай. Но должно ли допускать, чтобы подкапывали твердость и достоверность Церковного правительства, чтоб возмущали мир Церкви?»...

Митр. Серафим отвечал на оба письма вместе, в декабре же. «До православия катехизисов ваших никто ни малейше не коснулся, а потому честь ваша, как православного пастыря церкви остается без всякого пятна, а равно достоинство или важность Св. Синода сим случаем не унижена... Будьте уверены, что я в вас принимаю дружеское участие и искренно желаю вам всякого добра... Я чувствую, что положение ваше тяжело и скорблю о сем от всего сердца, что не имею возможности облегчить вас от бремени. Итак, потерпи, пастырь добрый; терпение не посрамит. Оно доставит вам опытность, которая впоследствии времени крайне полезна вам будет, что имел случай сам над собою дознать».

Филарет /Амфитеатров/ еп. Калужский, узнав о сем и утешая преосвящ. Филарета, писал к нему от 12 декабря: *не ведают что творят*. Есть известие, что в это время запрещены были также Филаретовы Записки на книгу Бытия под тем же предлогом, что будто не должно излагать тексты на общеупотребительном языке; но это требует подтверждения.

В начале 1825 года Шишков сделал еще новое нападение на Филарета по поводу изъятой из употребления в народных училищах в 1819 г., по его предложению, книги: «О должностях человека и гражданина».

Экземпляры этой книги, введенной в народные училища Екатериною и, как догадываются, ею и сочиненной, имевшей 11 изданий, отобраны были из училищ, и директору департамента Попову велено было продать их на бумажную фабрику. «Сим образом, — писал Шишков в докладной записке Государю, — книга, содержащая в себе самые чистые нравоучения, основанные на выписанных из Евангелия и тут же приложенных текстах, книга, наставляющая юношей в правилах обуздывать свои страсти, воздерживаться от всяких пороков, быть добрым в общежитии человеком, верным подданным Государю и полезным отечеству гражданином, книга, начертанная сердцем и рукою Великой Екатерины, предана истреблению на бумажную мельницу»... Шишков просил дозволения вновь ввести её в народные училища.

Но то, что было самого честного и безукоризненного в действиях Общества, это — само исполнение перевода Библии на русский язык. Даже когда найдено было нужным закрыть Общество, не было не только никакой необходимости, но даже никакого повода останавливать продолжение этого перевода и издание в народ переведенных частей. Если справедливо найдено было неудобным авторизовать этот перевод именем Библейского Общества; то можно было и надлежало возратить это дело на прямой его путь, т. е. продолжать перевод ученым порядком при академиях и издавать его тем же порядком, или же и от лица Св. Синода. Но негодование против Общества простерлось и на само дело перевода, которое если не в определении, то в системе действий оглашено было как вредное для православной церкви.

Мы не будем рассматривать, чем отозвалось это направление на богословской науке. Но должны были сделать эти замечания, чтобы, по возможности, объяснить положение дел и направление понятий в то время, когда появились переводы книг Св. Писания на русский язык Г. П. Павсакаго, и Алтайского миссионера архим. Макария. Напряжение усилий, в этом направлении, представителей его, которых впрочем, было немного, простиралось до того, что, за преданием и обрядностью, Библия отодвигалась далее, нежели на второй план. В духе этой системы распространяема была мысль, будто у православной церкви есть правило не всем христианам дозволять чтение слова Божия. Эта мысль, подготовленная несколько изданием Патриарших грамот, приводила в содрогание наших православных пастырей. «Одна мысль, — писал в это время Тверской архиеп. Григорий к митр. Филарету, — о запрещении чтения Св. Писания простым христианам, приводит меня в страх. Не могу постигнуть, откуда происходит такое мнение. Не есть ли оно изобретение всегда скрытно действующих агентов латинства? Или это мнение есть порождение умножающегося в наше время вольнодумства, дабы потом, как оно прежде поступало с духовенством западной церкви, смеяться над нами? Да помилует нас Всемилостивый... **Нет ни одной, — говорит он далее, — особенно духовной истины, которой бы нельзя было употребить во зло, или против которой нельзя было бы сделать возражения. Для сего нужно только то, чтобы был человек со страстями, а особенно с самолюбием.**»

Наконец, даже предполагалось было утвердить исключительное, церковное и учебное, общественное и домашнее, употребление славянской Библии церковным авторитетом, как это сделано в римско-католической церкви относительно Вульгаты(8). Но, по счастью, этого сделано не было. «Св. Синод, — писал преосвящ. Филарет митр. Московский, — по трудам исправления славянской Библии, не провозгласил текста славянского исключительно самостоятельным и тем прозорливо преградил путь тем затруднениям и запутанностям, которые в сем случае были бы те же, или еще большие, нежели какие в римской церкви произошли от провозглашения самостоятельным текста Вульгаты».

В конце 1841 г., член Св. Синода, Киевский митрополит Филарет получил в С.-Петербурге письмо, присланное из Владимира без подписи имени писавшего(9), следующего содержания:

«Недавно вышел в Петербурге литографированный русский перевод учительных и пророческих книг ветхозаветного канона (исключая псалмов)...

Высокопреосвящ. Владыко! Змий начал уже искушать простоту чад св. православной церкви и, конечно, станет продолжать свое дело, если не будет уничтожен блюстителями православия, которым Господь вручил водительство своей церкви. Неужели допустить, чтобы враг сеял более и более свои плевелы посреди пшеницы, чтобы яд его беспрепятственно распространялся между верующими!»

Указавши на неверности перевода, безымянный доноситель предлагает далее советы, как поступить с переводчиком, охранить церковь от угрожающей ей опасности и удовлетворить потребностям сынов церкви, жаждущих чтения слова Божия. «Нет нужды, — говорит он, — подвергать переводчика осуждению церкви и отлучению. Игнатий Богоносец заповедует молиться о еретиках. Ему нужно, напротив, преподать пастырское наставление, нужно возложить на него временную эпитимию, да дух его спасется в день Господа нашего Иисуса Христа. Нет нужды также отбирать экземпляры русского перевода; сею мерою можно только вооружить христиан против власти церковной. Распространению перевода способствует не желание читателей разделять мысли переводчика, но общее чувство нужды в переводе. **Каждый христианин, для которого дорого спасение, стремится познать истину Божию сколько можно совершеннее, видя образцы и прямые заповеди о сем в самом Св. Писании. Но он не может удовлетворить себя славянским переводом, которого темнота и неверность по местам закрывают от него истину. У него нет другого перевода; он по необходимости обращается к мутным водам, чтобы чем-нибудь утолить свою жажду. Люди, получившие светское образование, давно уже не читают славянского перевода Ветхого Завета и прибегают к иностранным переводам. В купечестве некоторые желают, чтобы труд перевода взяли на себя, по крайней мере, светские. В учебных заведениях наставники и воспитанники для объяснения текстов должны также обращаться к подлиннику, и если он неизвестен, то к иностранным переводам. Священное достоинство славянского перевода неотъемлемо; его церковное употребление должно остаться неприкосновенным до времени. Но он не может доставлять полного назидания при домашнем чтении, ясного научения при школьных занятиях; его темнота так велика, что читатель не только не видит в тексте отношения к предмету речи, но и мысли, тогда как общее направление нынешнего времени ищет именно ясности понятий и не довольствуется темными представлениями об истине. Сии-то причины заставляют христиан приобретать русский перевод. И по сим-то причинам он распространился и продолжает распространяться в великом множестве, как в литографированных экземплярах, так и в рукописях...**

Самое действительное средство воспрепятствовать распространению перевода состоит в том, чтобы удовлетворить общему чувству нужды верным переводом, обнаружить в полном свете самую истину, которая имеет довольно силы состязаться с ложью и одержать над нею победу. **Справедливо, что при сем деле невозможно избегать роптания со стороны людей суеверных или упорствующих в темноте невежества. Но чем же виновны души, ищущие истины, чтобы из опасения возмутить покой суеверия и грубости, отказывать им в пище?.. Ни в какое время истина Божия не была скрываемая от людей, преданных ей. Мы можем указать даже на многие отечественные примеры в доказательство того, как всегда заботились пастыри приблизить разумение слова Божия к понятиям и языку современному...**

Конечно, справедливо и то, что яркий свет Св. книг может ослепить многих, знакомых с одним славянским переводом. Но неужели нельзя удержать и в русском переводе те славянские слова, обороты и словосочетания, которые отличаются ясностью, силою и выразительностью? Неужели нельзя соображаться в переводе с греческим текстом, также как с еврейским, чтобы отступления русского перевода от славянского не были слишком поразительны и чтобы не вошли в перевод ошибки, происшедшие от рук масаретов и раввинов? Можно также помещать при каждой книге вступление в нее и под самым текстом краткие объяснения, чтобы неудобовразумительные места не дали повода к ложным толкованиям; можно в нескольких экземплярах поместить русский текст между еврейским и греческим, чтобы знающий сии языки видел подлинность перевода. Можно издавать Св. книги не все вдруг, но по одной или по две в год, чтобы разнообразие откровения всегда содержало умы в благоговейной любви к

нему. Можно сделать много другого, чтобы только не заграждать источника воды, текущей в жизнь вечную».

Возвращаясь опять к литографированному переводу, неизвестный автор обращает внимание на те последствия, которые могут произойти от распространения «произведения сего нового Маркиона», и заключает свое письмо так: «на русском языке едва ли когда являлось такое богохульство, как в литографированном переводе». В конце письма объяснено, что по такому же экземпляру сего письма послано к преосвященным митрополитам С.-Петербургскому Серафиму и Московскому Филарету.

По делу миссионерства, имея постоянную нужду обращаться к пособию и руководству слова Божия, архимандрит Макарий(10) живо чувствовал все неудобство обращения к славянскому тексту, часто малопонятному или не точно передающему смысл подлинника. Еще проповедническая ревность его смущалась тем, что обращаемые и новообращенные из обитающих в русском государстве язычников, магометан и иудеев, не зная славянского языка и не понимая славянской речи, не в состоянии почерпать наставлений в христианском учении и в христианской жизни из самого Священнейшего источника веры — слова Божия. — С одной стороны, чтобы устранить эти неудобства, с другой, в видах общенародной пользы от чтения слова Божия на родном языке, архим. Макарий в 1834 г. прислал к Московскому митр. Филарету письмо «о потребности для российской церкви переложения всей Библии с оригинальных текстов на современный русский язык. Но митр. Филарет не дал этому письму в ту пору ни хода, ни известности, потому что высшая духовная администрация того времени враждебно относилась ко всем попыткам подобного рода. В 1836 г. 16 сентября преосв. митр. Филарет писал к своему соименнику, ректору Московской академии (бывшему впоследствии Черниговским архиепископом(11)): «предубеждение против новых переводов Св. книг вообще сильно». Но это не остановило Макария. Среди трудов евангельской проповеди язычникам, он предпринял перевод Св. книг Ветхого Завета с еврейского на русский и в 1837 году прислал в Комиссию Духовных училищ начало своего труда — перевод «Книги Иова». Макарий начал с этой книги, вероятно потому, что Библейское Общество довело свой перевод до этой книги. Следовательно, Макарий как бы продолжал дело Библейского Общества. Отправляя свой перевод в Комиссию Духовных Училищ через епархиальное начальство, Макарий послал в тоже время прошение или, как он называет его, письмо на Высочайшее имя, прося Высочайшего повеления о рассмотрении перевода его в Комиссии Духовных Училищ и об издании его на сумму Комиссии для употребления в духовных училищах. Представляя свой перевод в «священнейшее благоволение и покровительство» Государя, Макарий писал:

«Всемиловитейший Государь! Великим благодеянием, которое Ваше Императорское Величество сотворили многим народам, составляющим российское государство, даровав им законы, приведенные в изящный порядок и в вожделенную ясность, Ваше Величество открыли восхитительные виды надежды, что российская церковь получит от благословенной десницы Монарха Святую Библию на живом российском наречии, в переводе с оригинальных языков еврейского и эллинского, в той полноте, в той общей для всех вразумительности, в какой было благоугодно Господу Богу даровать ее человекам, бесчисленно-разнообразными путями — благостью Его обращаемым от заблуждений, спасаемым...

Владимир Великий, просветивший русскую землю святым крещением, и достойные преемники его сделали для торжества истинной веры над суеверием и невежеством все, что содержалось в возможности века их, и наши предки получили полную Библию в таком переводе славянском, какого яснее и удобнее к употреблению в то время быть не могло.

Ныне совсем другое время; язык славянский сделался мертвым; на нем никто у нас не говорит и не пишет; число людей, понимающих его в Св. Писании, мало, пред миллионами частью не понимающих, частью мало понимающих, между которыми большое количество служителей церкви. С другой стороны, Новый Завет, первая книга Моисеева и Псалтирь на российском наречии свидетельствуют, что российское слово уже достигло того возраста зрелости, в котором время

супружескому союзу его с Божиим словом исполниться и совершиться окончательным образом, что российская церковь, будучи утверждена на основании апостолов и пророков, и самого Иисуса Христа имея краеугольным камнем, когда уже получила Писания апостолов Нового Завета, может, а потому и должна иметь все Писания пророков Ветхого на русском наречии, и что российский народ достоин иметь полную российскую Библию...

Всемиловейший Государь! Нет возможности воспроизвести в России Римскую церковь св. Петра; но, Ваше Величество, можете из чистейших, драгоценнейших веществ русского слова создать словесный храм премудрости Божией в такой прочности, правильности и точности, в таком вкусе, в таком великолепии и изяществе, что он будет выше всего великого и прекрасного в мире, будет истинною славою православия нашей церкви пред лицом всех церквей, будет вечною, неувядаемою, любезною Богу и человечеству славою Вашего царствования и веселием Неба. Ваше Величество, можете совершить сие Святое здание, столь торжественно начатое и столь высоко возведенное в царствование Александра Благословенного. Только слово царское изречете — и российская Библия явится во всей полноте и красоте своей; и после божественного оригинала, который может только один быть, Российская Библия будет первою и превосходнейшею в христианстве, потому что само провидение Божие дарует нам, как бы в добычу, опыты, успехи, немощи древних и новейших веков в испытании Св. Писаний; и сие есть знамение особенного благоволения Божия к русской церкви, венец чести, который ей предназначен и принадлежит и который, впрочем, легко может предвосхитить другая церковь, например Великобританская, когда ускорит, для успехов царствия Божия в человеческом роде, подарить России полную Библию на чистом русском наречии. «Поспешайте делать добро», — говаривал нам бессмертный Суворов...

Когда у евреев начало ослабевать разумение еврейского языка а, между тем, приближалось время чистому богопознанию распространиться во всех народах, тогда провидению Божию было благоугодно, чтобы еврейскую Библию перевели на эллинский язык, который был тогда во всеобщем употреблении; **а когда в новом завете Дух Святой в огненных языках сошел на божественных учеников Иисуса Христа, тогда Он освятил все живые языки и все наречия, чтобы все они были живыми проводниками слова Божия, слова жизни и истины в человеческом роде...**

Всемиловейший Государь! Когда российская церковь будет иметь полную российскую Библию, тогда Господь избавит нас от нареkania между народами, которые уже не будут говорить, что русские ненавидят свет и сами боятся полного света своей религии, хотя должны передавать его и другим столь многим народам, *сидящим во тьме и в тени смертной*, и хотя провидение Божие для того и покорило им сии многоразличные племена, чтобы они просветили их светом истинного откровения Божия, — что русские равнодушно остаются без полной русской Библии, между тем как имеют полный алкоран <коран> на русском наречии, и те из русских магометан, которые не понимают его на арабском, оригинальном, могут читать его в русском переводе, который довольно ясен...

Когда российская церковь получит полную Библию на русском наречии в переводе с оригинальных языков, тогда, Ваше Величество, откроете все божественные источники христианского просвещения, чтобы чистые и животворные воды слова Божия самыми удобнейшими путями разливались по всем сословиям народа, водительство Вашему вверенного. В особенности же сотворите великое благодеяние для церковных училищ, облегчите для церковного юношества изучение Библии, подвинете далеко вперед к усовершенствованию богословских наук в академиях и семинариях наших, распространите употребление и разумение Библии в полноте ея между приходскими священниками и их сослужителями и положите Божие основание к возвышению и очищению нравственности в церковном клире. Потом успехи образованности христианской, и вообще в народе русском, и особенно в церковном чине, будут иметь спасительные действия на суеверные племена, содержащиеся в составе государства русского; и полная

русская Библия, приготовляя для сей жатвы достойных делателей, будет служить самым способным орудием к деланию, будет поддерживать, питать и усиливать в них способность и усердие к деланию. Нам указывают на английских и германских миссионеров и пасторов; но они уже давно имеют полную Библию на живых отечественных языках...

Всемиловейший Государь! В обширной державе Вашего Императорского Величества столько магометан и евреев. Если мы должны любить ближних своих, как самих себя, делом и истиною, если мы христиане и чувствуем цену дара Божия человекам во Христе Иисусе, то, как сами должны возрастать в живом и плодоносном познании Иисуса Христа распятого, так должны желать и стараться, чтобы и ослепленные магометане и евреи с покрывалом на сердце приняли Иисуса Христа, Спасителя грешников, и через Него сделались чадами Божиими и причастниками жизни вечной. Когда российская церковь будет иметь полную российскую Библию, тогда не только клирики, но и прихожане их грамотные, хотя с дальнею ученостью и незнакомые, евреям, знающим русский язык, будут читать пророческие книги Ветхого Завета в переводе российском, совершенно согласном с их еврейскою Библиею, и показывать им Иисуса Христа в Ветхом Завете, а тем магометанам, которые говорят по-русски, будут показывать в исторических книгах Ветхого Завета, как безрассудно Магомет искажил в алкоране свидетельства истины, и что, как отец лжи — диавол, то Магомет не есть посланник Бога истинного, который есть отец истины...

С премудрым и великим намерением, Ваше Императорское Величество, изволите возводить магометан и евреев на ту точку образованности и сближения с русскими христианами, на которой они могли бы, хотели бы, любили бы, привыкали бы читать русские книги. И ныне, если, Ваше Императорское Величество, соизволите положить пред ними полную Библию на русском языке, то те из них, которых знает Бог, сами начнут читать ее, уразумеют истину, и истина освободит их от заблуждения. Когда мы можем им послужить полною Библиею на русском языке, то не можем думать, что довольно для них одного Нового Завета и двух из книг ветхозаветных. Господь хочет спасти их полною Библиею. Магометанские татары и евреи совсем не то же, что остяки или тунгусы...

Всемиловейший Государь! Св. книги Ветхого Завета на русском языке в исправном переводе с еврейского необходимо нужны, как и Новый Завет, для священников и клириков при церквях приходских и для миссионеров в обращении, в приготовлении магометан и евреев к просвещению св. крещением, и при дальнейшем утверждении новокрещенных из сих племен в христианской вере. Новый Завет основан на Ветхом; и вообще Библия есть то прекрасное творение премудрости Божией, в котором божественное разнообразие приведено в божественное единство, в котором всякая часть необходима для целого. Св. Павел во втором послании к ученику своему Тимофею, сказав о Писаниях Ветхого Завета, что они могут умудрить его во спасение верою во Христа Иисуса, говорит потом, что **всё Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности; чтобы совершен был человек Божий, ко всякому доброму делу приуготовлен** /2Тим. 3, 16-17/...

Некоторые места Св. книг Ветхого и Нового Завета требуют ограждения от превратных толков и злоупотреблений самыми краткими примечаниями. Безрассудного ропота людей легкомысленных можно избегать безмолвием и спокойствием действия. Можно распространять Св. книги Ветхого Завета на русском языке с видом некоторого равнодушия, без напряженного стремления; и на время ограничиваться кругом ученых. **Впрочем, нет таких Священных и благотворных учреждений в человеческом роде, которых бы человек не мог во зло употребить.** Предусматривают сии злоупотребления; предотвращают их, как умеют и могут; имеют в готовности все к мужественному принятию сих неприятелей, которых появление неизбежно; и в то же время идут вперед с Богом в созидании общего блага. Одни и те же дороги железные послужат и врагам и друзьям человечества к ускорению и умножению оборотов в их предприятиях. Ап. Петр свидетельствует, что невежды, к собственной своей гибели извращали смысл посланий св. Павла, подобно, как и прочие Писания. Но это не воспрепятствовало св. Павлу проповедовать слово о кресте Господа нашего Иисуса Христа, которое для одних казалось безумием, а для других было

соблазном, между тем, как верующие находили в нем силу Божию и божественную премудрость /2Пет. 3, 16; 1Кор. 1, 18. 24/».

В то же время он писал в Комиссию Духовных Училищ: **«Вам известно, какие затруднения претерпевают духовные училища по классам богословских наук оттого, что не имеют полной Библии на русском наречии в исправном переводе с оригинальных языков. Вам известно, что в народе русском многие миссионеры, и в том числе знатная часть служителей церкви, не могут хорошо разуть Ветхого Завета на славянском, уже мертвом у нас, наречии. Вам известно, что Новый Завет на русском наречии не доказывает того, чтобы книги Ветхого Завета на русском наречии были бы уже излишними, но что явление Нового Завета на русском наречии неотступно требует и Ветхого, столько же вразумительного для всех по заповеди Спасителя: *исследуйте Писания: они свидетельствуют обо Мне*. Явление Нового Завета на русском наречии есть торжественное пред всем христианским миром свидетельство, что если русский язык уже столько созрел, что мог быть органом истин Нового Завета, то может, а потому и должен уже русский народ иметь полную Библию на русском наречии. Долгом своим по службе моей почитаю наиболее о том упомянуть, что столькие тысячи евреев и столькие тьмы татар магометанского суеверия, находящихся в недре России, требуют полной Библии на русском наречии в исправном переводе с оригинальных языков; ибо такая Библия необходимо нужна для миссионеров, для священников и клириков при церквах приходских, и вообще для российской церкви, — при обращении, оглашении, приготовлении магометан и евреев в просвещение св. крещением и при дальнейшем утверждении новокрещенных из сих племен в спасительной вере Христовой; но и сие объяснять и доказывать, претит мне чувство благоговейного почтения к высокому сословию вашему».**

Приложения эти(12) «найлены в числе бумаг, оставшихся после покойного Киевского митр. Евгения, вызванного в 1824 г. в Св. Синод особенно для содействия Новгородскому митр. Серафиму в закрытии Библейских обществ, в остановке перевода Св. Писания на русское наречие и для рассмотрения появившихся тогда многих неправославных книг на русском языке». Первое из сих приложений, по всей вероятности, то самое «извлеченное из печатных актов описание ежегодного хода Библейских обществ», которое А. С. Шишков в 1824 г. представлял Государю, чтобы показать, «как связь их (Библейских обществ) с английскими методистами, так и то же самое намерение о распространении книг, содержащих в себе умствования, совершенно противные всякой христианской вере и всякому правительству».(13)

Второе приложение, — о злых действиях тайных обществ, — относится к тому же времени, и хотя в рукописи приписано Шишкову, но принадлежит, вероятно, перу Магницкого, как можно заключать по буквальному почти сходству 4-го пункта этого приложения с заявлением Магницкого относительно погрешности в переводе Нового Завета на персидский язык, и потому, что сочинитель статьи говорит о бывших в Р. Б. Обществе разговорах по поводу этой неправильности, как лично слышавший их, или присутствовавший при них. Шишков не был членом Библейского Общества, а Магницкий присутствовал в собраниях Общества и принимал участие в рассуждениях о персидском переводе Нового Завета.

Чтобы оценить достоинство этих приложений и достоверность того, что в них содержится, приведем слова из одного письма покойного Московского митр. Филарета, от 18 авг. 1857 г.: **«думаю, известно, что в 1824 г. восстание против министра духовных дел и против Библейского Общества и перевода Св. книг образовали люди, водимые личными видами, которые, чтобы увлечь за собою других благонамеренных, употребляли не только изысканные и преувеличенные подозрения, но и выдумки и клеветы».**

Дело перевода священных книг на русский язык возобновлено в 1856 г., во время коронации Государя Александра Николаевича.

Св. Синод имел свои собрания в Москве. Присутствие Св. Синода составляли в это время:

Св. Синод 1856г.

- 1) Филарет /Дроздов/ митр. Московский;
- 2) Никанор /Клементьевский/ митр. С.-Петербургский /+ 1856г./;
- 3) Евгений /Казанцев/ бывший архиеп. Ярославский;
- 4) Иннокентий /Борисов/ архиеп. Херсонский;
- 5) Иосиф /Семашко/ митр. Литовский;
- 6) Григорий /Постников/ архиеп. Казанский, поставленный в митр. С.-Петербургского;
- 7) Арсений /Москвин/ архиеп. Варшавский, а с 1860–1876 г. митр. Киевский;
- 8) Василий /Лужанский/ архиеп. Полоцкий.

Русский перевод Нового Завета был одобрен первенствующими членами Св. Синода митрополитами Новгородскими: Амвросием /Победовым/ (1800–1818гг.), Михаилом /Десницким/ (1818–1821 г.), Серафимом /Глаголевским/ (1821-1843гг.) и был издаваем по благословению Св. Синода.

Изложенные Московским митр. Филаретом рассуждения и решение Св. Синода заключаются в следующем:

«1856 года сентября 10 дня Св. Синод имел рассуждение о переводе Нового Завета и некоторых других книг Св. Писания на общевразумительное русское наречие и принял в соображение следующее:

1) Святые пророки и апостолы писали Св. книги на природном и общеупотребительном языке тех народов, к которым первоначально поступить должны были сии книги, и преподавали оные в общее употребление в церковных собраниях и вне оных. Они же показали нам пример и перевода с первоначального языка на другой, более употребительный. Так, свт. И. Златоуст («Толк, на Мф.», беседа 1–ая) пишет, что св. Евангелист *Матфей по просьбе уверовавших иудеев написал им и составил Евангелие на еврейском языке*: но в то же апостольское время оно переведено на греческий.

2) Св. отцы всегда побуждали всех верующих к чтению Св. Писания. Св. Златоуст («Толк, на Матф.», беседа 2–ая) говорит к мирянам: *от того–то именно и происходит весь вред, что вы думаете, будто чтение божественного Писания подобает одним только монахам, тогда как сами вы нуждаетесь в нем гораздо более их.* И еще: *не подобает, вышедши из церкви рассуждать о вещах неприличествующих церкви, но, тотчас пришедши в дом, взять книгу и призвать жену и детей к слушанию.* И в другом месте (беседа LXXIV) о врачевании больной грехом души говорит: *покажи свою больную Павлу, призови Матфея, пошли за Иоанном. Узнай от них, что должно делать с таким больным: без всякого сомнения, они скажут и не утаят ничего; ведь они не умерли, но живы и могут говорить.* То есть: читай у себя в доме Св. книги и веруй, что через них Священные писатели, как живые, действуют спасительно на твою душу.

3) Язык славянского перевода Библии, общевразумительный и общеупотребительный в свое время, не таков уже в настоящее время по своей древности. Для одной части православного народа он становится вразумительным посредством прилежного упражнения в церковном богослужении и чтении;

но другая, более многочисленная, не имеет сего преимущества и требует русского перевода, как пособия к разумению Св. Писания.

4) Неоспоримо то, что в славянском переводе Библии есть многие места, в которых состав речи невразумителен и которые требуют сличения с первоначальными текстами — еврейским и греческим. Но как знание сих языков мало распространено, то многие по нужде обращаются к иностранным переводам Библии, сделанным вне православного исповедания, по духу чуждых вероисповеданий, и могут впасть в неправые толкования и заражаться несчастным предрассудком в пользу чужого. В сем отношении пособие русского перевода нужно многим и из приходского духовенства.

5) В вышесказанном можно видеть причины, по которым Св. Синод в 1813 году, с Высочайшего соизволения, разрешил приступить к переводу Св. Писания на русское наречие, и в следовавшие потом годы сделан перевод Нового Завета под смотрением и с участием приснопамятных первенствующих членов Св. Синода, митрополитов Новгородских Амвросия, Михаила и Серафима.

6) В следующие далее годы дело перевода Св. Писания на русское наречие и издание оно, не по рассуждению Св. Синода, но по причинам официально не объясненным, приостановлено; впрочем, напечатанные экземпляры оно продолжали поступать в общее употребление и, между прочим через Общество попечительное о тюрьмах, дотеле, пока запас их в недавние уже годы истощился.

7) Последствием истощения печатных экземпляров Нового Завета на русском наречии в главном хранилище их, в ведомстве Св. Синода, сделалось то, что экземпляры, вышедшие пред тем в вольную продажу, начали продаваться необычайно дорогою ценою, что с одной стороны показывает народное требование, с другой — подает повод к жалобам. Другое, еще более неблагоприятное последствие есть то, что появились, в немалом числе, экземпляры сей книги иностранных изданий, сделанных не только с погрешностями, но, как свидетельствуют видевшие, и с переменами, вероятно намеренными. **Такое положение сего дела не безопасно от вреда и дает благовидность нареканию, что в дальнейшем алеуты с благословения Св. Синода пользуются некоторыми книгами Св. Писания на своем общевразумительном языке, а православные россияне только мимо сего благословения и незаконно могут удовлетворять подобной потребности».**

(Подобно этому и в наше время можно сказать, что алеуты и др. малые народности могут совершать богослужения на своих языках, — переведенные миссионерами еще с 19–20 столетия, — а православные россияне (русские, украинцы и др.) не имеют такой возможности. — примеч. сост.).

Вслед за тем, 18 августа 1857 г., преосвящ. Московский митр, писал к обер-прокурору Св. Синода: «В возвращенном собственноручном письме высокопреосвящ. Киевского указывается на какие-то рукописи из бумаг митр. Евгения и дело перевода Св. книг производится из какого-то мутного источника. Но Вашему сиятельству, думаю, известно, что в 1824 г. восстание против министра духовных дел и против Библейского Общества и перевода Св. книг образовали люди, водимые личными видами, которые, чтобы увлечь за собою других благонамеренных, употребляли не только изысканные и преувеличенные подозрения, но и выдумки и клеветы... Господь да сохраняет, как сохранил, Св. Синод право правящим слово истины евангельской!» [8].

[Собор и Библия \[9\]](#)

«Пред Русскою Церковью по отношению к Библии стоит масса неопределенных вопросов. Seriously эти вопросы у нас церковным сознанием, можно сказать, не ставились никогда: они решались, в неотложных случаях, случайно, не по существу и досконально, а по несчастной русской привычке — кое-как. Церковь

от этих вопросов отмахивалась, решать их за нее приходилось частным лицам или частным установлениям, и их решение путем долговременного бытования приобретало значение будто бы узаконенной русской церковной практики. Одним из создавшихся таким путем предубеждений по отношению к Библии была боязнь Библии, опасение, чтобы близкое, непосредственное знакомство с Библией не повредило чистоте веры, даже существованию самой веры и сохранению рассудка у читателей Библии. Предрассудок нелепый, но он имеет самые ужасные, гибельные последствия: Библию народ не читает, в народе она почти неизвестна; та незначительная степень распространения Библии в народе, какую можно установить, то есть преимущественно распространение Евангелия и Псалтири, зависит не от специально к тому направленного доброго намерения или распоряжения Церкви, а независимо от такого намерения, под влиянием церковного устава и по почину посторонних для Церкви учреждений и отдельных лиц. Даже сам перевод Библии на доступный пониманию народа русский язык появился по настоянию и почину не Церкви, а независимых от нее двигателей.

В настоящее время Церковь не может отказаться от своих попечений о приближении к народному сознанию Вечной Книги, не может потому, что она сама нуждается в наилучшем изъяснении своего бытия, в изыскании наилучших духовно-просветительных средств, которые самым тесным образом связаны с Библией. Разумеется, теперь совершенно отпадает мысль о несвоевременности приближения к народу Библии, в виду будто бы опасности ее для чистоты народных верований или, как выставлялось в недалеком прошлом, в виду возможности коренного колебания общественных и государственных основ от знакомства с широтой Библейского кругозора. Народу стало доступно теперь такое море самых разнообразных воззрений, заманчивых теорий и намеренных обманов, что расширение его кругозора глубиной Библейского созерцания может иметь только оздоровляющее влияние. Народу все позволено — было бы невозможно не давать ему в руки книгу Вечного Слова.

Нашей церковной власти по отношению к Библии нужно решить три главных задачи: первая — элементарная — распространение Библии среди русского народа в возможно широкой степени; вторая — определение объема или состава славянской и русской Библии; и третья — пересмотр текстов или переводов Библии...

Пересмотр текстов славянской и русской Библии представляется необходимым и по научным, и по практическим соображениям. Главным образом давно уже чувствуется и высказывается потребность практическая — именно устранение неясности или темноты церковного, славянского текста, в особенности Псалтири, хотя нуждается в этом отношении в проверке и новозаветный евангельский текст. Темнота перевода заслоняет смысл Св. книг и тем существенно мешает их надлежащему влиянию на ум и совесть народа. Отговорки, обычно представляемые, что неясный текст может проясниться через толкование или особое изучение, по существу несостоятельны: пусть текст остается прикрытым особою завесою, где он выражает действительно прикровенные тайны Божии, **но нет надобности сохранять неясность в обычных, вполне доступных пониманию местах, темных только в силу устарелости языка, неудачности перевода или просто вследствие засоренности его случайными наслоениями, успешными за давностью лет принять характер священного тумана. Священный текст, как документ высочайшей важности для каждой пытливей души, должен быть доведен до самой полной ясности, насколько это доступно человеческим силам.** Последний пересмотр Славянской Библии сделан был в 1751 г.. После того потребность в новой ревизии признана и требуется давно, и это раскрыто в значительной литературе.

Одновременно с таким рядовым пересмотром славянского текста в авторитетном решении нуждается вопрос о типе перевода богослужебных Библейских чтений, что неоднократно в последнее время восходило на рассмотрение Св. Синода и находило в нем уклончивое решение. Дело здесь в следующем. Первоначально церковные Библейские чтения (паремии) в славянских богослужебных книгах были несходны с текстом полной славянской Библии, потому что по переводу они принадлежали другой руке и

основывались на другом оригинале, сравнительно с полным переводом славянской Библии. Богослужебный перевод был сделан раньше, чем перевод полной Библии, принадлежал руке св. первоучителя Кирилла, и это вполне оправдывало его исключительный авторитет и сохраняло ему неприкосновенное место сравнительно с другими небогослужебными текстами. Так продолжалось дело до московского издания Библии 1663 г.. После этого издания все Триоди приспособляют паремийные чтения к изданию Библии 1663 г.. В 1748 г. Св. Синод заметил разницу между паремийными чтениями и полным Библейским текстом, но не получил объяснения этого различия и в 1769 г. постановил текст Триоди согласовать с текстом исправленной Елизаветинской Библии. Таким определением Св. Синод похоронил окончательно исконный церковный текст в пользу более нового и менее авторитетного полного текста. В 1908 и 1909 гг. пред Синодом комиссия по исправлению богослужебных книг ставила вопрос, не следует ли вернуть в Постную Триодь прежнюю богослужебную редакцию паремийного текста, и оба раза Св. Синод, не касаясь пока общего вопроса о сравнительном достоинстве Библейского текста Синодального и находящегося в богослужебных книгах, предлагал комиссии ограничиться исправлением Библейского богослужебного текста так, как он есть. Таким образом случайное, основанное на непонимании определение Св. Синода 1769 г. через 140 лет было авторитетно закреплено Синодом, как имеющее за собою силу почтенной давности. Конечно, это не есть деловое исчерпывающее решение, и Всероссийскому Церковному Собору предстоит указать, следует ли в богослужебных Библейских чтениях восстановить 1000-летний текст св. первоучителя Кирилла или же следует отдать предпочтение пред ним безличному тексту другой руки, приобретенному путем печатного станка в XVII и XVIII веках право преимущественного распространения...

Мы отнюдь не думаем перечислять всю область вопросов, касающихся нашей славянской и русской Библии; мы почитаем долгом, остановиться только на тех из них, которые имеют неотложное практическое значение и требуют решения для надлежащего воздействия Библии на свойственном ей пути — проникновения и оживления души народа. Верим, что вместе с этим лучше наладятся и разрешатся и другие, например, научные задачи, относительно Библии. Не может быть значительного научного движения в деле изучения Библии, если эта Библия далека от народа, если жизнь не проверяется и не стучит в сокровищницу подлинного Слова Божия, если Библия не занимает и не возбуждает народного сознания. Обидно для национального чувства признание, что наша Церковь была холодна к первоисточнику божественной истины, что Святая Русь не любила и не любит Библии. И теперь, на повороте истории к самостоятельному устройению Церковью своих исходных путей, в период величайшего перелома в душе народной, на основании опыта истории и наблюдения ближайшего времени, было бы невозможно не вспомнить, что нам неотложно нужно обратиться к источнику Вечных Глаголов — и, прежде всего, облобызав и поставить их пред собою в подобающей им чистоте и убранстве, а затем пригласить к ним всех жаждущих беспримесной вечной правды.» [\[9\]](#)

Подготовка ко Всероссийскому Собору 1917–1918 гг..

Богослужебный язык

русской церкви.

О необходимости изменений в богослужении, прежде всего приходском, говорили почти все епископы Российской Церкви во время подготовки к церковному Собору в начале 20-го столетия. В 1917 г. Собор принял ряд решений по этим вопросам. На основе протоколов Помесного Собора 1917-1918 гг. (которые не публиковались и потому не были известны западным специалистам по истории церкви, в том числе восточной) можно заключить, что тогдашнее церковное руководство отнюдь не препятствовало богослужению на ново-русском языке.

Предсоборные прения.

«Кандидат права П. В. Попович: «Расцвет славянства прошёл. Русский язык более богат, чем какой—либо другой, и когда более творчества и богатства мысли можно иметь, как не в наш век просвещения и культуры?! Игнорировать интересы интеллигенции, забывшей Церковь, не посещающих богослужение из—за непонятности славянского языка, не следует»

Свящ. М. С Елабужский: «Перевод богослужебных книг на русский язык необходим в силу нелепости славянского текста, в виду изменения в течение веков смысла некоторых слов славянского языка..., и нельзя считать русский язык недостаточным для выражения мыслей и чаяний церковного человека... На непонятность славянского языка более жалуется интеллигенция, потому что она привыкла всегда относиться сознательно к делу».

Прот. Т. П. Теодорович: «Религия традиционна, но, думается мне, придавать особое значение заявлениям народа о нежелании слушать богослужение на родном языке не следует. Русский народ идет гигантскими шагами, и недалеко то время, когда он поймет правду наших слов... Мы всегда опаздываем. Пример католической церкви должен нас научить».

Свящ. С. А. Мельницкий (Зап. Украина): «Правда, что по местам в Украине протестуют против введения малорусского языка... Весьма полезны колядки... Пение колядок употребляется даже в церкви, и это никого не смущает».

Подольский епархиальный съезд: «Съезд признает, что Церковь должна иметь характер народный, национальный. Службы на славянском языке не благоприятствуют подъему религиозного чувства... Съезд постановил вести проповедь и читать Евангелие на родном, украинском языке, объясняя народу великое значение для народа его материнского языка».

Свящ. П. Ратьковский (Самарканд): «Я скажу за себя лично: когда мне приходится слышать малознакомую или редко употребляемую стихиру, — мне трудно уловить смысл её... Еще при прежнем режиме, при той консервативности духовенства, в одном из сел Самарской губернии была введена часть богослужения на русском языке, и местный епископ это одобрил».» [\[21\]](#).

«Свящ. А. Лиховицкий.

Наше чудное, умиленное, трогательное богослужение пропадает для православного народа. Если Достоевский плакал у плащаницы, — как же рыдали бы все, если бы понимали это **«бдение над гробом Жизнодавца»** (Великая Суббота)?! Человек идет в храм помолиться, поучиться; народ жаждет от Церкви «живой воды» — понятного слова, понятной молитвы; а мы издаем распоряжения (циркуляры) о правильном чтении псаломщиками! Мертвое дело! Как может человек правильно логически и с чувством читать для других то, что он сам не понимает? Какие азбучные истины, и не проводятся они в жизнь! (№13, с. 395–396)

Свящ. А. Лиховицкий.

В комиссии архиеп. Иеронима рекомендуется «читать и петь псалмы по русскому переводу Св. Писания»! Преосвященный Иоанн, еп. Полтавский говорит: «для школьного и домашнего употребления есть нужда и в русском переводе богослужебных книг». Пусть бы на первое время реформа выразилась хотя в этом немногом, к чему я прибавляю, что необходимо также: **1)** чтение Св. Писания и Нового Завета, то есть Евангелие и Апостол, на русском языке, и **2)** издание молитвослова с переведенными на русский язык молитвами. Для домашнего употребления следует заучивать молитву в понятном русском тексте. Особенно нужно это — в отношении детей: им следует дать возможность молиться Богу с пониманием слов молитвы. (№34, с. 1111–1112)» [\[30\]](#).

«1. Архиеп. Харьковский Арсений.

Особые вопросы.

По вопросу о богослужении в приходских храмах: как поддержать и урегулировать здесь богослужебный устав, как поддержать церковное пение и чтение? Да и весь состав богослужебных книг, не надлежит ли настоятельно пересмотреть со стороны языка, изложения, противоречий, несогласованности? (№ 2, с. 64.)

2. Еп. Минский Михаил.

О предметах веры.

Желательно, чтобы богослужения в храме совершались на понятном для богомольца языке, и чтобы чтение и пение в храме совершалось отчетливо, вразумительно, громко, не спешно.

Немногое в наших богослужебных книгах составлено вновь уже по принятии русскими христианства. Все же остальные чины богослужебные и службы составляют перевод чинов и служб, составленных первоначально на греческом языке. Переводы эти совершались в разное время, различными лицами, сведущими и малосведущими в греческом языке! Последняя редакция богослужебных книг принадлежала известной комиссии, собранной при Патриархе Никоне, во главе которой стоял Епифаний Славинецкий. Насколько неудачно были сделаны некоторые переводы, об этом свидетельствует то, что многие стихиры и тропари являются непонятными даже для людей, прошедших высшую богословскую школу, или же понятными лишь людям, изучающим греческий язык специально.

Можно сказать, что **наши богослужебные книги и отчасти Библия переведены на такой язык, на каком ни один славянин не говорил и не писал. Это — язык книжников, часто малосведущих как в славянском, так и в греческом языках.** А между тем, православному русскому народу приходится слушать богослужение на этом языке, испытывая крайние трудности в понимании Св. Писания и богослужебных молитв и песнопений. Непонимание богослужебного языка самими чтецами и певцами делает их небрежными, читающими и поющими поспешно, неотчетливо, невразумительно. Богомольцы же, при том же непонимании и при дурном пении, скучают при богослужении, становятся невнимательными, равнодушными к богослужению — к его глубокому содержанию и высокой поэзии.

Посему, настоятельная потребность сделать новый перевод священных и богослужебных книг знатоками греческого и славянского языков и исправление текста тех частей в этих книгах, которые составлены в России. Более правильный перевод этих книг сделает богослужение наше более удобопонятным и вразумительным, а следовательно, и более благотворным для души православного христианина, в настоящее время холодно и невнимательно относящегося к богослужению ввиду неудобовразумительности языка его. (№ 3, с. 117-118.)

3. Еп. Могилевский Стефан.

Вопрос о богослужении.

Богослужение составляет душу всякой церковной жизни и таковым в особенности является оно в понимании православного русского народа, для которого самая жизнь Церкви вполне равнозначуща тому, что совершается в храме, как и слово «Церковь» не имеет иного смысла помимо храма. Несомненно, что и протестанствующее сектантство русское имеет успех среди простого нашего народа в значительной степени оттого, что умеет дать народу живое, сознательное участие в богослужении. Между тем, наша собственная православная служба, священно-поэтической высоте и разнообразию форм которой дивятся сами инославные христиане, остается наполовину мертвою для громадного большинства русских людей. И

причин этого скорбного явления главнейших две: а) важнейшая из них — **недоступность народному пониманию языка богослужебных книг наших**; б) другая, меньшей важности, но немаловажная сама по себе — отсутствие в нашей церкви таких особых изданий церковных служб для мирян, какие приняты в инославных церквах, и без пособия которых сознательно следить за смыслом всех чтений и песнопений церковных нет никакой возможности — даже и при более понятном богослужебном языке.

Южно–славянский, в частности, как полагают, болгарский перевод книг наших, никогда не был понятен и предкам нашим, он не удовлетворяет ныне своему назначению и потому — дело насущной и первой необходимости — новый капитальный перевод наших богослужебных книг на ново–славянский язык, **(14)** подобно языку чина Литургии или Евангелия, с полным приближением его синтаксической конструкции к речи русской. Одновременно же с сим, в высшей степени, желательно удовлетворение и другой вышеуказанной богослужебной потребности: издание на том же ново–славянском языке, в той или другой системе, церковных служб для пользования ими мирян в храме и дома. (№ 5, с. 221.)

4. Еп. Астраханский Георгий.

О предметах веры.

Следует пересмотреть текст богослужебных книг. В православном христианском богослужении главное место принадлежит слову, посредством которого передается сознанию верующих все богатство и разнообразие содержания христианства. Но это содержание с каждым десятилетием становится все менее и менее понятным не только для людей простых, но даже и для лиц богословски образованных. Это обстоятельство объясняется двумя причинами: обилием непонятных, устаревших слов и выражений, успевших накопиться в церковных книгах, главным образом, в последние два столетия, — и, затем, конструкцией богослужебного текста, чуждой славянскому языку и являющейся точным отображением конструкции греческого текста: переводчики переводили слово за словом. Желательно при исправлении книг: произвести замену устаревших славянских слов и выражений славянскими же, но заимствованными из ново–славянского наречия понятными словами и выражениями; перевести некоторые молитвы и песнопения, особенно каноны, вновь и при этом не придерживаться механически конструкции греческого текста, а выработать конструкцию, присущую славянскому языку. При проведении настоящей реформы следует иметь в виду, что **исправление книг до Патриарха Никона было у нас, по свидетельству истории, делом обычным.** (№ 10, с. 502.)

5. Архиеп. Новгородский Гурий.

В числе других вопросов веры, требующих соборного разрешения, по мнению комиссии, надлежит поставить следующие:

- 1) об исправлении перевода Библии на славянский и русский языки;
- 2) об исправлении славянского перевода богослужебных книг;
- 3) об установлении единообразия в богослужении. (№ 15, с. 811.)

6. Архиеп. Воронежский Анастасий.

О пересмотре богослужебных книг.

Собрание единогласно высказалось за пересмотр богослужебных книг, особенно в тех частях, кои неудобовразумительные. (№ 6, с. 278.)

7. Еп. Полоцкий Серафим.

Вообще вопрос об исправлении богослужения является одним из наиболее важных вопросов русской церковной жизни, так как богослужение в деле и познании Божественной благодати и утверждения в православной вере служит самым надежным средством. По идее православное богослужение и должно быть именно таким. В полемике с католичеством православные богословы всегда указывают на свое богослужение, как на одно из преимуществ Православной Церкви, в виду особенной его назидательности. Однако на практике оно далеко не достигает той цели, для которой создано благодатными носителями православия. Причина этого кроется, прежде всего, в его непонятности для большинства верующих. В виду этого, необходимо, прежде всего, улучшить язык богослужения, сделать его более ясным и понятным в отдельных словах и конструкции.

О пересмотре текста священных и богослужебных книг.

Не раз указывалась разница в чтении одного и того же места из Св. Писания в разных изданиях. Много говорилось и говорится о малопонятных словах и выражениях в тексте богослужебных книг. Но никогда эти толки так не усиливались, и никогда вопрос о пересмотре текста священных и богослужебных книг не выступал с такою настойчивостью, как теперь(15). Это и понятно. От церковного собора все ждут решения и этого важного и назревшего вопроса.

Одни предлагают совсем устранить из богослужения славянский язык, заменив его русским; другие рекомендуют только упростить славянский язык, для чего — иначе и более правильно перевести непонятные по прежнему переводу слова и выражения в священных и богослужебных книгах. Так или иначе, а сделать теперь что-нибудь нужно будет. И вот, во всей своей неприкосновенности встает этот трудный и в то же время величайшего значения вопрос пред лицами, как призванными решить его, так и подготовляющими почву для его окончательного решения. (№ 7, с. 325; № 11, с. 589.)

8. Еп. Самарский Константин.

Возвращение богослужению образа совершения благоприятствующего истинной молитве.

Нет у народа и истинной молитвы: народ терпеливо простаивает целые часы за храмовым богослужением, но это не есть молитва, потому что чувство не может поддерживаться целые часы без понимания слов молитвы, а слова храмового богослужения — выше понимания народа, богослужение непонятно народу не потому только, что совершается на церковно-славянском языке и притом спешным чтением, но и прямо потому, что для понимания его требуется, в известной мере, богословское образование. Православное богослужение есть великое сокровище, если сравнить наши церковные песни с малосодержательными гимнами лютеранского *Gesang – Buch* 'а, и когда-нибудь дойдет дело до пользования этим сокровищем всего православного люда, но, тем не менее, в настоящее время это — еще сокровище, *сокрытое на поле*, а народ бедствует и голодает духовно, почти вовсе не имея молитв доступных его пониманию, кроме ектений и до некоторой степени акафистов, которые потому так и любит народ, что они ему несколько понятны. Надобно воспитать народ настолько, чтобы он не считал за молитву одни поклоны с крестным знаменем и одно механическое чтение или выслушивание непонятных слов Псалтири, тропарей и стихир. Что же можно было бы сделать, чтобы общественное храмовое богослужение, которое некогда в Греции было таким превосходным средством к удовлетворению духовной потребности в молитве, вернуть на служение истинно-молитвенному настроению?

Замена чтения пением, по возможности — общим пением всей церкви. Во вторых, то, что должно быть пением и было некогда пением — опять вернуть пению. Хорошо было бы восстановить в представлениях православного народа сознание, что пение всей церкви есть норма, а пение хора есть уже только замена пения всей церкви, также как и псаломщики, своим пением заменяют хор там, где приходская община не в состоянии иметь хор. Общее пение всей церкви всего удобнее начать с пения

псалмов, напевы которых не многообразны и довольно общеизвестны, а текст мог бы быть напечатан для употребления всей церкви при богослужении, и напечатан (как печатаются стихи) с разделением на музыкальные фразы. После псалмов предметом общего пения могли бы сделаться и другие песни, ежедневно употребляемые в богослужении и текст и напев которых всей церкви известны: «*Свете Тихий*», «*Ныне отпущаеши*», «*Единородный Сыне*», «*Слава в вышних Богу*», «*Святой Боже*», «*Приидите, поклонимся*». (№ 12, с. 622.)

9. Еп. Симбирский Гурий.

Богослужение.

Православное богослужение есть одно из главных выражений любви к Богу и лучшая школа для развития общительности среди членов прихода, ибо здесь, в храме, сотни душ сливаются во едино в славословиях, благодарениях и прошениях, соединяются души пастырей и пасомых, клира и народа. Так, по крайней мере, должно быть в идее. К сожалению, настоящая постановка православного церковного богослужения не вполне содействует этому молитвенному слиянию душ пастыря и пасомых. Не говоря уже о многих дефектах нашего богослужения, зависящих от злоупотребления со стороны совершителей богослужения (**излишняя торопливость, невнятность чтения и пения**, рассеянность совершителей богослужения и собственная непроницаемость молитвенными чувствами), нельзя не остановить своего внимания на одной черте нашего богослужения, освященной церковною практикою и, однако же, ведущей к некоторому разъединению клира и народа, в то время как клир возносит песни, благодарения и прошения и славословия, народ остается как бы в качестве постороннего слушателя, отсюда поразительная разница в настроении присутствующих за богослужением мирян в православных храмах, с одной стороны, и инославных — с другой, разница не в нашу пользу.

Необходимо привлечь мирян к самому близкому участию в богослужении, необходимо пение церковное сделать всенародным. Пусть оно будет не очень стройное (особенно в начале); но за то — как изменится к лучшему настроение молящихся!

Вторым недостатком настоящей постановки нашего богослужения, причиною малоучастливого к нему отношения мирян, является **чрезмерная трудность языка богослужебных книг, богослужебных чтений и песнопений, не только для малограмотных, но и сравнительно образованных мирян**. Желать перевода всех богослужебных чинов на русский язык и совершения на русском языке богослужения едва ли удобно: тогда бы наше богослужение утратило свою величественность и торжественность. Но нельзя не признать возможным и необходимым: а) упростить славянский текст богослужебных книг, б) исправить неправильности и неточности перевода их с греческого, особенно в Псалтири и канонах, в) заменить другими некоторые слова и выражения богослужебных книг, которые коробят слух («*блядива*», «*блядующий*», «*понос*», «*нескверная*» — по отношению к Богоматери и многие другие). (№ 13–14, с. 700.)

10. Архиеп. Варшавский и Привислинский Иероним.

Относительно богослужения:

Необходимо озаботиться пересмотром текста многих песнопений и чтений, с целью сделать его более понятным и вразумительным; **язык славянский богослужебных книг и Св. Писания следует при пересмотре, по возможности, приближать к современному русскому.**

Необходимо привлечь молящихся к живому и деятельному участию в совершении богослужения; для этого принять целесообразные меры к тому, чтобы постепенно обучить народ общему пению сначала ектений и кратких славословий, а затем и всех песнопений литургии и всеобщего бдения. (№ 17, с. 1007 10)

11. Архиеп. Рижский Агафангел.

Сам язык наших богослужебных книг требует самого тщательного исправления. **Уже со времени перевода Библии на русский язык встал с неотложностью вопрос о переводе богослужебных книг на язык, доступный пониманию.** Но любовь русского народа к славянскому языку и значение его для соединения всех славянских племен в родной православной вере заставляют желать, чтобы богослужебным языком для православного русского народа оставался славянский язык. Но, в таком случае, необходимо немедленно приступить к исправлению богослужебных книг. Язык их, сохранив греческое построение речи и словопроизводство, совершенно скрывает, и весьма часто искажает смысл и содержание многих богослужебных чтений и песнопений. **Только немедленным исправлением этого языка до возможности понимания его и не научившимся славянской грамоте, возможно, сохранить любовь и преданность нынешнего поколения к церковно-славянскому языку.** Конечно, выпуск исправленных богослужебных книг, ни в коем случае, не должен упразднить и умалять значения существующих ныне, во избежание повторения печальных событий исправлений во время Патриарха Никона. (№ 17, с. 1015–1016)

12. Еп. Полтавский Иоанн.

Богослужебные книги

Нужда в пересмотре и новом переводе наших богослужебных книг сознается давно. В начале восьмидесятых годов прошлого столетия известный богослов и подвижник преосвящ. Феофан Затворник Вышенский писал: «Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская и все нравоучение христианское, и все утешения и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. **А между тем, большая часть из сих песнопений непонятны совсем.** А это лишает наши церковные книги плода, который они могли бы производить, и не дает им послужить тем целям, для коих они назначены и имеются. **Вследствие сего, новый перевод церковных книг богослужебных неотложно необходим. Необходим упрощенный и уясненный перевод богослужебных книг.** Необходим новый славянский перевод». (Собрание писем, вып. 2, письмо 289). Представлены у нас некоторыми учеными знатоками богослужебной письменности правила и приемы того, как подобало бы исполнить этот новый перевод богослужебных книг, как например, в статье преосвящ. Августина, еп. Екатеринославского (см. «Труды Киевской Духовной Академии» № 11, 1888 г.). Имеются у нас опыты исправления богослужебных книг, каковы изданные Н. И. Ильминским: «Учебный Часослов», «Учебная Псалтирь», «Учебный Октоих». Имеются опыты новых переводов целых служб церковных, как например, переводы, напечатанные в «Душеполезном Чтении» за восьмидесятые годы. Несомненно, что и клиросное чтение, часто являющееся у нас неисправным и невразумительным, вполне улучшится может только тогда, когда самый текст по языку будет более удобопонятным. Посему необходимо:

1. Пересмотр и новый славянский перевод богослужебных книг.

2. Признавши неотложную нужду в новом славянском переводе богослужебных книг, надлежит определить руководящее основание для исполнения такого перевода. В трудах Ильминского целью нового издания поставлена точная выдержка форм и сохранение чистоты речений древне-славянского языка. В труде еп. Августина целью ставится удобопонятность содержания богослужебных книг. Преосвящ. Августин так говорит: «Богослужебные песнопения в греческом подлиннике написаны либо стихами, либо так называемую мерною прозою. Но что в подлиннике для природного грека могло, в свое время доставлять высокое художественное наслаждение, то самое, в чисто буквальном переводе для русского или вообще для славянина составляет истинное мучение. Мы сердечно желали бы, чтобы наши богослужебные книги легко могли быть читаемы и без особого труда понимаемы не только лицами, получившими законченное богословское образование (в настоящем своем виде они и для таких лиц

содержат в себе много неудобовразумительного), но и людьми среднего уровня образования, незнакомыми с древним греческим языком и разными тонкостями старой славянской грамматики. А для достижения этого, кроме тщательного сличения книг с греческими подлинниками и исправления их по этим подлинникам, **необходимо обратить серьезное внимание на упрощение и улучшение самого славянского языка в исправляемом тексте». Те же пожелания относительно упрощения и удобопонятности высказывает и преосвящ. Феофан (свт. Феофан Затворник – примеч. сост.). Те же основания удобопонятности положены и в труде свт. Алексия Московского в исполненном им переводе Св. книг Нового Завета. Таким образом, правильность в содержании и возможная удобопонятность в языке должны быть целью нового славянского перевода богослужебных книг.**

3. Для школьного и домашнего употребления есть нужда и в русском переводе богослужебных книг. Посему весьма желательно было бы иметь такое издание Псалтири церковного состава и главнейших богослужебных книг, в которых параллельно поставлены были бы тексты славянский и русский. Подобные опыты имеются в трудах: Евграфа Ловягина — «Богослужебные каноны» и Ивана Ловягина — «Воскресная служба Октоиха».

4. Вообще, желателен при переводе пересмотр молитв и песнопений для возможного смягчения в них тех частей содержания, которые смущают немощную совесть христиан нашего времени. Для примера можно указать в «Последовании ко святому причащению» на ту молитву Метафраста, в которой изложен подробный перечень грехов. (№ 18, с. 1080–1081)

13. Олонецкая Духовная Консисто́рия за болезнью и смертью еп. Олонецкого Анастасия.

О некоторых изменениях в богослужебной практике.

Недочеты в существующей богослужебной практике были предметом следующих пожеланий комиссии:

1. **язык богослужения — старый и неисправный — должен быть приспособлен к пониманию молящихся, не утрачивая в то же время, своих славянских особенностей;**

2. церковный устав должен быть пересмотрен; и из него оставлено только то, что является наиболее целесообразным в условиях современной жизни;

3. должны быть пересмотрены и чинопоследования, помещенные в Требнике;

4. Евхаристическую молитву следует произносить громко. Евангелие читать обратясь к народу, избегать повторений, иконостасы иметь в уменьшенном виде. Царские врата при совершении литургии — открытыми;

5. язык Библии подвергнуть исправлению. (№ 38, с. 2610)

14. Еп. Рязанский Аркадий.

Разрешения Собора требует вопрос о современном богослужебном языке. Совершение богослужения на общедоступном и понятном для всех языке является одним из самых могучих воспитательных религиозно–нравственных средств. Рационалистические сектанты тем, между прочим, и увлекают православных, что богослужение у них совершается на понятном для всех языке. **В виду этого, крайне желательно было бы поставить на будущем Соборе вопрос об исправлении и упрощении современного богослужебного языка.** (№42, с. 2814)

15. Архиеп. Ярославский Иаков.

Богослужебные книги наши изложены на церковно-славянском языке, от которого общеупотребляемый русский язык далеко ушел в своем развитии. В богослужебных книгах много речений устаревших, непонятных не только мирянину, не получившему образования, но и священнику, получившему специальное богословское образование. **Что такое «Амфо», «прОсти», «плЕсне и глЕзне», «ровЕнник», «схОдники», «гаждЕние», «врЕсноту» и т. д.? Немало и таких слов, которые хотя и употребляются теперь, но совсем с другим значением, например: «судьба», «понОс». Точно так же, немало встречается и целых выражений, где за греческою расстановкою слов или слишком буквальным, механическим переводом едва уловляется смысл. Чтение и пение их по этой причине не имеет назидания. И **возвышеннейшее богослужение наше из-за пристрастия к умершему языку превращается в непонятное словоизвержение для поющих, читающих и слушающих.****

Сельские пастыри хорошо сознают этот недостаток богослужения, выражают жалобы, но бессильны помочь горю. Мудрено ли, что крестьянин иной предпочитает церковной возвышенной, но непонятной песне неумную, но понятную сектантскую песню, которую он может сам и петь, а образованный по этой самой причине идет в театр или удовлетворяется домашним пением пошлых, но понятных романов? Если по многим причинам нельзя говорить о переводе богослужебных книг на русский язык, то необходимо обсудить вопрос об исправлении существующего церковно-славянского перевода богослужебных книг с устранением из него всех архаизмов и греческого расположения слов в речениях или же **немедленно приступить к новому переводу их на ново-славянский язык, всем понятный и вразумительный.** (№ 45, с. 2938)» [\[20\]](#).

«16. Еп. Архангельский Иоанникий.

Могущественным средством воздействия пастыря на пасомых является богослужение Православной Церкви. Наше богослужение имеет религиозно-нравственное и воспитательное значение. Оно будет вполне достигать своей цели, когда будет совершаться на языке понятном для всех, то есть на родном русском языке. Св. Писание говорит: «пойте Богу разумно». Апостолы проповедовали на всех языках и на всех языках молились с верующими. **У нас в России есть литургии на языках латышском, зырянском, мордовском, но нет богослужения на своем родном наречии.**

Поэтому полезно было бы славянский язык в церковном богослужении заменить русским. Такая замена даст для очень многих великое счастье участвовать в богослужении, часто не одним только стоянием в храме, но участвовать разумно. Можно русский язык ввести в употребление постепенно. Пусть сначала богослужение на русском языке совершается изредка, как оно совершается, например, на греческом языке. Во всяком случае, от такого совершения богослужения опасности нет. Со временем оно будет все более и более учащаться. Начинать употребление в богослужении русского языка нужно с городов, и вообще, с тех мест, где народ более развит, более сочувствует этому. Это имеет удобство в том отношении, что в городах и, вообще в более населенных местах всегда имеется несколько храмов, и не желающие присутствовать при богослужении на русском языке будут иметь возможность присутствовать при богослужении на славянском языке. А пока русский язык в богослужение вводится в одном месте, к нему привыкнет, и само пожелает завести у себя, население и других мест. **Не нужно и священников принуждать совершать богослужение на том или ином языке. Нужно предоставить это на благоусмотрение местных епископов и приходских пастырей. Пусть от прихода зависит заменить славянский язык русским или же до поры до времени оставить славянское богослужение.**

Постепенность в этом деле нужна даже для самих священников и, вообще людей интеллигентных, которые понимают действительное значение русского и славянского языков в богослужении. Даже для них сразу перейти на русский язык было бы тяжело и неприятно. **Поэтому, на первых порах, нужно чтобы о совершении богослужения на русском языке прихожане знали, и нужно по мере возможности приготовить их к тому пастырским словом.** На основании всего сказанного мы думаем: следовало бы

вопрос о богослужении на русском языке поставить на очередь в нашей церковной жизни и разных мероприятиях к ее усовершенствованию. (Т. 1, с. 335–336; 371–37).

Представленные при отзыве преосвящ, Архангельского предложения местной комиссии по разработке вопросов, подлежащих рассмотрению и разрешению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви.

Ввиду важного значения, какое должно иметь православное богослужение в деле уяснения и утверждения в сознании народа истин христианского веро и нравочения, необходимо сделать его доступным пониманию народа и дать мирянам возможность более или менее активного участия в церковно-общественной молитве. Для сего необходимо:

упростить церковно–славянский язык православного богослужения в русской Церкви путем исправления текста священных и богослужебных книг, при чем все непонятные слова и выражения заменить более понятными славянскими же (синонимическими), если это возможно, или же русскими, насколько это будет позволять важность предмета, а греческую конструкцию, совершенно чуждую славянской речи, заменить русской.

17. Еп. Орловский Кирион.

Сам язык наших богослужебных книг, сохранивших греческое построение речи и словопроизводство, совершенно скрывает, часто даже искажает до ереси смысл и содержание молитв, богослужебных чтений и песнопений. Только немедленным исправлением этого языка до возможности понимания его не учившимся славянской грамоте есть надежда поддержать любовь нынешнего поколения к церковно–славянскому тексту. Конечно, во избежание повторения печальных последствий Никоновского исправления, выпуск новоисправленных богослужебных книг не должен упразднить и умалять значение ныне существующих книг. (Т. 1, с. 529)

18. Архиеп. Алеутский и Северо–Американский Тихон.

Для Русской Церкви важно иметь новый славянский перевод(16) богослужебных книг (теперешний устарел и во многих местах неправильный), чем можно будет предупредить требование иных служить на русском обиходном языке. (Т. 1, с. 537).

19. Архиеп. Донской Афанасий.

Настоят крайняя нужда в том, чтобы церковное богослужение достигало той великой цели, какую оно имеет в деле воспитания и спасения православных христиан, чтобы оно вполне удовлетворяло религиозным потребностям благочестивых людей. Для этого **необходимо богослужебный язык в молитвословиях и песнопениях приблизить к пониманию простого народа через исправление и упрощение церковно-славянского текста**, вводить в храмах общее пение некоторых молитвословий. (Т. 1, с. 545).

20. Митр. Киевский Флавиан.

(доклад епархиального миссионера Н. Белогорского

«Чего мы должны желать для Православной Церкви, ввиду изменившегося положения сектантства и иноверия?»).

Важность и высокое воспитательное значение православного богослужения едва ли нуждается в доказательствах. Однако, нельзя не сознаться, что в настоящем своем виде православное богослужение в значительной степени теряет ту силу впечатления и влияния на религиозный дух народа, какую оно может

и должно иметь. Главную причину этого обстоятельства служит сам язык, на котором написаны наши богослужебные книги. Во многих случаях он представляет такие трудности для понимания смысла многих песнопений и молитв, которые требуют нарочитого и основательного обучения церковно–славянской грамоте. **Приблизить язык богослужебных книг путем немедленного исправления его до возможности понимания его всеми православными людьми**, сделать понятными красоты, глубину мысли и религиозного воодушевления богослужебных песнопений и молитв, является для настоящего времени не только необходимою, но прямо священной обязанностью Церкви учащей. (Т. 2, с. 116-117).

21. Архиеп. Иркутский Тихон.

Вопросы веры.

По отношению к обрядовой области, Собор, прежде всего, должен рассмотреть вопрос о переводе всего богослужения с церковно–славянского языка на русский, или об изменении в словосложении своем церковно–славянский язык в более понятную и близкую к складу русской речи форму. Такой перевод есть настоятельная необходимость. **Церковно–славянский язык непонятен более чем для половины русских людей**, а это лишает общественное богослужение его прямого назначения — религиозно–нравственного просвещения и воспитания членов Церкви.

Однако организация переводческого дела должна быть обставлена с большою тщательностью, чтобы достигнута была и цель перевода — полная понятность богослужения, и в то же время это последнее ничего не утратило существенного из своего содержания. (Т. 2, с. 245–246).

22. Еп. Пермский Никон.

Мнение по поводу того, что на Всероссийском Церковном Соборе обнаружатся попытки к возбуждению вопросов, помимо намеченных Св. Синодом.

Пермская комиссия, прежде всего, выражает уверенность, что **догматы веры должны оставаться неприкосновенными** — изменение их лежит в авторитете только Вселенского Собора, но что в нашей церковной жизни **есть важные и неотложные вопросы, решение которых может принять на себя и Поместный Собор Всероссийской Церкви. Об исправлении языка богослужебных книг, как непонятного для большинства верующих.** (Т. 2.С.395).

23. Еп. Нижегородский Назарий.

Неудобовразумительность церковно–славянского текста богослужебных книг.

Древний перевод церковно–богослужебных книг почти без изменения сохранился до настоящего времени. Вследствие этого многие чтения и песнопения нынешнего церковно–славянского богослужения можно понять только при усиленном внимании, а иные совсем не поддаются пониманию.

Признается настоятельно необходимым безотлагательно организовать дело исправления церковно–богослужебных книг, поставив его на широких и свободных научных началах и вверив ученым профессорам, пастырям Церкви и просвещенным благочестивым мирянам. (Т. 2, с. 459, 461).

24. Еп. Екатеринбургский Владимир.

Нужно улучшить методы ведения богослужений: язык его сделать более понятным, постановить, чтобы изданы были маленькие богослужебные книжки для раздачи в святом храме народу. (Т. 3, с. 30).

25. Еп. Смоленский Петр.

Народ русский настолько сроднился с тем, чтобы язык богослужений был язык славянский, но не разговорный русский, что изменение сего освященного веками обычая в состоянии вновь повторить печальное историческое событие — отделение части населения от господствующей Церкви и, во всяком случае, явится лишним тормозом для восстановления единения с отпадшими со времен Патриарха Никона. Посему языком церковным должен оставаться язык славянский — богатый, выразительный и благозвучный. Вопрос об исправлении языка богослужебных книг и даже перевод их вновь — с более правильной конструкцией речи, заменой устаревших слов новыми, устранением неточности выражений и приближением к языку ново-славянскому, по своему строению — поднимался не раз и епископами, как, например, Феофаном Затворником и представителями богословской науки, особенно мирянами в духовной и светской печати; но до сих пор не получил надлежащего разрешения и во всем своем объеме подлежит удовлетворению со стороны предстоящего Собора Церкви и затем скорейшему, чем в былое время, когда исправления длились едва не веками, осуществлению в жизни. (Т. 3, с. 43).

26. Архиеп. Финляндский Сергей.

О реформе богослужебного языка и прочее.

Необходимо на предстоящем Соборе обсудить вопрос об упрощении богослужебного славянского языка и о предоставлении права, где того пожелает приход, совершать богослужение на родном языке. (Т. 3, с. 443).

27. Журнал IV комиссии о предметах веры.

Доклад А. Г. Смирнова о предметах веры.

Язык наших богослужебных книг требует тщательного исправления, чтобы он был вполне доступен пониманию. Но это не должно значить того, чтобы богослужебные книги были непременно переведены на русский язык. Против этого говорят как любовь русского народа к славянскому языку, так и значение его в деле соединения всех славянских племен в родной православной вере. Это значит только то, чтобы **путем исправления богослужебных книг сделать язык их (славянский) понятным и для неучившихся славянской грамоте.** Исправленные книги вводиться в употребление должны с разумною постепенностью, и они не должны умалять и упразднить существующие ныне. (Т. 3, с. 445, 498).

28. Еп. Владивостокский Евсевий.

О предметах веры.

Вопрос о дальнейшем и окончательном исправлении текста богослужебных книг, о более тесном его соответствии тексту подлинника при условии ясности выражений и правильности самих оборотов речи. (Т. 3, с. 201).

29. Мнение Псковского епархиального съезда 1905 г. по вопросам о необходимых реформах в церковно-приходской жизни.

Совершение богослужения на русском общепонятном языке, а в местах с инородческим населением — на языке преобладающем. (Т. 3)» [\[17\]](#).

[Материалы предсоборного совета о богослужебном языке](#)

«Журнал № 9 шестого отдела Предсоборного Совета.

Заседание 10 июля 1917 г. началось в 7 часов вечера и окончилось в 10 1/2 часа вечера в доме духовного ведомства на Литейном проспекте № 62.

Под председательством высокопреосвящ. Евлогия, архиеп. Волынского и Житомирского, присутствовали:

Высокопреосвящ. Сергей, архиеп. Финляндский и Выборгский, преосвящ. Андрей, еп. Уфимский и Мензеллинский <новосвщмуч.>, и преосвященный Андроник, еп. Пермский и Кунгурский <новосвщмуч.>, прот.: Ф. Д. Филоненко. проф. прот. А. П. Рождественский, А. Акципетров, проф. П. П. Кудрявцев, М. Н. Скабалланович, С. П. Каблуков, Б. А. Тураев. И. П. Соколов. И. А. Карабинов, И. М. Громогласов, Ф. М. Россейкин, Д. И. Боголюбов, М. Н. Васильевский, П. Б. Мансуров, В. З. Завитневич и А. И. Бриллиантов. Во время заседания прибыли: высокопреосвящ. Платон, экзарх Грузии и прот. С. И. Шлеев, впоследствии единоверческий еп. <новосвщмуч.>, поставленный Патриархом Тихоном.

Делопроизводители: Н. М. Гринякин и А. И. Румянцев.

По открытии заседания высокопреосвященным Евлогием, проф. П. П. Кудрявцев(17) прочитал, согласно намеченному в Отделе плану работ, доклад по вопросу о допущении малорусского, русского и других народных языков в богослужение, **в котором высказался за принципиальную допустимость русского и украинского языков в богослужении**, так как хотя церковно–славянский язык в течение веков и сделался близким сердцу православного русского человека, а также близок и к нашему родному языку, все же сказанное на родном языке, вообще говоря, понятнее сказанного на чужом; настойчивость же введения в богослужение родного языка на Украине, правда, в известной мере стоит в связи с национально–политическим движением, но было бы ошибкою возникновение вопроса относить всецело на счет этого движения, — чтение Слова Божия, особенно Евангелия, на Украине весьма распространено. За сим, нужно отвергнуть мысль о непригодности богатого русского языка для передачи интимных движений религиозно–настроенной души и возвышенных понятий христианского богословия; к тому же, при переложении церковно–славянского текста на русский совершенно не обязательна замена каждого слова церковно–славянского текста соответствующим русским словом. Трудность вопроса в другом. Слово Божие и богослужение написаны поэтическим языком и для перевода церковно–славянского текста на русский необходим поэт, и притом религиозно настроенный, тогда переводы будут художественными произведениями творческих сил. Здесь встает другой вопрос о допустимости творчества в богослужении, который должен быть разрешен в положительном смысле; конечно, церковное творчество зарождается под воздействием церкви и живо связано с отшедшими отцами нашими по духу и вообще с миром вечности. Наконец, при переложении должен быть сохранен созданный веками общий стиль нашего храма, во всей полноте его элементов — архитектуры, иконописи, одежды, молитвы и песнопений, что зависит от привлечения в недра церкви подлинных религиозных творческих сил.

Высокопреосвящ. Евлогий **отметил всесторонность доклада, принципиально оспаривать который нельзя**, и предложил обменяться мнениями по предмету доклада, а именно: о практичности, целесообразности и пределах введения народных языков — русского и малорусского — в богослужение.

Преосвящ. Андроник прочитал свой доклад, в котором высказал принципиальное несогласие с докладом П. П. Кудрявцева.

Высокопреосвященные Евлогий и Сергей высказались за частичный перевод славянского языка.

Прот. Ф. Д. Филоненко, не разделяя мнение преосвящ. Андроника, высказал следующее. **Евреи и греки своим языком разговаривали с Богом, и непонятно, почему нельзя обратиться к Богу на своем родном языке; тогда невозможна молитва ребенка, который так просто зовет родителей «папа», «мама».** Далее, нет оснований, славянский язык признавать выразительнее и глубже русского языка; к тому же славянский язык далеко не всем понятен. Его часто не понимают окончившие второклассную

школу, интеллигенты и наша молодежь, не говоря уже о простонародии. Места в школе дается много для славянского языка, но его не знают. Перевод, конечно, представит много затруднений, — что и видит П. П. Кудрявцев. Необходима религиозность переводчиков, которая так сказалась в старинной иконописи в сравнении с новой. При введении народного языка в богослужение нужно творчество. И не следует бояться изменения (развития) богослужебного языка. **Меняются и церковные обряды, которые не есть что-то неподвижное; меняются утварь, пение и прочее. Будем менять и язык, пока ни явится народно-церковный.** В церкви необходимо чтение выразительное, которое следует комбинировать с псалмодическим. Не нужно преувеличивать опасности соблазна сектантов.

Д. И. Боголюбов высказал, что по данному предмету существует две точки зрения — эстетов и народников. Первые (может быть, преосвящ. Андроник) желают сохранить славянский язык, по велению своего сердца; но эта точка зрения не приложима к народу, среди которого можно часто слышать такие отзывы о богослужении: священно, а ничего не понимаешь. А потому нужно пожертвовать эстетикой. **Народ нуждается в понятном языке богослужения и потребует его.** Народные издания церковных служб с подстрочными объяснениями распространяются весьма успешно. Но переходить к русскому языку богослужения следует постепенно.

Прот. проф. А. П. Рождественский, признавая потребность введения народного языка в богослужение, добавил, что простецы многое не понимают в славянском языке. **Не нужно бояться перевода богослужебных книг на родной язык; ведь и славянские переводчики не передали всей глубины греческого текста, и никто их не осуждает.** Они сделали, так сказать «перетянутый» славянский текст. К тому же, греческая поэзия и особенно церковная, не понятна русскому сознанию, здесь часто игра слов и витиеватость стиля. Мешает в деле перевода присущая нам привычка, которая часто сказывается в привязанности нашей к простым обыкновенным вещам. При переводе нужно «творить» богослужение и вводить язык осторожно.

Преосвящ. Андрей, еп. Уфимский(18), указал на большую религиозность татар, которая объясняется имеющимся у них татарским текстом некоторых церковных книг, добавив, **что понятность богослужения способствует возвращению сектантов. Он, преосвящ. Андрей, при чтении канона допускает перестановку слов и пояснения.**

Н. М. Гринякин, приведя справку о том, что в Предсоборном Присутствии одна группа преосвященных высказалась за упрощение и исправление языка церковных книг, другая за то, чтобы дать понятное чтение Евангелия и Апостола, а третья — за издание русского перевода церковных книг для домашнего употребления и руководства в церкви, — высказал, что **в докладе П. П. Кудрявцева все эти пожелания преосвященных прекрасно скомбинированы.** По существу же вопроса Н. М. Гринякин высказался за **введение в богослужение особого церковно-русского языка и чтение Св. Писания в церкви на русском языке.**

Проф. Б. А. Тураев также высказался **за необходимость перевода книг,** отметив культурные заслуги славянского языка, хотя этот язык и отучил нас от греческих стихов. Для перевода же Великая Россия даст поэта. В монастырях и кафедральных соборах сохраняется славянский текст.

Высокопреосвящ. Евлогий. Церковь живет и потому творит. Составляются и теперь новые молебны, молитвы, акафисты. Правда, это творчество грубое и шаблонное. Надо подслушать верно, народное сознание, чувство и только ему отвечать. У украинцев есть немного политики, униатства — голос политического кружка, чем голос народной массы; лишь в последнем случае нужно идти навстречу и, притом, соблюдая осторожность, — соблазнить простые души легко. Богослужение на окраинах можно было бы, так сказать, обновить, и то дало бы успокоение. В католическом богослужении привлекает орган, пение народных дополнительных песнопений. У нас можно было бы дать **Евангелие, Апостол, Паремии**

на понятном языке, живую проповедь и нечто в роде колядок во время крестных ходов, пение народа на часах, переменное пение мужских и женских хоров.

Высокопреосвящ. Сергей, отметив, что чем выше праздник, тем непонятнее служба, что славянский текст иногда, как бы нарочно, затемняет смысл, указал на красоту славянского текста, и в то же время, и известную понятливость его для народа, например, в призыве к покаянию и других, а в иных случаях и привязанность к нему, например, в некоторых приходах карелы не хотят отказаться от славянского языка. Пересмотр и упрощение славянского текста необходимы.

Проф. И. М. Громогласов. **Богослужебный язык — смесь разных славянских наречий, язык искусственный, который влечёт расхождение религии с жизнью.** Существует два пути: в храме один язык и строй мысли, дома другой язык и строй мысли; **отсюда раздвоенность, мешающая христианизации жизни.** Осторожность при переложении нужна, но нельзя ее преувеличивать. **Нельзя отказывать просящему богослужения на русском языке. Право русского языка в церкви должно быть признано. Иначе будет деспотизм.** Нужно открывать простор творчеству и дать ему место около церкви. Мы уже имели бы много религиозных гимнов.

Высокопреосвящ. Евлогий заметил, что если разрешить перевод книг там, где просят, то получится нежелательная пестрота, что нужно жизнь возвышать до церкви, а не наоборот и что не следует вульгаризировать церковный язык.

Прот. С. И. Шлеев объяснил, что **среди старообрядцев многие не станут спорить из-за перевода книг; старообрядцы от понятного и разумного не отрещиваются.** Нужно разрешать перевод желающим приходом, причем в переводе выбрать золотую середину, чтобы избежать вульгарности.

Прот. проф. А. П. Рождественский. Каждый народ молится по-своему, и пестрота не произведет соблазна. Особого поэта-переводчика не нужно ждать, а руководиться необходимостью. В древней церкви была приспособляемость. В Ветхозаветной Церкви была музыка, а теперь часто в церкви можно слышать неблагозвучное пение псаломщиков.

Высокопреосвящ. Евлогий заметил, что у народа другие понятия. Об органах даже в католичестве шел спор. У переводчика должна быть религиозная воодушевленность.

Высокопреосвящ. Платон, указав на бессознательное отношение многих к богослужению, **высказался за необходимость перевода церковных книг. Немцы, англичане молятся на своем языке, а правоспособность русского языка в богослужении почему-то исключается.**

Проф. П. П. Кудрявцев в заключительном слове высказался, что **введение русского и украинского языков в богослужение допустимо, но повсеместного механического введения языков не должно быть**, во избежание результатов никоновских реформ, отметив при этом, большую разницу между великороссами и малороссами (два народа) и их религиозными переживаниями. Указал на национальную простоту русского народа, которому многое из византийности чуждо. В современной поэзии много слов, которые годились бы для перевода церковных книг.

Затем были поставлены на голосование и приняты единогласно следующие тезисы:

«1. Введение в богослужение русского или украинского языка допустимо.

2. Немедленная и повсеместная замена в богослужении церковно-славянского языка русским или украинским языком и неосуществима и нежелательна.

3. Частичное применение русского и особенно украинского языка в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные молитвы и песнопения, тем более замена или пояснение отдельных речений русскими или украинскими речениями, введение новых молитвословий на русском языке в случае их одобрения Церковью) допустимо и в известных условиях желательно.
4. Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на русском или украинском языке, в меру возможности, подлежит удовлетворению.
5. Творчество в богослужении допустимо и возможно.
6. Дальнейшие работы Особой комиссии по переводу, исправлению и упрощению славянского языка в церковных книгах желательны.
7. Работы Комиссии высокопреосвящ. Сергия, архиеп. Финляндского и Выборгского, по сему предмету желательны.

Председатель архиеп. Евлогий; еп. Андроник.

Члены: И. Громогласов, М. Васильевский». [12].

Протоколы заседаний подотдела о богослужебном языке

«ПРОТОКОЛ № 1»

Первое заседание состоялось 9 сентября 1917 г.. Явилось 17-ть членов. Председателем подотдела единогласно был избран преосвящ. Мефодий, еп. Оренбургский. Секретарем кандидат прав П. В. Попович. По предложению председателя и с общего согласия прочитан протокол заседания 6-го Отдела Предсоборного Присутствия о богослужебном языке, состоявшемся 10 июля сего года. По поводу заслушанного предложен обмен мнений.

Н. Ф. Миклашевский. Переводить на русский язык богослужебные книги не следует, ибо к славянскому богослужению народ привык; необходимо лишь некоторые слова и выражения, кажущиеся непонятными перевести или пояснить более точными и понятными словами и выражениями.

Свящ. П. М. Ильинский читает статью из «Архангельских епархиальных ведомостей» под заглавием «Неотложное дело», в которой высказывается мысль о необходимости перевода на русский язык богослужебных книг, так как прихожане славянского языка не понимают, почему богослужение, совершаемое на славянском языке цели своей мало достигает, напротив, из-за этого многие из православных уклоняются в сектантство, увлекающее их молитвами и песнопениями на понятном русском языке.

Свящ. М. С. Елабужский. Перевод богослужебных книг на русский язык весьма необходим ввиду нелепости славянского текста, ввиду изменения в течение веков смысла некоторых слов славянского языка, ввиду ухода из-за непонятности православного богослужения многих в сектантские молельни.

Н. И. Пантин. Необходимо лишь исправить и пояснить непонятные слова и выражения в славянской речи.

Еп. Сильвестр Омский. Тысячелетнюю привычку русского народа совершать богослужение на славянском языке не так легко заменить привычкой десятилетней или хотя бы немного более продолжительной, если перевод этот сделать и для примера ввести в некоторых церквах... По всему этому перевод богослужебных книг со славянского языка на русский является невозможным в настоящее время.

Свящ. М. С. Елабужский. Некоторые непонятные славянские слова вызывают у слушателей неподходящие, нескромные мысли (приводит примеры). Хотя вера и благочестие сейчас в упадке, но это не доказывает того, что нельзя найти лиц с высокой религиозной настроенностью. Такие лица есть, и они могли бы внести свою лепту в дело перевода, дать ему и красоту и поэзию. Случаи употребления русского языка давали блестящие результаты.

Н. И. Троицкий. Немцы стремятся задавить славянство вообще, между прочим, и язык его. С этим нам нужно бороться путем совершения богослужения на славянском языке, однако, упростив его, разъяснив непонятные слова и выражения.

П. В. Попович. Славянский язык должно считать богослужебным, но в то же время не следует препятствовать, когда прихожане попросят совершать богослужение на русском языке. Перевод богослужебных книг на русский язык, поэтому необходим. Для этого дела должны быть приглашены филологи, одаренные поэтическим талантом, религиозно настроенные. Перевод должен быть сделан на понятном, но не на вульгарном языке. Некоторые слова, понятные и неудобопереводимые, следует оставить. **Ввиду попытки Государственного Комитета при Министерстве Народного Просвещения издать законопроект о необязательности преподавания Закона Божия и изгнания из школы обучения славянскому языку, церковное богослужение на русском и понятном малорусском языке будет, быть может, служить единственной школой для изучения христианских истин. Во имя «сих меньших», незнакомых со славянским языком, необходимо снять завесу с богослужения, дать им возможность слушать, понимать и чувствовать все то, что преподается нам богослужением. Этим народ будет привлекаться к храму, сознательно относиться к богослужению и не будет прельщаться сектантством.**

Еп. Сильвестр Омский. Непонятность славянского языка может быть устранена упрощением некоторых слов.

Свящ. М. С. Елабужский. Ничем не доказано, что апостолы и Христос молились на древнееврейском языке. Знакомство писателей со славянским языком объясняется их привычкой к этому языку и знанием его, и нельзя считать русский язык недостаточным для выражения мыслей и чаяний церковного человека. На непонятность славянского языка более жалуется интеллигенция, потому что они привыкли всегда относиться сознательно к делу.

И. В. Курбатов. Хотя язык непонятен, но оскудение церковью молящимися объясняется иным: утратой веры и благочестия, в особенности среди интеллигенции.

Н. И. Пантин. Переводить богослужебные книги не нужно, чтобы не потерять красоту славянской поэзии, но текст необходимо пересмотреть и переменить слова и выражения непонятные и обветшавшие.

Н. И. Троицкий вновь говорит о борьбе германизма со славянством и призывает к защите славянских ценностей.

П. В. Попович. Перевод необходим. Закрывать двери света христианства непонимающим грешно, и Церковь на то не вправе. **Ради спасения славянской культуры не следует жертвовать интересами христианства и лишать кого-нибудь христианского просвещения.** Если Спаситель и апостолы молились на древнееврейском языке, то потому, что язык этот им был с малолетства хорошо знаком. А когда апостолам нужно было идти на проповедь к разным народам, то они получили от Святого Духа дар языков, чтобы проповедовать, совершать богослужение на том языке, которым говорит данный народ. Расцвет славянства прошел, но сейчас в расцвете русский язык. Найдутся и религиозные творцы-поэты у русского народа. Русский язык более богат, чем какой-либо другой, и когда более творчества и богатства иметь, как не в наш век просвещения и культуры?! Игнорировать интересами интеллигенции, забывшей

Церковь и непосещающих богослужение из-за непонятности его, не следует, ибо мы, по слову Спасителя, о заблуждающихся должны даже более чем о верных подумать и позаботиться. Посему, оставляя богослужебным языком славянский, настаиваю на упрощении непонятных мест. Наряду с этим необходимо предпринять перевод на русский и малорусский языки богослужебных книг (с оставлением некоторых общепринятых и понятных слов), предоставив право на местах, где потребует приход, служить на русском языке. Для более близкого знакомства с содержанием церковных песнопений и для частной молитвы следует распространять среди народа богослужебные книги на русском языке. **Нельзя забывать того, что при создающихся условиях общественной жизни — богослужение может оказаться единственной школой христианского просвещения и нравственности.**

ПРОТОКОЛ № 2

На заседании 18 сентября 1917 г. присутствовало 11 членов. Председательствовал преосвящ. Мефодий, еп. Оренбургский.

По заслушании протокола предыдущего заседания были продолжены прения.

Кедров. Перевод богослужебных книг на русский язык необходим. Переводить нужно с греческого текста, так как перевод на славянский язык сделан весьма неудачный (приводит примеры из «Триоди»). Хотя перевод богослужебных книг дело трудное и продолжительное, но необходимое. Нам необходимо высказаться принципиально за необходимость перевода.

Проф. Б. А. Тураев. Вопрос о допущении в богослужение живого языка возник не только у нас. Даже Греция, на языке которой написаны Св. Книги и церковные песнопения пережила памятную всем церковную и национальную смуту, когда по почину королевы Ольги Константиновны Афонский митр. Прокопий склонился к мысли о необходимости распространения новогреческих переводов Нового Завета. Разговорный язык арабский допущен и в богослужении коптской церкви, доселе совершающееся на непонятном народу коптском языке. У нас вопли о допущении в богослужение русского языка раздаются все чаще и чаще, и факты непонимания нашими даже образованными современниками славянского текста, представляющего нередко неправильный и слишком буквальный перевод с греческого, бывают поразительны. Так, сделанный о. прот. А. П. Мальцевым перевод богослужебных книг на немецкий язык оказался полезным, прежде всего для русских, через немецкий текст понявших красоту православных песнопений. Потребность в допущении русского языка очевидна и это необходимо признать при всей нашей любви к славянскому, на котором мы воспитались и с которым мы сроднились. Но дело может идти лишь о *допущении*, а не об обязательном введении. Прежде всего, следует разрешить читать на двух языках или на одном русском Св. Писание; псалмы можно петь антифонно и этим заменить чтение отрывков из кафизм. Далее, возможно употребление тех готовых переводов песнопений, которые сделаны поэтами или людьми с поэтическим дарованием. Что же касается допущения вообще переводов творений великих песнопевцев, то будет оно возможно лишь тогда, когда появятся переводы, принадлежащие поэтам, приближающимся по таланту к Иоанну Дамаскину, Феодору Студиту, Косме Маюмскому. При этом стихи должны быть переведены размером подлинника. На первое время это будет необходимо, так как славянский перевод отучил нас от употребления стихов при богослужении. Что касается исправления существующего славянского перевода, то это дело крайне трудное, требующее первоклассных ученых сил и большого количества времени, может быть десятилетий, при чем оно, не всегда бывает исполнено безупречно. Пример действующей при Св. Синоде Комиссии по исправлению книг дает в этом отношении поучительные уроки. Современность подняла также вопрос о малороссийском языке при богослужении, кое где он вводится явочным порядком; кое где им пользуется уния для своих целей. Решение этого вопроса представляется неотложным уже в силу униатской опасности.

Прот. А. А. Хотовицкий. Перевод безусловно необходим, ибо изгонять верующих из церкви из-за непонимания славянского языка преступно. Даже мы, священники, знакомые со славянским языком, часто

встречаемся с такими местами славянского текста, которые нам совершенно непонятны, и вместо сознательной молитвы понапрасну ударяем звуками в воздух. Вообще, **закрывать двери православия отказом введения русского языка в богослужение из-за красоты формы славянского языка нецелесообразно.** Примеры перевода некоторых книг за границей дали блестящие результаты. **Из-за достоинств славянской речи еще не следует отрицать перевод книг, а равно богослужения и молитв на русский язык, ибо, таким образом, мы бережем грамм, а теряем пуд.**

Свящ. М. С. Елабужский. Богозданная природа человеческого духа склонна к развитию. И Церковь оживится духом творчества. Не нужно думать, что мысли и чувства молящихся могут быть выражаемы только на классических и, в частности, на церковно-славянском языке. Это значило бы условному приписывать безусловное значение и временное возвести в вечное. Наша частная молитва не облекается же в славянскую форму, и дневник о. Иоанна Кронштадтского дает много вдохновенных молитв на русском языке; на нем же изложена известная молитва киевского старца Парфения. Если допускается проповедь на русском языке, часто изустная, то нет оснований, запретить богослужение на русском языке по утвержденным образцам, чтобы русские не были лишены того дара, славить Бога на своем языке, какой дан всем народам. Искусственное разделение нашей речи на славянскую в молитве и русскую в обыденности есть частичное выражение той двойственности, какая замечается у наших христиан и которая выявляется в набожности и жестокости одновременно. Не нужно быть неразумными ревнителями отеческих преданий подобно преследователям в свое время переводчиков Св. Писания на русский язык (например, Макарий Глухарев)(19). **Мы не создадим протест против русского языка в богослужении, если будем вводить его постепенно, с мудрой осторожностью и только там, где этого пожелают прихожане.**

Н. И. Знамеровский. Не знаю, что в предыдущих заседаниях говорилось, но я скажу, что ввиду непонятности славянской речи необходимо взяться за великое и святое дело исправления перевода богослужебных книг, пригласив сведущих лиц, коим рекомендовать подготовиться постом и молитвой, как к делу великому и святому. Дело должно вестись осторожно и постепенно. Частное распространение богослужебных книг на русском языке желательно и полезно в том случае, если Собор почему-либо не допустит совершение богослужения на русском языке. Желательно, во всяком случае, издавать книги на славянском и параллельно на русском языках для ознакомления верующих с содержанием молитв. Пение кафизм должно быть общим на славянском языке, а содержание их будет выясняться из русского текста. **Насильственное введение русского богослужебного языка не должно быть. Если же прихожане выразят желание, то разрешение должно быть дано.**

ПРОТОКОЛ №3.

На заседании 19 сентября в 9 часов утра присутствовало 17 членов. Председательствовал преосвящ. Мефодий. еп. Оренбургский.

Был заслушан доклад о богослужебном языке проф. П. М. Кудрявцева. Доклад при сем прилагается. Прения отложены до следующего заседания.

ПРОТОКОЛ №4.

На заседании 21 сентября в 5 часов вечера в учительской комнате Духовной Семинарии присутствовало 12 членов подотдела. Председательствовал преосвящ. Мефодий. еп. Оренбургский и Тургайский.

Заслушав заявление секретаря подотдела П. В. Поповича о сложении им с себя обязанностей секретаря за выбытием из состава Собора, заявление принято к сведению и заместителем г. Поповича избран член Собора М. Н. Котельников.

Заслушаны доклады о богослужебном языке 1) преосвящ. Мефодия, еп. Оренбургского и Тургайского, 2) свящ. Туркестанской епархии Петра Ратьковского (доклад Ратьковского — не члена Собора — прислан по почте) и повторены чтением заслушанные на первом заседании подотдела: 1) доклад преосвящ. Сильвестра, еп. Омского и Павлодарского, 2) журнал № 9 Шестого Отдела Предсоборного Совета. Доклады еп. Мефодия и свящ. Ратьковского при сем прилагаются.

Преосвящ. Мефодий в своем докладе стоит за сохранение славянского языка в богослужении при возможном упрощении его, свящ. Ратьковский — за скорейшее введение русского богослужения.

По заслушании докладов были открыты прения.

Архиеп. Евлогий. Обсуждая доклады, разнообразно освещающие вопрос, мы должны обсуждать, в сущности, следующие положения: допустимо ли, желательно ли применение русского языка в богослужении, замена им, или каким другим языком, славянского языка. Я преклоняюсь пред славянским языком, понимаю, что это — язык художников молитвы, освященный веками, но мы не должны забывать о темной действительности. Как бы то ни было, народные массы не понимают богослужение, хотя и умиляются им; язык богослужебных книг чужд и непонятен народу. Для интеллигенции этот вопрос, конечно, не стоит так безнадежно остро, но для народа — дело иное. Как же сделать, чтобы великие, священные слова в полноте вливались в душу народную, чтобы народ понимал богослужение? Сплошь и рядом приходится наблюдать, что простые люди шепчут в церкви под пение и чтение церковных молитв, песнопений свои молитвы, не слушая того, что читается и поется. 90 % не ответят на вопрос, что воспевалось сегодня в стихирах, каково содержание 3-го, 6-го, 9-го часа, кафизм. Не предрешая вопрос, прошу подумать об этом темном народе, для которого пропадает просветительная сила нашего богослужения, для которого является, поэтому, соблазнительным сектантство с его простыми, понятными молитвами.

А. В. Новосельский. Главный пункт доклада проф. Кудрявцева, читанного на прошлом заседании, таков: богослужебные песнопения — произведения поэтические, и потому переводчик должен быть поэтом. Да, поэзия была в греческом тексте. Там была и тоника и ритм. У нас же в славянском переводе поэзии не чувствуется. Епифаний Славинецкий и другие переводчики не были поэтами. Их нельзя сравнить даже с талантливыми мастерами живописцами, а разве только с копиистами-ремесленниками. Они переводили подряд, не вникая часто в смысл, внесли в славянский язык греческие формы, совершенно не свойственные славянскому языку словообразования (оратор приводит ряд примеров). Известный подвижник еп. Феофан признавал новый перевод богослужения неотложно необходимым, если мы, как говорил он, «не хотим быть причиной вреда, который отсюда происходит». Он разумел массовый уход православных в штунду. Сразу, конечно, произвести реформу нельзя. Нужна постепенность. Сначала следует перевести наиболее употребительные книги: часослов, октоих...

Прот. И. А. Ильин. Один из ораторов говорил здесь, что угодники наши молились на славянском языке, но разве тогда русский язык был? Читая молитвы, мы должны воспринимать, их умом. Ап. Павел говорит: *если я приду к вам и стану говорить (вам) на незнакомом языке, то какую принесу вам пользу...*

Оратор цитирует ст. 14 гл. 1 послания к Кор. Только нам священникам, епископам, ученым понятен славянский язык, но мой псаломщик уже не понимает, что читает из Апостола. Если мы не вступим на путь реформы, через 10 лет церкви будут пустыми. Не назидается народ в наших храмах и идет к сектантам, где для него понятно поют и читают. Защитники славянского богослужения хотят божественные слова загнать в буквы славянского языка. Но **если бы свв. Кирилл и Мефодий жили теперь, то, конечно, они перевели бы священные книги не на славянский язык, а на понятный народу — русский.** Реформу проводить, разумеется, нужно постепенно, без насилий. Собор должен выработать подробный план проведения ее.

Свящ. М. Ф. Марин. **Исправление богослужебных книг фактически уже совершается, и всегда совершалось. Язык современных богослужебных книг не тот, что был раньше, он уже не чисто славянский.** Я человек с высшим богословским образованием, слушая стихиры, не могу уловить смысл, как ни напрягаю внимание. **Если простецы плачут в церкви, то плачут, умиляясь формой. Молитвы для них своего рода заклинания. Благодаря непониманию языка некоторые моменты богослужения для народа мертвы.** Нужно помнить слова свв. Кирилла и Мефодия: «проповедовать на чужом языке — писать на песке». Реформа нужна, но нужна и постепенность. Хорошо перевести сначала каноны, часослов. Если реформа будет произведена разумно, соблазна не будет.

Н. Ф. Миклашевский. Новгородский епархиальный съезд допускал только частичные изменения, перестановку слов. И я думаю, что этой перестановкой, заменой некоторых неудобопроизносимых, неблагозвучных слов достигнута будет та ясность, которая так многим здесь желательна.

Свящ. М. С. Елабужский. Меня не смущает сравнение нас с прислугой, забирающейся в хоромы и там хозяйничающей.

Иное дело заявление епископа, что мы убиваем его душу. Но ведь здесь внешности придается большее значение, чем внутреннему, мысли и чувству, вложенному в песнопение. Я спрошу: «а не убиваем ли мы непонятным богослужением темные души, уходящих в штундизм(20) и индифферентизм(21)?» **Еп. Феофан (свт. Феофан Затворник – примеч. сост.) указывал, как на одну из причин ухода православных в штундизм, на непонятность церковных песнопений.** Проф. Кудрявцев в своем докладе предъявил такие требования к переводчикам, советовал подходить к делу с осторожностью. Переводчик, по мнению профессора, должен быть и поэтом и религиозно настроенным человеком, перевод должен гармонировать с архитектурой и живописью храма. Мне кажется, что это уже — излишний эстетизм. **Еп. Феофан о переводах, печатавшихся в его время, отзывался как «о благоговейных и понятных».** Этот специалист молитвы, таким образом, утверждал своим авторитетом, переводы появившиеся в его время. Правильно было указать, что переводчики наши не были поэтами, но мало этого — и составители часто таковыми не были. Не все были Иоанны Дамаскины, Косьмы Маюмские (оратор приводит примеры из канона Иоанна Предтечи). Я прошу снисхождения, жалости не только к «малым сим», но и к духовенству. Оно и само часто не понимает.

В. К. Лебедев читает тезисы, предложенные им на одном из предшествующих заседаний.

Свящ. С. А. Сабинин. Ораторы в своих речах стараются дать ответ на вопрос: возможна ли в богослужении замена славянского языка русским? Я бы вопрос поставил иначе: допустимо ли частичное и постепенное введение русского языка в богослужение? **Никто не думает о немедленной и полной замене славянского языка русским. Наша мысль: оставить как можно более из того, что имеется сейчас в нашем богослужении в отношении языка, в то же время приблизить язык богослужения к пониманию масс.** Один из ораторов от имени народа говорил, что народ не желает реформы, но я от имени же народа могу сказать обратное. Отношение к вопросу на местах разное. Говорят, что богослужение, переведенное на русский язык, потеряет свою колоритность, красоту. Но самая высокая поэзия в то же время — самая высокая простота. Она не нуждается в прикрасах и замене русских речений славянскими.

М. Л. Пилипчук говорит о том, как рад был народ слышать проповедь на малорусском языке от священника-галичанина. Так же рад будет народ и понятному для него богослужению. Если нельзя все перевести на малоросийский язык, то, по крайней мере, необходимо обязать священников говорить проповедь на родном народу языке.

К. И. Самбурский. Сохраняя по возможности славянскую конструкцию, необходимо непонятные места изложить понятно. **История богослужебной книги говорит нам, что такие постепенные изменения**

всегда производились и производятся. Сличая «Триоди» различных изданий, ясно можно видеть, каким изменениям подвергается текст. Существующая Комиссия должна быть сохранена.

Свящ. М. Ф. Марин. Мысль о приготовлении к богослужению на дому не исполнима. Не только простой народ, но и интеллигентные люди не будут иметь возможности иметь богослужебные книги на дому. Здесь утверждалось, что достаточно хороших чтецов, но я скажу: нет, как бы хорош чтец ни был, он не сделает понятным того, что непонятно. Нужно расшифровать наши песнопения. Говорят, нужно спросить народ, но мало ли от чего сейчас по невежеству наш народ отказывается: закрываются школы, больницы и другие культурные учреждения. Перевод, конечно, должен быть безупречен, и народ, если реформа будет проведена умело, не будет протестовать, а будет благодарить за реформу.

Проф., прот. В. Д. Прилуцкий. Значительная часть наших споров отпала бы, если бы повторить, что дело приближения славянского языка к пониманию молящихся может быть достигнуто через одно упрощение синтаксиса. Это уже и делает Комиссия при Синоде. Значит, Собор должен только считаться с деяниями Синода, должен их одобрить, дать указания, говорить же об этом деле, как о новом, не следует. Нужно посоветовать Комиссии, чтобы она больше обращала внимания на поэтическую сторону произведений, на дух их.

Прот. Т. П. Теодорович. В словах защитников славянского богослужения чувствуется большая любовь к языку, но нужно подумать о самом богослужении. Оно переведено у нас с греческого и значит, не может срастаться со славянским языком. Я вижу в словах защитников славянского языка только чувства любования старинной вещью, которой любят, но не пользуются. **Богослужением нужно не любоваться, а попытаться сделать его близким народу. Не уважая свой язык, мы не уважаем себя.** Жизнь же берет свое: богослужебный язык постепенно приближается к русскому. Религия традиционна, но, думается мне, придавать особое значение заявлениям народа о нежелании слушать богослужение на родном языке не следует. Русский народ идет гигантскими шагами, и недалеко то время, когда он поймет правду наших слов. Малороссы отказываются от своего языка потому, что им привили убеждение, будто язык их холопский, рабский язык. Не нужно опаздывать. Мы всегда опаздываем. Пример католической церкви должен нас научить. Чем сильно мариавитство? Сильно своим богослужением на польском языке. Положения, предлагаемые Предсоборным Советом, мудры и осторожны; их нужно принять.

Свящ. И Ф. Щукин приводит постановление Новгородского епархиального съезда, на которое ссылался Н. Ф. Миклашевский. «В целях большего влияния церковного богослужения на душу верующих, в целях противодействия сектантским богослужебным собраниям, **необходимо, чтобы в Православной Русской Церкви, согласно указания апостола Павла /1 Кор. 14, 19/ все совершалось на понятном языке. Таким языком, безусловно, должен быть признан, не так называемый славянский язык, вернее древне-болгарский, а наш родной русский язык.** А потому наши богослужебные книги должны быть, как можно скорее, изданы в свободном русском переводе с греческого языка. Если же такой перевод богослужебных книг на русский язык представляется в настоящее время почему-либо невозможным, то, в таком случае, следует немедленно приступить к исправлению славянского текста до степени его понимания молящимися, к изданию богослужебных сборников с песнопениями и подстрочными примечаниями для мирян. Чтение одного Слова Божия за богослужением, особенно Св. Евангелия и Апостола, должно совершаться на русском языке».

А. Ф. Гараин. Пусть голос о введении русского богослужения слышится преимущественно в рядах интеллигенции, но там, где население того желает, там, где дело вызывается особыми обстоятельствами (борьба с сектантством), введение богослужения на русском языке возможно.

Л. К. Артамонов. ...Возможны только или особые пояснительные примечания под строкой или в скобках или же печатание текстов славянского и русского совместно.

Свящ. С. А. Мельницкий. Апостолам был дан дар языков, дабы, они могли каждому народу говорить на его родном, дорогом ему языке. Правда, что по местам в Украине протестуют против введения малорусского языка в богослужение, но, правда и то, что малороссам был привит взгляд на их язык, как на язык рабский, черный. На нашем Подольском съезде сначала не хотели слышать о малороссийском языке, но когда народу было разъяснено, что есть и ученые книги на этом языке, когда произнесены были очень хорошие речи и прочитаны молитвы и Евангелие на нем, то настроение переменялось и слышалось: «за сердце хватает!»... В конце концов, было постановлено, чтобы проповедь и Евангелие читались на малороссийском языке. Пастыри должны поставить себе в обязанность подготовить народ к реформе. Весьма полезны колядки. Раньше у нас крестный ход был ходом одного духовенства и кучки мирян, теперь, когда введено при ходах пение гимнов на родном языке, в нем участвуют все. Пение колядок употребляется даже в церкви и это никого не смущает. Весь народ поет их, чувствуя, что это тоже хвала Богу. И после того на улице уже не слышится мирской колядки. Народ привыкнет и будет уважать свой язык.

Прот. Н. В. Брянцев предлагает устроить Собору в Семинарском храме пробное богослужение на русском языке. Перевод несомненно необходим. Богослужение теперь захватывает молящихся только моментами.

В. К. Недельский. ...Необходимо ограничиться постепенным исправлением текста, заменой темных выражений более ясными, устранением греческих оборотов, а пастыри, клирики и лучшие из мирян должны приближать народ к пониманию богослужения через посредство общего церковного пения.

М. Н. Котельников читает относящийся к вопросу тезис из постановлений Уфимского епархиального съезда, данный членам Собора от епархий в качестве наказа. «Для более успешной борьбы с сектантством и для того, чтобы раскрыть содержательность, глубину и красоту нашего богослужения, необходимо упростить язык богослужебных книг, сделав его понятным для молящихся. Предоставить инородцам по мере возможности совершать богослужение на своем родном языке». Что касается замечания Л. К. Артамонова, будто заинтересованной в переводе богослужения на русский язык является маловерующая полуинтеллигенция, то я должен сказать, что присутствующие здесь защитники перевода, конечно, никак не могут причислить себя к указанной категории нашего народа. Далее, язык Пушкина, Тургенева — не может быть сравниваем с глиняным горшком.

Л. К. Артамонов, по личному вопросу, говорит, что он имел в виду обыденный, базарный язык и порчу русского языка иностранными словами.

Прот. В. И. Туркевич. Не все малороссы и не все украинские приходы стоят за сохранение славянского богослужения.

Архиеп. Евлогий предлагает поставить на голосование следующие тезисы:

- 1) Славянский язык в богослужении есть великое, *священное* достояние нашей родной, церковной старины и потому *он должен, сохраняться и поддерживаться*, как основной язык нашего богослужения.
- 2) *В целях приближения* нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются принципиально права русского и украинского языка для богослужебного употребления.
- 3) Немедленная и повсеместная замена церковно—славянского языка в богослужении русским или украинским неосуществима и нежелательна.
- 4) Частичное применение русского и украинского языка в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные песнопения и молитвы, замена отдельных слов и речений и т. п.), для достижения более вразумительного

понимания богослужения при одобрении сего церковною властью, допустимо и при известных условиях желательно.

5) Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на русском или украинском языке, в меру возможности, подлежит удовлетворению при одобрении перевода церковной властью.

6) Св. Евангелие в таких случаях читается на двух языках: славянском и русском (или украинском).

7) Необходимо при Высшем Церковном Управлении иметь особую Комиссию, как для упрощения и исправления церковно-славянского текста богослужебных книг, так и для перевода богослужения на русский (или украинский) язык.

8) Желательно издание богослужебных книг на двух параллельных языках — славянском и русском (или украинском), а также издание отдельных книжек с параллельными текстами, заключающих в себе церковно-богослужебные молитвословия.

9) Желательно широкое ознакомление с церковно-славянским языком богослужения как через изучение его в школах, так и путем разучивания церковных *песнопений с прихожанами для общецерковного пения*.

Редакция 2-го пункта принадлежит А. В. Новосельскому и Н. И. Знамеровскому. В 4-ом пункте слова «для более вразумительного понимания богослужения» — поправка В. К. Лебедева. Пункт 5-ый предложен епископом Мефодием, пункт 9-ый — В. К. Недельским.

Тезисы приняты.

ПРОТОКОЛ № 5.

На заседании 26 сентября присутствовало 15 членов. Председательствовал еп. Мефодий Оренбургский.

Принят единогласно, не подвергавшийся голосованию в прошлом заседании, тезис, предложенный И. Знамеровским, о разрешении исполнять во внебогослужебное время религиозные гимны на русском языке. Предложения проф. Прилуцкого и прот. Брянцева отклоняются. Тезис г. Знамеровского принимается в такой редакции:

10) Употребление церковно-народных гимнов на русском языке на внебогослужебных беседах по одобренным церковной властью сборникам признается полезным.

Заслушаны тезисы доклада преосвящ. Мефодия, и из них, в целом совпадающих с принятыми, в добавление к ним, принят следующий.

11) Издать русский перевод Библии с текста богомудрых LXX толковников. Перевод должен быть снабжен указанием разночтений, темных и переносных мест по Русской Библии с еврейского языка.

Во время обмена мнений В. К. Недельский высказал опасение, что разрешение совершать богослужение на русском и малорусском языках поведет за собою разрешение совершать богослужение на различных наречиях, говорах, которых у нас такое множество, а это естественно раздробит единство Русской Церкви.

Архиеп. Евлогий, возражая В. К. Недельскому, указал на то, что одной из побудительных причин, заставляющих пойти на введение русского и малорусского языка в богослужение, является страшная опасность массового совращения православного населения Украины в унию, где уже совершается богослужение на местном языке. В 1905 г. разрешением употреблять церковно-народные гимны в крестных ходах и даже в качестве дополнительных частей богослужения (причастный стих) была вырвана

почва из—под ног у католической пропаганды, и не малое количество душ было сохранено для православной церкви.

По окончании прений и принятия вышеозначенных тезисов преосвященным Мефодием было заявлено, что он войдет со своим докладом в Отдел; Подотдел же должен избрать своего докладчика. Докладчиком единогласно избран проф. П. П. Кудрявцев, а содокладчиком — ему секретарь Подотдела М. Н. Котельников.

Председатель. Секретарь М. Котельников.» [21].

Журналы епископского совещания

«Журнал совещания преосвященных Архипастырей от 15 (28) августа 1918 г.

На совещании, состоявшемся в келиях Святейшего Патриарха и под его председательством, прибыло 26 епископов.

Слушали: Доклад Отдела о богослужении, проповедничестве и храме, именно об упорядочении богослужения; при чем в Отделе предположено, не одобряя каких—либо сокращений в Уставе, сохраняя Церковный Устав в качестве высшей нормы нашего богослужения, — но, снисходя к немощам молящихся и к условиям современной жизни, а также основываясь на истории Устава, допустить некоторые послабления уставных требований в рядовом богослужении, упорядочить внерядовое, для чего существующая ныне при Святейшем Синоде Комиссия для исправления богослужебных книг преобразуется в постоянное учреждение, которое, кроме книжного исправления, должно—вообще ведать богослужение и решать все относящиеся к нему вопросы; издать русский перевод Типикона, с общедоступным изложением уставных предписаний, с предисловием, раскрывающим историю и значение Церковного Устава. (ГАРФ, ф. 3431, № 192, л. 157, 189.)

Выписка из протокола Соборного Совета Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви от 29 августа/11 сентября 1918 г. за № 120, ст. 5.

Имели суждение о докладах Отделов, которые могут остаться нерассмотренными Собором.

Справка. Священным Собором 31 января с. г. (т. е. 1918) постановлено: «В случае создавшейся для Собора необходимости приостановить свои занятия ранее выполнения всех намеченных задач, представить Высшему Церковному Управлению (ВЦУ) вводить выработанные Отделами и нерассмотренные Собором предначертания в жизнь по мере надобности полностью или в частях, повсеместно или в некоторых епархиях, с тем, чтобы с возобновлением занятий Собора таковые предначертания были представлены на рассмотрение Собора».

Постановлено: Предложить Собору уполномочить Соборный Совет — все доклады, которые останутся нерассмотренными Собором, препроводить на решение Высшего Церковного Управления, а сему Управлению предоставить, по бывшим примерам, право вводить выработанные Отделами предначертания в жизнь по мере надобности полностью или в частях, повсеместно или в некоторых епархиях.

Сентябрь 6/19 дня 1918 г.

Делопроизводитель Н. Соловьев. (ГАРФ, ф. 3431, № 173.)

Поместный Собор Православной Всероссийской Церкви

Епископское Совещание

В Соборный Совет

Сентябрь 10/23 дня 1918 г. № 1557.

Совещание преосвященных архипастырей, заслушав в заседании 9/22 сентября доклад Отдела о богослужении, проповедничестве и храме — «о церковно-богослужебном языке», переданный Соборным Советом по определению Священного Собора от 30 августа (12 сентября) на разрешение Совещания епископов и выписку из определения Священного Собора от 7/20 сего сентября по докладу — «об устройстве Православной Церкви в Закавказье и на Кавказе,

Постановило: «**Доклад Отдела о богослужении, проповедничестве и храме**», именно — **о церковно-богослужебном языке** и определение Св. Собора от 7/20 сего сентября об устройстве Православной Церкви в Закавказье и на Кавказе **передано Высшему церковному Управлению**».

Секретарь Серафим, еп. Старицкий. (ГАРФ, ф. 3431, № 296, л. 4.)

Выписка из протокола Соборного Совета Православной Российской Церкви от 11/24 сентября 1918 г. за № 126 ст. 10.

Слушали: Сообщение Секретаря Совещания епископов о принятом постановлении о передаче Высшему Церковному Управлению доклада Отдела о богослужении, проповедничестве и храме — о церковно-богослужебном языке и постановлении Собора по вопросу об устройстве Православной Церкви в Закавказье и на Кавказе вообще.

Постановили: Сообщение принять к сведению. **Означенные доклады о церковно-богослужебном языке** и постановление Собора об устройстве Православной Церкви в Закавказье и на Кавказе вообще **препроводить в Высшее Церковное Управление** сентября 11/24 1918 г.

Делопроизводитель Н. Нумеров. (ГАРФ, ф. 3431, № 296, л. 5)

Священному Синоду Православной Российской Церкви

Священным Собором Православной Российской Церкви 30 августа (12 сентября) с. г. было утверждено постановление Соборного Совета о передаче на разрешение Совещания епископов представленного Отделом о богослужении, проповедничестве и храме доклада о церковно-богослужебном языке. (ГАРФ, ф. 3431, № 296, л. 7.)

Совещание епископов, заслушав в заседании 9/22 сентября с. г. означенный доклад, постановило: доклад этот передать Высшему Церковному Управлению.

Согласно сему постановлению Совещания епископов и во исполнение постановления по сему же предмету Соборного Совета представляю означенный доклад о церковно-богослужебном языке на решение Высшего Церковного Управления.

Председательствующий на Соборе митр. Арсений.

Секретарь В. Шеин.

15(2) октября 1918 г. № 4139.»[\[7\]](#).

[Заключение](#)

Итог всего, окончательный вывод:

1). Поместный Собор РПЦ, от 30 августа (12 сентября) 1918г., утвердил постановление Соборного Совета о передаче на разрешение Совецанию епископов доклада «О церковно-богослужебном языке», который был предоставлен Отделом о богослужении.

2). Совецание епископов, – согласно определению Поместного Собора РПЦ, от 30 августа (12 сентября) 1918г., – заслушало доклад «О церковно-богослужебном языке», и постановило передать его на разрешение ВЦУ; которому на основании протокола 120, ст. 5, «Предоставлено по бывшим примерам, право вводить выработанные отделами предначертания в жизнь, по мере надобности, полностью или в частях, повсеместно или в некоторых епархиях».

Выработанные отделом и подотделом предначертания, которые предоставленно вводить в жизнь, согласно определениям Поместного Собора РПЦ, 1917-18гг., протокол 120, ст. 5:

«Тезисы отдела:

1. Введение в богослужение русского или украинского языка допустимо.

2. Немедленная и повсеместная замена в богослужении церковно–славянского языка русским или украинским языком и неосуществима и нежелательна.

3. Частичное применение русского и особенно украинского языка в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные молитвы и песнопения, тем более замена или пояснение отдельных речений русскими или украинскими речениями, введение новых молитвословий на русском языке в случае их одобрения Церковью) допустимо и в известных условиях желательно.

4. Заявление какого–либо прихода о желании слушать богослужение на русском или украинском языке, в меру возможности, подлежит удовлетворению.

5. Творчество в богослужении допустимо и возможно.

6. Дальнейшие работы Особой комиссии по переводу, исправлению и упрощению славянского языка в церковных книгах желательны.

7. Работы Комиссии высокопреосвящ. Сергия, архиеп. Финляндского и Выборгского, по сему предмету желательны.» [\[12\]](#).

«Тезисы подотдела:

1) Славянский язык в богослужении есть великое, священное достояние нашей родной, церковной старины, и потому он должен сохраняться и поддерживаться, как основной язык нашего богослужения.

2) В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются принципиально права русского и украинского языка для богослужебного употребления.

3) Немедленная и повсеместная замена церковно-славянского языка в богослужении русским или украинским неосуществима и нежелательна.

4) Частичное применение русского и украинского языка в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные песнопения и молитвы, замена отдельных слов и речений и т. п.) для достижения более вразумительного понимания богослужения, при одобрении сего церковною властью, допустимо и при известных условиях желательно.

- 5) Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на русском или украинском языке, в меру возможности, подлежит удовлетворению при одобрении перевода церковной властью.
- 6) Св. Евангелие в таких случаях читается на двух языках: славянском и русском (или украинском).
- 7) Необходимо при Высшем Церковном Управлении иметь особую Комиссию, как для упрощения и исправления церковно-славянского текста богослужебных книг, так и для перевода богослужения на русский (или украинский) язык.
- 8) Желательно издание богослужебных книг на двух параллельных языках — славянском и русском (или украинском), а также издание отдельных книжек с параллельными текстами, заключающих в себе церковно-богослужебные молитвословия.
- 9) Желательно широкое ознакомление с церковно-славянским языком богослужения как через изучение его в школах, так и путем разучивания церковных *песнопений с прихожанами для общецерковного пения*.
- 10) Употребление церковно-народных гимнов на русском языке на в небогослужебных собеседованиях по одобренным церковной властью сборникам признается полезным.
- 11) Издать русский перевод Библии с текста богомудрых LXX толковников. Перевод должен быть снабжен указанием разночтений, темных и переносных мест по Русской Библии с еврейского языка.»» [\[21\]](#).

Труды миссионеров в деле переводов.

«Апостолы не изобретали эсперанто(22), староиндийский, древнегреческий, древнееврейский богослужебные языки, но говорили ясно и понятно /Деян. 22. 2/, отчего (их) и слушали внимательно и обращались ко Христу, меняя свою жизнь, рождаясь свыше от Духа Божия, от понятного Слова Божия и от воды крещения. И на том же родном языке велась везде и служба в храмах, на разговорном, живом, а не мертвом церковно-греческом, церковно-эфиопском.

Свт. Иоанн Златоуст рад был первому выпуску миссионеров (для проповеди) на кельтском языке; и сам написал литургию на родном живом языке греков и проповедовал, держа перед собою сразу 4 перевода с еврейского на греческий: семидесяти (Септуагинта), Феодотина, Акиллы, Симаха, не давая предпочтения ни одному переводу, но дополняя один другим, расширяя многозначностью.

Почти две тысячи лет трубы Духа Святого, Христовы благовестники несут весть об Искупителе всему миру. Как несчастен тот народ, к кому придет книга, которую никто не может прочесть. Непонимаемое слово ни плода не приносит, ни семя не возвращает, но всё камень, непроходимый в уши. **Стану молиться духом, стану молиться и умом** /1Кор. 14. 15/. Умом молится только тот, кто понимает значение произносимых слов. **В церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке** /1Кор. 14. 19/. Кто этого не понимает, а ведет служение на незнакомом языке, тот по уму — младенец, играет незнакомыми словами, утешается певучестью и «сакральностью», не может понять такой простой истины, что нигде в мире ни один правитель, военачальник не отдает приказы, указы на незнакомом для людей языке.

Известен ряд интересных случаев из житий святых. Анастасий Персянин (память 22-го янв.), обратившись в христианство, не хотел даже и разговаривать более на своем родном языке. Иоанн русский (память 4-го окт.), уведенный в плен к татарам, познал их язык; потом, на их языке, много пользы принес прежним

мучителям. Ап. Матфей (память 16-го нояб.), проповедовал Евангелие и проводил богослужения в земле людоедов на их родном языке. **И нигде, ни один миссионер, не переводил на исконный /ветхий/ язык коренных жителей, но на разговорный, им понятный. Чем же мы хуже их, что остались без служения на родном языке? Людоеды счастливее нас.** Когда Дух Святой в огненных языках, как и на апостолов, сошел на Симеона Дивногорца (память 24-го мая), тогда под ударами слова, как молота, рушились скалы языческих твердынь. Свт. Василий Великий (память 1-го янв.) просил Бога дать ему разуместь сирский язык, для беседы всего с одним собеседником, и получил этот дар. Так же и в случае с Паисием Великим (память 19-го июля)» [10].

В житии преп. Феодосия Великого читаем: «Так как в обители преподобного братия была не из одного народа и не одного языка, но различных, то, поэтому, он устроил и другие церкви, в которых каждый народ мог бы на своем языке славить Бога. Так, в великой церкви Пречистыя Богородицы — греки, в другой — иверийцы, в третьей — армяне пели церковное правило на своих языках, по семи раз в день, согласно уставу Давидову: *семикратно*, — сказал он, — *в день прославлял Тебя*; для больных была особая церковь. Во время же причащения Пречистых Тайн вся братия собиралась из всех церквей в одну великую церковь, в которой пели греки, и все причащались вместе». [24, см. 11-го января].

«Стефан Пермский изучил язык зырян-пермяков и на их языке донес им весть о Воскресшем; митр. Иннокентий /Вениаминов/ переводил Евангелие на языки народов севера и на их языке вел и богослужение, указывая им путь в Царство небесное; архиеп. Николай Японский /Касаткин/ — на японском языке, Макарий /Глухарев/ — на ойтском языке горноалтайцев, а иначе все миссионеры были бы отвергнуты, как чужестранцы /1Кор. 14, 11/, они говорили бы на ветер /1Кор. 14, 9/. **Ни в проповеди, ни в богослужении не должно быть ни одного непонятого слова, без его смыслового значения.** «Сколько, например, различных слов в мире — и ни одного из них без значения», т.е. каждое слово несет смысловую нагрузку для того, кто слушает его, чьих ушей оно достигло. *Как дождь и снег нисходят с неба и туда не возвращаются, но напаяют землю и делают её способной рождать и произрастать, чтобы она дала семя тому, кто сеет, и хлеб тому, кто ест, — так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, — оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его.* /Ис. 55. 10–11/

«При деятельном участии свт. Иннокентия его ближайшими помощниками были переведены на якутский язык все книги Св. Писания, Нового Завета (кроме Апокалипсиса), некоторые Ветхозаветные книги, а также составлены краткие духовные поучения для местных жителей. Свт. Иннокентий побуждал миссионеров учить детей как родному, так и русскому языку.

С 1859 г., когда при Камчатской епархии было открыто Якутское викариатство, ставшее в 1869 г. самостоятельной епархией, большие миссионерские труды предстояли архиепископу Иннокентию среди восточных якутов и эвенков. В этот период он основал храмы, часовни, **переводил Священные и богослужебные книги на якутский и эвенкийский (тунгусский) языки.** 19 июля 1859 г. в якутском Троицком соборе впервые было совершено **богослужение на якутском языке.**

В 1858 г. Китайское правительство, наконец, разрешило представителям Русской Православной Церкви заниматься миссионерской деятельностью среди китайцев по всей стране.

Замечательным миссионером в Китае был иеромонах Исаия /Пешкин (+1871г.)/. В 1866 г., **благодаря его трудам, было совершено первое богослужение на китайском языке.**

Весьма успешной была деятельность архим. Павла /Ивановского (+1919г.)/, впоследствии еп. Никольско-Уссурийского, который перевёл богослужебные книги на корейский язык и обратил в христианство тысячи корейцев.

Св. равноап. Николай /Касаткин/, архиеп. Японский (1836–1912 гг.), свои апостольские труды начал в 1861 г.

За пятьдесят лет своего благовестничества на этой земле свт. Николай возрастил новое древо церковной жизни. Изучая японский и китайский языки, **он перевел на японский язык Св. Писание и богослужебные книги** и на протяжении полувекового периода своей апостольской деятельности неустанно проповедовал японскому народу Слово Божие» [2].

«Начальник миссии — архим. Павел /Ивановский/ за 6 лет своего пребывания в Корее широко развернул проповедническую деятельность и создал 5 миссионерских станом, 7 школ на 220 мест для корейских детей, а также ряд молитвенных домов. Ему удалось построить церковно-приходскую школу даже во Владивостоке, где, как известно, с давних времен жили выходцы из Кореи.

Значительное внимание о. Павел уделял переводу богослужебных книг на корейский язык. Часть переводов была отпечатана в нескольких изданиях. **Эти переводы давали возможность совершать все богослужения и требы для корейцев на их родном языке.** О. Павлу удалось продолжить дело своего предшественника архим. Хрисанфа — перевод ряда богослужебных книг на корейский язык. Вместе с корейским переводчиком И. Каном они проделали большую работу, переводя молитвослов, часослов, паримийник, служебник, требник, избранные службы из Октоиха, Триоди и праздничной Минеи, а также краткую историю Ветхого и Нового завета, катехизис, последование ко Св. причащению и чин панихиды. Многие переведенные книги были вскоре отпечатаны в типографии; часть переводов так и осталась в рукописях. В свою очередь, рясофорный послушник Феодор Перевалов с помощью М. Г. Кима положил на ноты многие песнопения на корейском языке, сохранив при этом основы русских церковных мелодий» [3].

Князь Николай Жевахов описывает, как высказывался митр. Питирим (Окнов), Санкт-Петербургский, о проблеме богослужебного языка, когда его назначили экзархом на Кавказ (1914г): «Владыка перекрестился и ответил: «На Кавказе не трудно заручиться самой искренней и глубокой любовью. Кавказ так мало требует от своего архипастыря: просит только позволения молиться на родном языке... А Петербург этого не понимает; ему все рисуются какие-то страхи и опасения, что за этой просьбой Кавказской паствы скрываются политические мотивы, идея сепаратизма, стремление к политической автономии... Эти опасения ни на чем не основаны. Если Кавказ когда-либо и возбудит такие домогательства политического свойства» то будет опираться на совершенно иную почву, а не религиозную. Те кучки злонамеренных людей, которые сеют смуты и кричат об автономии Кавказа, ни во что не веруют, им никакой религии не нужно, и это Вы знаете по Кавказским депутатам в Думе. **Те же, кто обращается ко мне, являются самыми преданными сынами Православной Церкви, и я не могу отказывать их просьбе и совершаю богослужение то на Грузинском, то на Осетинском языках, и народ горячо благодарит меня за это... Если бы Вы видели, с каким умилением они молятся, с каким благоговением стоят в храме... В нашей средней полосе, ни в селах, ни в городах Вы таких картин не увидите... А, между тем, мои взгляды не всеми разделяются... я и приехал сюда по этому делу, чтобы рассеять страхи; но не знаю, чем кончится моя миссия.**

В моем понимании вообще не укладывается требование заставлять паству молиться на непонятном ей языке. Огромное большинство моей паствы с трудом разбирается в русском языке; где же ей понимать церковно-славянский. Нельзя политику делать орудием религии и наоборот»...

Я искренне разделял взгляды Владыки и понимал, почему его так горячо полюбила Кавказская паства... Владыка был первым Экзархом Грузин, с действительной отеческой любовью подошедший к своей пастве и в короткое время изучивший едва ли не все кавказские наречия, чтобы ближе стать к ней и приблизить ее к своему любящему сердцу. Он определенно осуждал политику своих предшественников, стремившихся к русификации Каказа и презрительно относившихся к Кавказскому «жаргону» и преследовавших православное кавказское духовенство за совершение богослужения на местном языке. Наоборот, **он считал обязательным совершение богослужения на языке Края, именно с целью**

воспитания у своей паствы здоровых религиозных начал, как наиболее прочного фундамента и политической благонадежности, и выражал глубочайшее сожаление, что политика его предшественников задерживала религиозное сознание Кавказа и может дать весьма горькие плоды. Последующие события показали, насколько глубоко был прав Владыка.

Не меньшее внимание сосредоточивал митрополит Пителир и на задачах Православия за границей. Он был единственным иерархом, не только разделявшим, но и поддерживающим мою мысль об учреждении епископских кафедр в столицах Западной Европы и перевод круга богослужебных книг, а также святоотеческой литературы, на иностранные языки. Последняя мысль признавалась среди иерархов чуть ли не еретической, но митрополит Пителир тем более горячо поддерживал ее, чем отчетливее сознавал все чрезвычайное значение ознакомление Запада с Православием. Он видел в этой мысли не только церковное, но и политическое значение и всемерно помогал мне... По этому вопросу я часто вел беседы с Владыкою, указывая на параллели, какие сами собой напрашивались при сопоставлении пропаганды католицизма и одновременной пассивности и инертности с нашей стороны... Предположено было начать осуществление этих мыслей с постройки православного храма в Лондоне. Насколько такая мысль встретила сочувствие как со стороны русской колонии в Лондоне, так и со стороны англичан, свидетельствует тот факт, что к началу 1917 года уже была образована в Лондоне комиссия по постройке храма, находившаяся в теснейшем общении с митрополитом Пителиром и намеревавшаяся весной того же года приступить к закладке храма. Но революция смела с пути и это благое дело» (кн.Н.Жевахов, "Мои воспоминания", т.1, гл.24).

«Уезжая из России в 1919 — 1920 гг., добровольческая армия увезла с собой и всех епископов юга России. Уехал и Полтавский владыка архиеп. Феофан. Чтобы епархия не осталась без возглавления, Патриарх поручил временно возглавление проживавшему в то время в Ахтырском монастыре на покое архиеп. Парфению, бывшему архиеп. Тульскому, уроженцу Полтавской епархии. Владыка Парфений давно уже был известен как украинофил, но в рамках лояльности к Св. Синоду и Патриарху. **В Полтаве был открыт еще до его приезда первый украинский приход, и владыка совершал в нем иногда богослужения на украинском языке. Сослужили ему старые священники. Все считали это явление естественным и законным. Подчинялся он наравне с остальными приходами Патриарху Тихону.** Посещали богослужения украинофилы и неукраинофилы. Если бы о. Василий Зеленцов(23) не был в это время в тюремном заключении, безусловно, не осудил бы, а только, может быть, указал на некоторые неточности в переводе текста Евангелия на украинский язык, что он впоследствии и делал. Архиеп. Парфений в свое время по поручению Св. Синода возглавлял комиссию по переводу Св. Писания на украинский язык. **За свой перевод владыка получил благодарственный рескрипт от Великого Князя Константина Константиновича, как Президента Академии Наук. А Государь подарил икону в великолепный храм, строго выдержанный в старинном казацком стиле, сооруженный на родине владыки в с. Плешивец, Гадяцкого уезда, на пожертвования его почитателей московских купцов (владыка раньше был московским викарием).** Все это показывает, как благожелательно власть и светская и духовная относилась к украинству, как к культурно-бытовому явлению без всякой примеси политики» [22].

Здесь мы ясно видим позицию Патриарха Тихона и Св. Синода по отношению к культуре украинского народа и богослужению на украинском языке. Патриарх не препятствовал этому делу, а благословлял, в согласии с тезисами, которые Поместным Собором РПЦ были отданы на разрешение ВЦУ, на основании протокола 120, ст. 5 «вводить выработанные Отделами предначертания в жизнь, по мере надобности...». Таким образом, на основании всего этого, два архиерея архиеп. Парфений и новосвщмуч. Василий еп. Прилукский, а вместе с ними священство, клир и народ, на украинском приходе в Полтаве, совершали богослужения на украинском языке. В дальнейшем еп. Василий, будучи в ссылке, занимался богослужебными переводами. В одном из протоколов допроса он пишет: «За время пребывания в ссылке в Братском районе я начал ряд богословских работ на тему: перевод литургии на русский язык с богословскими примечаниями, Библейские пояснения к книге Апокалипсис, и****

ряд заметок по разным Библейским вопросам» (копию с оригинала допроса см. в главе: «[Приложение 5](#)»).

Сущность обновленчества.

В наше время все противящиеся переводам и русификации богослужебного языка говорят о том, что богослужение на русском языке ввели в нашу церковь «обновленцы» в 1922 г. и те, которые держались их позиций до того. Но мы с вами проследили, что за переводы и русификацию Св. Писания и богослужебного языка стояли многие выдающиеся мужи и святые нашей церкви, а так же Поместный Собор 1917-1918 гг.. Современный епископат и священство МП, желая скрыть сущность своего отступничества, лукавят и обманывают всех, говоря, что сущность обновленчества состояла в отступлении от тех или иных догматов веры, изменении тех или иных обрядов, а так же в ведении в богослужение русского языка. Но это ложь, хотя это все и было у обновленцев, но все это было делом второстепенным. И, исключая догматы, — **изменение обрядов и русификация богослужения есть дело не вероисповедное.**

В Церкви всегда происходили изменения в тех или иных обрядах, канонах и правилах, адаптировался язык или совершаемы были переводы на новые языки различных народов. При этом церковь продолжала оставаться хранительницей веры истинной. Так как к вопросам вероисповедным относится правильное содержание догматического и нравственного учения Церкви, а также жизнь в духе Христовом.

Богослужебный язык относится не к вопросу догмата, а к вопросу церковного обряда и может быть изменяем, в зависимости от нужды в жизни Церкви. Так было всегда в истории Церкви, по отношению к обрядам и вопросам, носящим временный характер в жизни Церкви. Свт. Феофан Затворник писал, что в Церкви обряды могут быть изменяемы все, кроме существеннейшего в Таинствах. Но, конечно, эти изменения должны совершаться в зависимости от нужды Церкви, для того, чтобы удобнее и лучше направлять жизнь чад Церкви, к созиданию в них Духа Христова. Это созидание Духа Христова — есть основное дело в жизни Церкви для спасения. И вся внешняя церковная обрядовость должна этому вспомоществовать, а не препятствовать.

Вернемся с вами к выяснению сущности обновленчества МП и других официальных поместных церквей, участвующих в экуменизме(24). По слову одного катакомбного епископа и новомученика: «Сущность обновленчества лежит в его беспринципности духовной, в его самом низком оппортунизме(25), в его бездуховности. У обновленцев не может быть христианского подвига и внутренней свободы веры. Нашему мысленному взору видится страшная картина: мы видим обновленцев не в должности слуг Христовых, а в качестве послушного и раболепного орудия дьявольского, придуманного им для борьбы с действительностью. Ведь **сущность обновленческого вероисповедания** не мудра и не глубока, и часто выражается в двух словах: "**что прикажете?**"»

«Враг, ведущий с Церковью Христовой ожесточенную борьбу, по каким-то обстоятельствам вновь изменил свою стратегию и методы этой борьбы. **В теперешних планах врагов церковных обновленцы будут использованы уже не в качестве церковных революционеров, а как самые строгие православные священнослужители, отрастившие себе бороды и совершающие «стройные чинопоследования».** Мы должны знать, что обновленцы как угодно могут менять свой внешний вид. Они вообще, как и их хозяева, демоны, очень любят маскарад. <Примечание составителя: Здесь речь идет о явлении новообновленчества, т. е. МП>. Но сущность таких «церковных деятелей» всегда одна. Они верны не Христу и Его вечной Правде, но тому, кто может им дать возможность жить вольно и широко и в свое удовольствие. Еще святейший Патриарх Тихон писал в одном из своих посланий, направленных против обновленческого раскола, что у них <обновленцев> никогда не может быть церковного подвига. Поэтому у них не могут существовать и появляться мученики, преподобные,

исповедники и др. рабы Божии, отдавшие только Господу все свое сердце и всю свою жизнь. У обновленцев нет мистики, и самое главное, **нет у них нравственного критерия, т. е. внимания к голосу совести.**» [19].

Итак, как мы с вами выяснили **сущность обновленчества** состояла не в изменении тех или иных обрядов, вопросов носящих временный характер в жизни Церкви, и русификации богослужения, — ибо это не относится к вопросам вероисповедным, — а в сотрудничестве со слугами антихристовыми, стоящими у власти в наше время и в полном подчинении им, по той причине, что от них можно получить все блага мира сего — для удовлетворения своих страстей и похотей. Но современное новообновленческое священство (МП) уводит внимание людей от этого главного вопроса и переводит его на совершенно второстепенные, не вероисповедного характера, а скорее обрядового, пытаясь тем самым сокрыть свое отступничество. Таким образом, мы видим явление нового фарисейства-обрядоверия, законничества.

В защиту русификации говорят...

«Было время, когда епископы в Германии твердо соблюдали правило, что проповедовать и вести богослужение можно только на трех языках, на которых была надпись на кресте Христа: еврейском, римском и греческом. Но было время и такое, когда перевод св. Иеронима Стридонского — «Вульгата», теперь общепринятый у католиков, был встречен «в штыки»; церковники считали кощунством Св. Евангелие всесвятото Бога переводить на язык, понятный тем людям, к кому была эта весть.

Главный библиотекарь царя Птолемея Филадельфа 2-го Египетского, Димитрий Фаларей, на основе поста и молитвы всего Израиля, с участием 72-х переводчиков (по 6-ти от каждого из 12-ти колен), сделал доступной Божию Мудрость, Слово Господа, для всей вселенной и для нас, православных. Перевод Библии на церковно-славянский был сделан именно с этого перевода 70-ти толковников. **Хотя то, что сегодня называют Кирилловым переводом, есть в действительности десятки раз правленый, русифицированный перевод с Кириллова.** Христос говорил с народом на их родном разговорном языке.

Когда-то церковно-славянский язык тоже был великим и могучим, живым для живущих. Но народ в языке Пушкина, в языке нового перевода Библии ушел далеко вперед, а язык остался один вдали. Равноап. Климент, еп. Охридский <916 г.> получил запрет от папы Стефана 6-го проповедовать на славянском языке; так и ныне запрещают в храмах читать Евангелие на русском языке. А славянского никто не знает, даже «академисты», которые не могут перевести на русский язык обычное псалтирное чтение. Согласно ап. Павлу, где нет толкователя, нужно молчать или ждать переводчика. Свт. Иоанн Златоуст говорит, что если ничему не научился в храме, то напрасно и двory топтал.» [10].

Свт. Феофан Затворник писал, в свое время: **«Богослужebные книги надо вновь перевесть, чтобы всё было понятно. Пашковцы кричат: «У вас в церкви всё непонятно», штундисты — тоже, да и из наших немало. Кто только станет вчитываться или вслушиваться, непременно кончает вопросом: «Да что ж это такое!»... Архиереи и иереи не всё слышат, что читается и поется, сидя в алтаре. Потому не знают, какой мрак в книгах, и это не почему другому, как по причине отжившего век перевода. И надо уяснить (т. е. сделать ясным, доступным по смыслу — примеч.сост.) перевод.**

Ереси относительно обрядов не бывает. Ересь — догматическая погрешность, упорно защищаемая. А обряды — внешняя сторона, которую чтим и блюдем, но беды большой нет, если по какой нужде иное сократить приходится. Это и в уставе пишется: аще изволит настоятель...

Богослужebные книги могут быть не только поновляемы переводом, но изменяемы и в содержании. Греки так и делают...

Книги церковные надо бы уяснить и вычистить... У греков ведь идет постоянное поновление

богослужебных книг... Я слышаю октоих... Очень, очень много у греков новенького. И в этом они молодцы. — Иные службы у нас такие, что ничего не разберешь»[\[25\]](#). **Свт. Феофан призывает к русификации или адаптации богослужебных текстов для лучшего понимания их.**

Свт. Филарет Дроздов, митр. Московский, писал: «Если язык богослужебный должен быть сохранен богослужебным, то должно стараться, чтобы он, как можно более, сохранялся общепринятым, а для сего полезно, чтобы не отвыкли читать на нём Священное Писание» [\[29\]](#). Здесь свт. Филарет выражает ту мысль, что **язык богослужебный может употребляться в богослужении до той поры, пока он ясен и понятен для народа. Если же он становится непонятным, то необходимо его делать более доступным и понятным.**

«В свое время преп. Амвросий, старец Оптинский, с сокрушением отмечал, что некоторые церковные песнопения (или, по крайней мере, фрагменты песнопений) непонятны для молящихся. Так, рассматривая ирмос *Воскресения день*, он писал:

«Люди книжные и понимающие, без сомнения, вполне понимают смысл ирмоса сего, простейшие же требуют некоторого объяснения». Аналогичное суждение высказано им и относительно слов 9-го псалма *Воскреси, Господи, Боже мой*: «Смысл и значение этих слов понимающие сами понимают, а для простейших и малосведущих хочу написать малое объяснение».

Преп. Амвросий Оптинский выработал для себя особый эпистолярный жанр — «общих праздничных приветствий» (всего подобных писем более четырех десятков), и с помощью единообразных приемов он регулярно истолковывал преобразовательные стихи в Псалтири и особенно гимнографию праздников, по случаю которых и писались поздравления, — Рождества Христова и Пасхи.

Великий старец обосновывал необходимость своих толкований вполне традиционно: «Предложил вам я, грешный, объяснение сих песнопений, побуждаемый к сему псаломскими словами: *Пойте Богу нашему, ... пойте разумно* /Пс. 46. 7, 8/. **Объясняю простейшим, что петь разумно... означает, чтобы понимать то, что поем или слушаем в церкви**». Поведению тех, кто нарушает это требование, он противопоставляет грозные слова пророка: «Если же мы поем или слушаем рассеянно... то, как будет пение наше разумно? За такое бесстрашие явно обличает нас Господь через пророка Исаию: *Так как этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня; но напрасно чтут Меня*. /Гл. 29, ст. 13/».

Сослаться на непререкаемый авторитет Амвросия нам потребовалось для того, чтобы ни у кого не оставалось сомнений: проблема невразумительности современного (по самой сути традиционного) богослужения Русской Православной Церкви — это не надуманный вопрос, выдвигаемый к тому же людьми, которых хочется заподозрить в недобрых намерениях; эта проблема отчетливо сознавалась уже в прошлом веке, причем уже тогда прилагались усилия, чтобы помочь делу» [\[4\]](#).

Св. прав. Иоанн Кронштадтский высказывался за русский текст Библии для общего употребления, отмечая: «Сколько миллионов людей лишаются её богатства из-за того, что она на непонятном славянском языке.» [\[26\]](#). Вот мы видим, что св. Иоанн Кронштадтский называет славянский язык непонятным для народа и призывает к переводческим трудам.

«Есть вещи крайне нужные, — говорит свт. Феофан Затворник о русификации богослужебного языка. — Разумею новый, упрощенный и уясненный перевод церковных богослужебных книг. Наши церковные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская и всё нравоучение христианское, и все утешения, и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем, большая часть из этих песнопений совсем непонятна. А это лишает церковные книги плода, который они могли бы

производить, и не дает им послужить тем целям, для которых они назначены и имеются. Ныне, — завтра, надобно же к сему приступить, если не хотим нести укора за эту неисправность и быть причиною вреда, который от этого происходит» [6, стр. 462].

И вся служба переведена на великорусский язык, и служили по тем книгам, да снова под спуд уложили.

«В прошлом столетии были опробованы три пути, повышающие понимаемость богослужебных текстов. Первый, как мы видели, — это истолкование гимнографии (при сохранении в неприкосновенности, как богослужебного языка, так и др. текстов). Этот путь эффективен, но он предполагает, что перед тем, как отправиться в храм, верующий должен найти время для самоподготовки. Второй — поновление и рациональное исправление темного богослужебного текста (при сохранении хотя и русифицированного, но все же церковно-славянского языка). Этот путь хорош тем, что не допускается резкого разрыва с традицией, но все же нельзя не признать, что перед нами в значительной мере паллиатив (полумера). Наконец, в-третьих, — и сто и полтора лет назад широкое распространение получила практика переводов с греческого и славянского на ново-русский язык (см., например, Ловягин, 1861 г.; Цветков, 1883 г.).

От потребности в переводах с церковно-славянского никуда не деться. Соответственно перед лицом будущих переводческих трудов следовало бы изучить и оценить накопленный опыт, чтобы не открывать открытого и, самое главное, не повторять ошибок.» [4].

«Православная Церковь лишь тогда будет действительно верна своему Церковному Преданию, когда она станет там, где этого еще не сделано, переходить в богослужении от устаревшего языка к современному. **Как известно, с древнейших времен Православная Церковь приобщает верующих к истинам веры в первую очередь именно через богослужение.** Такое приобщение лишь тогда может быть успешным, когда верующие действительно понимают тексты. Именно поэтому, памятуя о Предании, румынская, арабская, финская, албанская, сербская, болгарская, японская и македонская православные церкви уже давно ввели в богослужение соответствующие национальные языки. Так же поступают и те православные, которые оказались в эмиграции. Более того: учитывая, что молодежь уже не всегда владеет языком родителей, они служат не только на традиционных языках церкви, но и по-английски, по-французски, по-немецки, по-итальянски и т. д.» [27].

И покуда православное богослужение было, есть и всегда должно оставаться живым, оно должно сохранять и живую преемственность в своем духе и смысле, в стиле и языке.

И различные пробы русификации и украинизации (адаптация на тот или иной язык, в той или иной степени) богослужебного языка — должны осуществляться. Это необходимо для того, чтобы в дальнейшем, через посредство различных комиссий, прийти к какому-то единообразию. И чтобы в духе терпения, любви и уважения друг к другу, в одной «церковной ограде», могли рядом существовать приходы, имеющие оттенки своей национальной культуры и совершающие богослужения на славянском, русифицированном, украинизированном и других языках. Это вопрос не вероисповедный — а обрядовый, а различия в тех или иных обрядах у нас существуют — в разных областях России по-разному, и все с этим примиряются. И всякий противящийся всему вышесказанному, пусть знает, что он заражен ересью филетизма (т. е. религиозного шовинизма(26)), которая была осуждена в 1872 г. Константинопольским патриархатом и др. восточными иерархами.

«Горе вам..., что затворяете Царство Небесное человекам. /Мф. 23. 13/. Это сказано архиереям, которые и сами не учат народ спасительному пути и священников не заставляют это делать; сказано священникам, которые оставляют народ в небрежении, не заботясь объяснить им, что нужно для спасения души. От этого народ пребывает в слепоте, одна часть остается в уверенности, что идет правильно; а другая хотя и замечает, что у неё не так идет дело, но не знает, как и куда идти. От этого разные нелепые

понятия в народе... от этого легко находит доступ к нему и всякое злое учение. Священник обычно думает, что у него в приходе все исправно, и хватается за дело только тогда, когда это зло разрастается и выходит наружу. Но тогда уже ничего не поделаешь. Священник первым делом своей совести должен считать совершенствование взрослых в познании христианской веры, а юное поколение готовить с первых сознательных лет, объясняя им то, что им нужно и можно знать, когда и как будет удобней.» [25].

Язык молитвословий и молитва.

Основная масса народа, не понимая, что такое молитва, придаёт большое значение исполнению внешнего правила, да ещё на славянском языке, довольствуясь механическим вычитыванием, хотя и не понимает того, что читает. Отсюда создаётся впечатление, что молитва – это есть вычитывание правил и, именно, на славянском языке, т. к. непонятность языка создаёт атмосферу магизма и «священного тумана», которые человек принимает за молитву и через это впадает в идолопоклонство. И место Бога для него заменяют славянский язык и магическая атмосфера «священного тумана».

Но вот послушаем великого Российского молитвенника свт. Феофана Затворника, дающего правильное понятие о том, что такое есть молитва:

«К большинству молящихся из нас, кажется, ничего вернее нельзя применить, как то, что некогда сказал Господь в обличение фарисеев: *"Приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но напрасно чтут Меня"* (Мф 15, 8–9)... В самом деле – что наша молитва? Одно наружное, большею частью без мысли и чувства вычитывание языком чужих молитвенных слов. А ведь молитва, собственно, есть наша благоговейная беседа с живым Богом; так сказать, непосредственное – лицом к лицу – общение нашего бессмертного духа со своим Творцом! Не забудьте, – многократно повторяет свт. Феофан в своих письмах вопрошающим, – что **сила молитвы – дух сокрушен, сердце сокрушено и смиренно. Не слова нужны Господу, а сердце. Из плодов словесному составу и говорению молитвы ничего не принадлежит. Все плоды могут быть получены через одно возношение ума и сердца к Богу.**

Главное в молитве – чувство к Богу из сердца. Слова молитвы при сем, какие подберутся.

Чувство к Богу и без слов есть молитва. Все молитвословия назначены для того, чтобы чувства питать, и коль скоро не питают, то они попусту... Только труд, а проку нет.

Чувства никакие читательные труды заменить не могут. Вопль из сердца, краткий и сильный, вот что важно! А это можно походя делать. А, следовательно, молиться непрестанно. Об этом и заботьтесь, и сюда все направляйте...

Ум устаёт говорить слова молитвы. Молитесь тогда без слов, так, повергаясь пред Господом мысленно, в сердце... и Ему себя предавая... Это и будет собственно молитва. Слово же есть только выражение её... и оно всегда слабее самой молитвы. **Можно все слова проговорить и все поклоны промахать, а о Боге совсем не вспомнить, или вспомнить кое–как, с рассеянной мыслью и блужданием ума. И, следовательно, не молясь, исполнить молитвенное правило.** (И народная мудрость гласит «Всяк крестится, да не всяк молится»). Со страхом и трепетом надо совершать дело Божие – это и имейте в виду. Всячески старайтесь, чтобы, где слова, там и ум был, или, как говорит святой Лествичник, заключить ум в слова молитвы. **Речь к Богу не языком произносится, а чувствами сердца. Если будет так – это и будет истинная молитва.**

Чтение молитв, стояние на молитве и поклоны составляют лишь молитвенное стояние, а молитва, собственно, идет из сердца. Когда этой нет – и никакой нет. Молитва без чувств есть то же, что выкидыш мертвый. Так говорится у святых отцов.

Совершайте свое молитвословие неспешно, всегда сопровождая слова мыслью, ими выраженной, и напряжением на то чувства сердца. Без этого молитва вкуса не имеет и не привлекает. Как, читая книги, вы следите мыслью за читаемым и с удовольствием усвоите встречаемое, как же скоро мыслью

отбегаете – чтение попусту. То же бывает и с молитвой... Если мысль убегает и чувство отступает назад – понуждайте себя...

Младенчество в молитве, как и вообще во всем строе душевном, есть самое лучшее настроение и берегите его... И просите Господа не допускать потерять вам это чувство. **Дети подходят к отцу или матери и, ничего не говоря, только увиваются около них оттого, что им сладко быть при них. Так себя имейте, чтобы в простом сердце всегда увиваться около Господа...**

Всячески надо избегать формальности и механизма в молитве...

Выполняя свое правило, не то имейте в мысли, чтобы только вычитать все положенное, а чтобы в душе возбудить и укрепить молитвенное движение, чтобы это получилось:

а) никогда спешно не читайте...

б) во всякое слово вникайте и не мысль только читаемого воспроизводите в сознании, но и чувство соответственное возбуждайте...

в) чтобы подсечь позыв на спешное чтение, положите – не то и то вычитывать, а простоять на читательном молитвословии четверть часа, полчаса, час... сколько обычно выстаиваете... и затем не заботьтесь, что сколько прочтаете молитв, – а как пришло время, если нет охоты стоять далее, переставайте читать...

г) положив это, однако ж, на часы не поглядывайте, а так становитесь, чтобы стоять без конца: мысль и не будет забегать вперед...

д) чтобы способствовать движению молитвенных чувств, в свободное время перечитывайте и передумывайте все молитвы, которые входят в ваше правило, – и перечувствуйте их, чтобы, когда на правиле станете их читать, знать наперед, какое чувство должно быть возбуждаемо в сердце...

е) никогда не читайте без перерыва молитвы, а всегда прерывайте их своеличною молитвою, с поклонами, в середине ли молитв придется это сделать, или в конце. Как только вспадёт что на сердце, тотчас останавливайтесь читать и кладите поклоны. Это последнее правило – самое нужное и самое необходимое для воспитания духа молитвенного... Если какое иное чувство займет очень, вы и будьте с ним и кладите поклоны, а чтение оставьте... так до самого конца положенного времени.

Правило – не существенная часть молитвы, а есть только внешняя её сторона. Главное же дело есть – молитва ума и сердца к Богу, возносимая со славословием, благодарением и прошением... и, наконец, с преданием Господу всецело. Когда есть такие движения в сердце, есть там и молитва, а когда нет, и молитвы нет, хотя бы вы целые дни простояли на правиле.

Относительно правила, я так думаю: какое не избери кто себе, всякое хорошо, коль скоро держит душу в благоговействе пред Богом... Богу сердце нужно, а коль скоро оно благоговейно стоит пред Ним, то и довольно... А при этом правило есть, – как образно выразился свт. Феофан, – только подтопка, или подкинутые дров в печь.

Молитвенники, – пишет он, – нужны, пока душа не начнет сама молиться, а когда сама уже молится, их можно оставить. Чтение по книжке много рассеивает... Попробуйте делать так: молитвы утренние и вечерние заучите на память, с пониманием их и чувством того, что в них говорится. Читайте их потом так, как бы они шли из сердца (а не со страниц печатного молитвенника – сост.). Из Псалтыря также выбирайте, какие псалмы ближе к сердцу, и заучите... Их тоже читайте на молитве, на память... Их читайте и так – идя куда и делая что... **Чем меньше будете иметь нужды в молитвенниках, тем лучше. Только когда своя молитва нейдет, тогда, чтобы расшевелить ее, надо начать печатными молитвами молиться. И когда расшевелится своя молитва, оставлять их. Так делали великие молитвенники...**

Читали, кто псалом один, кто одну «славу»... И затем, вошедши в дух молитвенный, оставляли псалмы... Все же, – повторяет святитель, – надо знать несколько молитв на память... также и псалмов. Необходимо же это потому, что на душу столбняк находит, и она делается ни к чему не гожа, тогда хоть чужою молитвою помолиться – все же хорошо, чем, совсем не молясь, лечь спать или провести утро... Но всегда, как молитва есть на сердце, можно молиться и без молитвенника своим обращением к Богу, с поклонами. Знаю одного, который особенным образом держал правило (всего вероятнее, святитель здесь понимает себя самого – сост.), именно оставил читать молитвы, что в молитвенниках, а избрал несколько кратких молитовок из псалмов, стихов и воззваний на ектеньях, какие более пригодны к его состоянию,

расположил их своим образом... и затем, становясь на молитву, повторял каждый стихок несколько раз, со вниманием и чувством. Когда всё проговорит Господу, – и правилу конец. Он уверяет, что, как стал это делать, внимание не разбегается во всё продолжение правила и чувство держится. Но, конечно, не механическое повторение сие производит, а сила мыслей, которые в стихах...» [25].

Итак, по учению св. отцов: **молитва есть возношение ума и сердца к Богу**, через борьбу со своими страстями; молитва есть возношение духа человеческого к Богу, разрывающего узы духа самости и гордыни, телесно-душевного сладострастия.

Преп. Мария Египетская, не вычитывала никаких молитвенных правил (т. к. она не имела в пустыне никаких книг), не молилась Богу на непонятном для неё языке, но достигла высоких ступеней духовного совершенства. Каким же образом? – Она всегда понуждала себя к верным и спасительным чувствам, правильному настрою духа, и непрестанно возгревала дух свой ко Господу, а особенно в бранях и борьбе со своими страстями и похотями, доводя себя до горячей молитвы. И все это она делала при посредстве простого разговорного языка, на котором она говорила. Подобно ей поступали многие другие святые мужи и жёны – пустынножители и подвижники.

Можно посредством слов молитвы, развивать в себе страстное состояние духа, и входить, все больше и больше, в общение с демонами. Только правильный, смиренный настрой духа и соединяет с Господом, по Благодати, а слова, при этом, как говорит свт. Феофан Затворник, какие подберутся для возгревания этого духа: **"Главное в молитве – чувство к Богу из сердца. Слова молитвы при сем, какие подберутся"**. Слова – это лишь внешнее средство, они только помогают удерживать и подогреть этот дух. Поэтому и нужно, чтобы человек понимал смысл слов, так как это необходимо для возгревания чувств, пред Господом.

Примеры из Отечника и Лавсаика: Один подвижник 40 лет подвизался, и всё это время повторял одну и ту же молитву: «Господи, я как человек согрешил, Ты как Бог щедрый помилуй меня». А другой, только стонал и вздыхал, в сокрушенном духе пред Господом.

Еще примеры, преп. Иоанна Лествичника: «Иные стояли на молитве, связавши себе руки позади, как преступники; печальные лица их были преклонены к земле; они считали себя недостойными взирать на небо; от недостойности помыслов и от угрызения совести не знали, что сказать и как проговорить, какие молитвы вознести к Богу, как и откуда, начать моление; но **только душу немолствующую и ум безгласный представляли Богу** и были исполнены мрака и как бы тонкого отчаяния.

Другие сидели на земле во вретище и пепле, лицо скрывали между коленами и челом (лбом) ударяли о землю.

Иные непрестанно били себя в грудь, возывая прежнее состояние души своей и невинность своей жизни. Иные из них омочали землю слезами; а другие, не имея слез, били сами себя. **Иные рыдали о душах своих, как о мертвецах, будучи не в силах переносить сердечной туги; другие же, рыдая в сердце, глас рыдания удерживали в устах, а иногда, когда уже не могли терпеть, внезапно вопияли.**

Видел я там, что некоторые от сильной печали находились как бы в исступлении; **от многого сетования были безгласны**, совершенно погружены во мрак, и как бы нечувствительны ко всему, касающемуся земной жизни, **умом сошли в бездну смирения, и огнем печали иссушили слезы в очах своих.**

Другие сидели в задумчивости, поникши к земле и непрестанно колебля головами, подобно львам, **рыкали и стонали из глубины сердца и утробы»** (Лествица, ст.5 «О покаянии», гл.7-11).

Здесь мы видим, в описании преп.Иоанна Лествичника, как подвижники творили молитву. То есть, **молитва для них была не какие-то молитвословия на непонятном языке, или даже слова каких-то кратких молитв, а чувства, в глубине духа, обращаемые к Богу. И они только и заботились о том, чтобы эти чувства постоянно в себе возгревать, обращая их к Господу.**

Псалтирь царя Давида – это его чувства к Богу, облеченные словами. Царь Давид словесно выразил свои чувства, и получились псалмы, из которых составилась Псалтирь Давида, и таким образом он передал свой душевный настрой будущим поколениям.

Святитель Феофан Затворник пишет:

«Молитва: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, – есть словесная молитва, и как всякая другая, сама в себе ничего особенного не имеет, а всю силу заимствует от того, с каким настроением ее произносят.

О плодах сей молитвы так говорят, что уже выше сего и ничего на свете нет. Незаконно. Талисман нашли! Из плодов словесному составу молитвы и говорению ее ничего не принадлежит. Все плоды могут быть получены и без этой молитвы, и даже без всякой словесной молитвы, через одно ума и сердца к Богу устремление» (Собрание писем, выпуск 1, п.12).

Как мы видим из рассуждений свт.Феофана, что неправильно думают те, которые считают, что само по себе Имя Иисусово уже освящает человека. Это механическое и магическое отношение к молитве, к Имени Божию. Тот же самый принцип, что и в магии – от внешнего слова зависит действие сверхъестественной силы. Но мы выяснили, как говорит об этом свт.Феофан, что **«все плоды могут быть получены ...даже без всякой словесной молитвы, через одно ума и сердца к Богу устремление».**

Точно такое же магическое отношение у многих к славянскому языку. **Ведь не язык славянский, во время чтения молитвословий, освящает человека, а благодать Божия. Которая подается не за то, что читают молитвословия на славянском, или каком-либо другом, языке, а за правильный настрой духа, который необходимо возгревать, при чтении молитвословий и в повседневной борьбе со своими страстями.**

А для того, чтобы возгревать верные чувства и настрой духа, для этого и необходимо понимать то, о чем идет речь в молитвословиях. – Для этого необходимо понимать то, с чем ты обращаешься к Богу, и чего ты от него хочешь. А особенно, в то время, когда тебя борет какая-либо страсть, т.е. в борьбе со страстями. Об этом и говорит свт.Феофан Затворник: **«Чтобы способствовать движению молитвенных чувств, в свободное время перечитывайте и передумывайте все молитвы, которые входят в ваше правило, – и перечувствуйте их, чтобы, когда на правиле станете их читать, знать наперед, какое чувство должно быть возбуждаемо в сердце», «во всякое слово вникайте и не мысль только читаемого воспроизводите в сознании, но и чувство соответственное возбуждайте».**

Как можно вникать в мысль, если человек не понимает языка? – При таком положении, ему остается только лишь самому, в своем уме, воспроизводить свои мысли и понятия, которые для него доступны и понятны, для того, чтобы возгревать верные чувства, правильный настрой духа. В таком случае, слова молитвословий для него являются только лишь внешним звуком, а внутри себя он занят тем, что помимо этого внешнего звука старается сам, – разумно осмысливать какие-либо свои мысли и понятия, воспроизводя их в своем уме, доводя их до чувства, обращаемого к Богу. По этой причине ап.Павел и говорил, что **"в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тысячу слов на незнакомом языке"** (1Кор.14:19).

Значит, словесная молитва нужна – для осмысленной передачи чувств, через посредство словесной формы. Поэтому, соответственно, для того, чтобы при помощи составленных словесных молитвословий возгревать чувства, – которые, по Святым Отцам, и именуется молитвой, так как **"речь к Богу не языком произносится, а чувствами сердца", – для этого необходимо, на уровне умовом, рассудочном, разумно и сознательно понимать: чего ты хочешь от Господа, и какие чувства тебе надо возгревать, в себе, для воспитания духа и вкуса молитвы. – "Совершайте свое молитвословие неспешно, всегда сопровождая слова мыслию, ими выраженною, и напряжением на то чувства сердца. Без этого молитва вкуса не имеет и не привлекает". "Все молитвословия назначены для того, чтобы чувства питать, и коль скоро не питают, то они попусту"** (свт. Феофан

Затворник).

И если люди не занимаются этим, в своем уме, во время молитвословий и не воспитывают правильный настрой духа, в борьбе со своими страстями, то тогда восприятие богослужения и языка становятся для них магическими заклинаниями и действиями, через посредство которых они думают приобщиться к Богу, соединиться с ним, или привлечь действие сверхестественной силы, т.е. Божией благодати. – А это есть ни что иное, как та же самая магия, – то, чем занимаются и язычники. Но только, для удобнейшего обмана и самообольщения, это все прикрито, чисто внешне, одеждой православия и православной терминологией.

Вся суть молитвенных правил, богослужебных чтений и пений, сводится к тому, чтобы ты понимал, – с чем ты обращаешься ко Господу и возгревал соответственные тому чувства.

Поэтому, молитвенные правила и богослужебный язык должны помогать нашему внутреннему деланию, а не мешать. И для лучшего осмысления и понимания молитвенных правил и богослужения, чтобы доводить себя до чувства и возгревать дух на борьбу со своими страстями и похотями, для более успешного внутреннего делания, необходимо для современного человека, чтобы язык молитвословий был удобопонятен. – Это должно являться средством для успешнейшей борьбы со своими страстями, за чистоту чувств и удовлетворение совести.

Господь внимает уму и сердцу человека, а не словам, которые он произносит. Это значит, что человек должен понимать и осмысливать умом, с чем он обращается ко Господу, и понимаемое доводить до сердечного чувства и вводить в свою жизнь, а иначе молитва его обращается в пустой звук, в набор слов и выражений.

Если, по слову апостола, *"в воинских полках труба будет издавать неопределённый звук, кто станет готовиться к сражению?"* (1Кор. 14, 8). «...Не чтение слова Божия, а внутренняя сила и дух оно, понимаемые нами, служат нам ко спасению» [5], – говорил старец Феодор Санаксарский.

И ап. Павел говорит: *"Ибо, когда я молюсь на незнакомом языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода. Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом. Ибо если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолюдина как скажет: «аминь» при твоём благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь. Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается. Благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками; но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке"* (1Кор.14:14-19).

То есть, «одни говорили молитвы, ...а другие внимали молитве той и согласие свое с нею выражали словом: *"Аминь"*, – да будет так. "...Знаю, что вдохновенный Божиею благодатью, песнословишь ты Бога; но не знающий языка не понимает произносимого" (блж. Феодорит). Польза ограничивается одним тобою. Ты её можешь получить и, моляся молча, сам в себе» (свт. Феофан Затв. Толк, на 1Кор. 14, 16–17). Таким образом, стоящий на месте простолюдина, — как говорит ап. Павел, — и не понимающий смысла молитв на незнакомом для него языке не может выразить своего согласия словом *"Аминь"*».

И если человек удовлетворяется лишь произнесением молитвословий, то он начинает относиться к молитвам, как к магическим заклинаниям и заговорам, и смысл православия начинает видеть в наборе молитв и обрядов, которые воспринимаются в понятиях такого человека за магические действия и заклинания. Человек ставит Божество, как бы в зависимость от прочтения молитв, действий, обрядов.

То есть, прочитал ты молитву на славянском языке (хоть ты её и не понимаешь), и вот ты, как бы, уже и помолился; совершил обряд, и Бог, как бы обязан подать тебе свою Божественную благодать или материальную помощь. Это, в сущности, есть ересь и язычество. **Смысл же нашей веры, на уровне умовом, рассудочном, состоит в усвоении человеком правильных понятий о Боге, и обо всем том, что касается лично до спасения человека, на понятном для него языке, при помощи которого выражались бы эти понятия. – Это необходимо для того, чтобы человек мог заниматься внутренним деланием, т.е.**

бороться за чистоту своих чувств и удовлетворение совести, очищая чувство веры от примеси самости, первородного греха; и в правильно-проходимой борьбе со своими страстями, – через опытное познание своей немощи, – приходил к истинному покаянию и стяжал спасительную Божественную благодать.

Язык же, при помощи которого выражаются эти правильные и спасительные понятия, может быть любой, лишь бы он был понятен и ясен для конкретного человека или народа.

Только так может распространяться проповедь Евангелия, то есть, слово Самого Христа. В противном же случае, по слову Христову, мы и сами не войдем, из-за превратных понятий, в Царствие Небесное и другим будем препятствовать, содействуя распространению магии и всякого рода суеверий. *"Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете"* (Матф.23:13).

Заключение

Мы выяснили с вами сам принцип, что Евангельская проповедь через посредство Св. Писания и богослужение должна быть донесена до народа на понятном для него языке. Это было ясно выражено в Божественном волеизъявлении в день Св. Пятидесятницы, когда Дух Святой сошел на апостолов, и они начали проповедовать на разных языках и даже на разных наречиях. Этот принцип вошел в историю Церкви с проповедью св. апостолов и впоследствии стал Церковным преданием. Мы рассмотрели это из жизнеописания святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, при помощи высказываний, рассуждений и трудов св. отцов и учителей Церкви, праведников своего времени, собранных и приведенных в этом сборнике. Так неужели же мы будем противиться воле Божественной, которая явила этот принцип в день Св. Пятидесятницы?

Когда св. равноап. Мефодию запретили служить на понятном для народа языке, то он отказался служить и по поводу этого сказал: **«Что же будет теперь? Будут люди приходить в церковь и стоять, ничего не понимая? И позабудут учение Христово, и воскреснут в Моравии языческие обычаи»** [24, см. за 11 мая].

Не будем же препятствовать проповеди Христа, и помогать распространяться языческим суевериям и безбожным ересям. Да не будет этого. Аминь.

Приложения

Приложение 1

Приложение 2:

Про Макария /Глухарева/, апостола Алтая.

«Скажем про архим. Макария /Глухарева/, насколько касается жизни его в Глинской пустыни; и о. Филарета, как духовного руководителя этого замечательного ученого мужа.

Не удивительно учиться не опытному у опытного, не ученому — у ученого, но удивительно, когда опытный и ученый человек идет под начало учиться у неученого и младшего себя саном. Это случилось с отцом Макарием. Он — блистательно окончивший духовную академию, хорошо изучивши языки: греческий, латинский, еврейский, немецкий и французский, магистр богословия, бывший ректор Костромской Духовной Семинарии и настоятель Богоявленского монастыря, проф. богословских наук — в сане архимандрита переходит в бедную глухую Глинскую пустынь, под духовное руководство не ученого, но опытного о. Филарета. Какая великая редкость не только в настоящее, но и в то религиозное время! Не имей о. Макарий ранее наставников на путь спасения, такой подвиг его не так выходил бы из ряда обыкновенных. Ученый архимандрит, если бы и прежде не имел духовного руководства, сам мог руководить себя по учению святых отцев, однако, он пожелал руководства «благочестивого наставника и опытного в духовной аскетической жизни старца Филарета».

Кроме подвигов монашеских о. Макарий и в Глинской пустыни, преимущественно по праздникам, общепонятно и убедительно говорил в храме поучения, а в кельи переводил Библию с еврейского языка на русский.

Чтение Священных и святоотеческих Писаний само собою вызывало дух Макария на теплую молитву и призывание имени Спасителя.

5-го июня 1829 г., напутствуемый старцем Филаретом, о. Макарий выехал из Глинской пустыни, в которой у него окончательно выработался аскетически-созерцательный характер, сказавшийся во всех произведениях и во всей жизни его. Особенно ясно отобразился в нем богобоязненный, смиренномудрый, нестяжательный и деятельно-духовный «незабвенный авва» Филарет.

По примеру Глинского общежития подвижник-миссионер устроил общежитие для братства вновь учрежденной Алтайской миссии; а духовное влияние этой «школы Христовой» он перенес на инородцев Сибири, которых не только обратил ко Христу около 700 человек, но и научил истинному благочестию; посему по всей справедливости может назваться апостолом Алтая. Он с полным самопожертвованием провел 14 лет (1830–1844 гг.) в великих трудах апостольского служения, как светильник сиял словами истины, примером строгого благочестия, чистоты, многообразными делами милосердия, мудростью духовной, истинной любовью к ближним и к погибающим, даром прозрения и прочими добродетелями. Всем этим он положил твердое основание вере Христовой среди алтайцев.» [28].

После смерти Макария митрополит Московский Филарет написал: "**Макарий был истинный слуга Христа Бога**". Большие знания сочетались в нем с чистотой души, простотой, искренностью и самоотверженностью. Он во многом опередил свой век, и некоторые его идеи не могли быть в полной мере поняты и приняты. Но они все же оказались реализованы: позже, когда Синод 20 марта 1858 г. "определил" издать русскую Библию, переводы Макария послужили одним из главнейших пособий к этому.

[Приложение 3](#)

Из жития новосвщмученика Андрея архиепископа Уфимского.

«Архиепископ Андрей — один из очень известных катакомбных иерархов, ученик архиеп. Антония /Храповицкого/. Принадлежа к дореволюционному епископату, владыка Андрей в 1917 г. был кандидатом на Петроградскую кафедру. Но большинство оказалось на стороне второго кандидата — митр. Вениамина... По поручению патриарха Тихона владыка Андрей рукоположил в сан архимандрита Питирима /Ладыгина/. Через его же руки прошло и рукоположение, совершённое в строжайшей тайне двумя ссыльными епископами и отца Валентина Войко-Ясенецкого, профессора и доктора медицины, в сан епископа под именем Луки, нарочито выбранным вл. архиеп. Андреем.

Архиепископ Андрей был расстрелян в Ярославском изоляторе. Об этом расстреле ходит живое предание в связи с чудесным знамением, бывшем при этом. Перед расстрелом архиепископ попросил разрешения помолиться. Палачи дали несколько минут осужденному. Владыка стал на колени, и как бы облако покрыло его, и он исчез из вида. Исполнители казни так растерялись, что совершенно не знали, что и делать. Убежать он не имел возможности, и в то же время его не было... И только, примерно через час, святитель оказался стоящим на коленях в пламенной молитве на прежнем месте, как бы покрытый светлым облаком, которое быстро рассеялось. Убийцы были рады, что жертва перед ними, что им не придётся отвечать за исчезновение, и они поторопились привести в исполнение приговор...» [31].

[Приложение 4](#)

Из жизнеописания новосвящмуч.Василия, епископа Прилуцкого.

«Владыка Василий был уроженцем Рязанской губернии, сын священника, окончил духовную академию, был преподавателем русского языка в духовном училище, прибыл в Полтаву при епископе Феофане /Быстрове/, с которым был в большой дружбе. Состоял здесь епархиальным миссионером в светском звании. Когда он приехал в Полтаву, ему было уже лет 47–48. Он был не женат и здесь, в 1919 году, в безумные дни большевицкого разгула и открывшегося гонения на церковь, принял священство

(целибатом) от владыки Феофана. Сначала он был вторым священником, а затем настоятелем приходской Св. Троицкой церкви. Его проникновенные, замечательные проповеди при каждом богослужении, его духовные беседы, бывшие каждое воскресенье и в праздники вечером, а также его молитва привлекали не только людей прихода, но и со всей Полтавы — иноверцев, сектантов, а также и приезжих, так как слава о нем, как о проповеднике разнеслась далеко за пределы Полтавы. Все тянулись к нему.

Особенно нужно подчеркнуть здесь и его молитву. Когда молился владыка во время богослужения, — он отдавался всей молитве, никого и ничего не замечая, и так научил паству, что люди молились, не замечая времени, не замечая других. Это была действительно одна общая церковная молитва всех, и все в ней были едино. Когда кончалось богослужение, все просыпались как бы от блаженного сна и желали еще и еще его продолжения. Весь народ изучил так церковные песнопения и чтения всех богослужений, что знал почти все наизусть, так же, как и акафисты Спасителю, Божией Матери и Св. Николаю. Каждое воскресенье вечером, когда бывали духовные беседы, и в малые церковные праздники, когда не было хора, пел весь народ под управлением диакона. Пели все и дети, и молодежь. Любовь к ближнему у о. Василия была на первом плане его жизни. Он не уставал пешком обходить далекие окраины города для помощи бедным, без различия национальности и религии. Знали многих бедных баптистов, католиков, евреев и др., которым он помогал. Он отдавал всё, что имел от горячо любившей его паствы, которая последнее отдавала ему — а он ближним. Кроме постоянной помощи бедным, владыка еще воспитывал, имея на своем иждивении, четырех осиротевших детей священника.

Он так нежно и кротко по-христиански умел подойти к страдающему человеку, так по матерински обласкать унывающую и страждущую душу, что невольно покорял заблудших, которые говорили: «вот это действительно христианин». Под руководством других священников организовалось, в противовес комсомольцам, Покровское Христианское Общество Молодежи, при Св. Троицкой церкви.

Против разграбления церкви выступил о. Василий. Его арестовали и до начала процесса держали в тюрьме предварительного заключения. И в тюрьме он проповедовал, и всё, что ему передавали через своих людей, он отдавал другим заключенным. Сначала о. Василий был в общей камере, а затем — в одиночной, в которую сажали особо важных, по их данным, преступников. Дети узнали его одиночную камеру и, бывая на площади недалеко от тюрьмы, делали вид, что играют, и через узенькую решётку получали благословение батюшки и его ласковый отеческий взгляд. Процесс по поводу сокрытия церковных ценностей или, как говорили тогда в Полтаве, «расправа», происходил летом 1922 года.

Незабываем последний день суда, последнее слово подсудимого и вынесение приговора. Все с той же кроткой грустной улыбкой и с выражением все той же жалости на лице, выступил о. Василий с последним словом. Сказал он свое слово очень коротко и далеко не использовал того времени, что полагалось ему по регламенту. Он осенил себя крестом и сказал приблизительно так: «Много за эти дни говорили против меня, со многим я не согласен, и многие обвинения я мог бы опровергнуть. Я приготовил большую речь по пунктам — вот она, — и показал рукой на тетрадь, — но я сейчас передумал и скажу немного. Я уже заявлял вам и еще раз заявляю, что я лояльный к советской власти, как к таковой, ибо она, как и все, послана нам свыше... Но, где дело касается Веры Христовой, касается храмов Божиих и человеческих душ, там я боролся, борюсь и буду бороться до последнего моего вздоха с представителями этой власти; позорно, грешно было бы мне, воину Христову, носящему этот святой крест на груди, защищать лично себя в то время, как враги ополчились и объявили войну Самому Христу. Я понимаю, что вы делаете мне идейный вызов, и я его принимаю...». В толпе снова шепот, все громче и громче становится гудение, и слышны возгласы: «поп агитацией занимается... поп зазнаётся, чего с ним возиться — пулю ему»... В то же время раздаются выкрики с проклятиями по адресу суда, многие плачут навзрыд, с некоторыми истерика. Что-то возражает председатель, но о. Василий перебивает его и говорит: «дайте мне закончить, это мое право» и продолжает громко: «так я принимаю ваш вызов, и какое бы наказание вы ни вынесли мне, я должен его перенести твердо без страха, даже смерть готов принять, ибо нет награды выше, как награда на

небесах», — и еще что то добавил, но уже не было слышно: шум в зале увеличивался. А после речи, поклонившись залу, о. Василий сел на свое место. Суд ушел на совещание. О. Василий углубился в свою книгу, горели свечи, за спиной с винтовками стояли часовые... Но, наконец, судьи вышли, и началось чтение приговора. Чтение приговора продолжалось довольно долго; наконец, были такие слова: «на основании статей... (таких-то и таких-то) суд постановил: священника Зеленцова Василия Ивановича, 51 года, приговорить...». Дальше ничего нельзя было расслышать, ибо в зале поднялось что-то невероятное: шум, крики — «убийцы проклятые», «будьте вы прокляты» и т. д. «Батюшка, дорогой, спаси вас Христос», «отец Василий, благословите нас»... Громкие рыдания, истерики; многие бросились к эстраде, протягивая руки как на благословение. Кого-то схватили, кого-то арестовали... Отец Василий при последнем слове приговора — «к расстрелу» — широко перекрестился и с той же спокойной улыбкой обернулся к толпе, благословляя маленькими крестами в воздухе и утешая: «Господь с вами, успокойтесь, всё в Божией воле, смотрите, ведь я спокоен, идите с миром по домам»... Его окружили и куда-то увели. Появилось много чекистов и милиция, а на улице в это время конная милиция разогнала громадную толпу. Вывели о. Василия под сильным конвоем и повели по улице, часть людей устремилась за ним. Тюрма была недалеко, и через несколько минут железные двери тюрьмы закончили эту тяжелую картину.

Сидел о. Василий в смертной камере. Одному из бывших заключенных в Полтавской тюрьме рассказывали об отношении к смертному приговору отца Василия. Он готовился к смерти с радостью, с каким то необычайным, — на удивление окружающим и даже администрации — восторгом, и как был огорчен, когда приговор был отменён... Заменили расстрел 10 годами заключения. О. Василия перевели в общую камеру. Почитатели не оставляли о. Василия ни на одну минуту. Каждый день получал он в тюрьму обильные передачи, цветы и книги...

Среди заключённых, особенно среди уголовников, он пользовался любовью и уважением. Называли они его — «наш о. Василий», или «наш батюшка», «наш отец», не позволяли ему выполнять наряды — чистить помещение, выносить «парашу», не сквернословили при нем и т. д., защищали от грубости тюремщиков и всяких негодяев. Это не нравилось властям, и они перевели его в Харьковскую тюрьму на Холодную гору, где и отбывал он срок своего заключения, который по какой-то амнистии был сокращён более чем на половину.

В те годы вошло в обычай у большевиков устраивать антирелигиозные диспуты... Был такой диспут и в Харькове. В качестве оппонента доставили из тюрьмы о. Василия. Рассказывали потом, что о. Василий произнес такую речь, о которой потом говорил весь Харьков, и отголоски которой доходили и до Полтавы. В 1925 году, по воле Божией, по горячим молитвам всей паствы, о. Василий вернулся из заключения к пастве (много и денежных и других ценных подачек от полтавцев перепало при хлопотах в «ЧК» за это время), чтобы еще раз блеснуть, как яркий светоч веры праведности и исповедания правды Божией на фоне грустной Полтавской жизни...

Деятельность о. Василия этого периода его жизни состояла главным образом в борьбе с самосвятщиной обоих толков... Благодаря энергичной деятельности, главным образом о. Василия, раньше и решительнее, чем где-либо, в Полтаве начался распад самосвятства. Лица, сохранившие искру веры и ушедшие в самосвятство по недоразумению, возвращались в лоно православия, пребывание в самосвятстве безбожников утратило смысл...

Вскоре после освобождения в 1925 году, по общему желанию духовенства, во главе с правящим архиепископом Григорием, и мирян, он был хиротонисан во епископы. Хиротонию совершали в Троицкой церкви архиеп. Григорий и случайно задержанный где-то в дороге и нелегально прибывший для сего в Полтаву епископ Дамаскин: высокий, представительный, со светлой бородой, ласковым лицом и чудным голосом-тенором...

Потрясающую речь сказал вновь нареченный еп. Василий. Это была даже не речь, как мы привыкли слышать с амвона, а торжественная клятва на верность служения истинной Церкви Христовой и обещание бороться «до последнего издыхания» со всеми богоотступниками, богохульниками, живоцерковниками (обновленцами) и еретиками — самосвятами и булдовцами. Еп. Василий остался в своей Троицкой церкви, где и совершал постоянно богослужения, но охотно служил и в других церквях по приглашению духовенства. С первых же дней начались его громовые речи по адресу властей, буквально каждое богослужение неизменно. Такие слова, как «богоотступники, насильники, хулителю Веры Христовой, убийцы, сатанинская власть, кровопийцы, гасители свободы и правды, исчадия ада» и т. д. не сходили с его уст и постоянный призыв — «никаких поблажек им, никаких компромиссов с ними, бороться и бороться с врагами Христа, не бояться пыток и смерти, ибо страдания за Него — высшее счастье, высшая радость» и т. п. Попасть в церковь, где служил еп. Василий было очень трудно: не только храм, но и вся церковная ограда были забиты молящимися, пришедшими помолиться и послушать «Отца Василия» — так называли его все. Группа молодежи тесным кольцом окружала владыку, и провожала от церкви домой, как бы охраняя его. Со всеми он был ласков и приветлив, всех знал по именам. Бывало, после богослужений остаются в церкви и говорят ему — «Владыка, ну, зачем всё это вы говорите? В церкви постоянно шпионы, следят за вами, слушают и доносят, мы их знаем, и мы боимся за вас». А он отвечает с улыбкой: «да, что же особенного такого я сказал, я право не знаю, они не такого заслуживают. Ну, хорошо, больше не буду, успокойтесь, идите с миром, по домам». А на следующем богослужении говорил еще резче, еще бесстрашнее. Как уже говорилось, он не был блестящим оратором, не отличался даже красноречием, и в то же время тысячи хотели его слушать. Бесстрашие, искренность, сила убеждения, эта постоянная и твердая готовность умереть за Христа и призыв на эту жертву — пленяли и покоряли слушателей.

Ровно год продолжалось его архипастырское служение в Полтаве, ровно год трепетали верующие за его жизнь. Наконец, совершилось... В 1926 году, накануне праздника Успения Божией Матери, его снова арестовали в Харькове, куда его вызвали нарочно, так как не хотели сделать это в Полтаве, боясь народного волнения и возмущения. Арестовали и сослали в Соловки. Он писал оттуда письма своим единомышленникам.

После заключения на Соловках его отправили куда-то, далеко на север (на Медвежью гору, на Мурманск или на Колыму?), но не на долго. Так прошло 4 года (до 1930 года).

В 1927 году, когда вышла декларация митрополита Сергия, **к владыке, как и к другим ссыльным епископам, обращались, чтобы он принял декларацию, но владыка Василий был тверд и не принял**, а наоборот из ссылки писал в противовес этому свое наставление российской пастве, которое тайно передавалось из рук в руки в копиях, а подлинник сохранялся у верных людей в Москве...

Было и личное письмо владыки Василия к митр. Сергию, в котором подчеркивался факт совершенно недопустимого соглашательства с безбожной сов. властью и вообще личного содружества его (м. Сергия) с отступниками. В результате всего этого вл. Василий был доставлен в Москву на Лубянку.

Прихожане Троицкой церкви (в 1927г. Св. Троицкая церковь была закрыта) все время собирали между собой деньги, на которые отправляли «лазутчиков», чтобы что-нибудь узнать об узнике, чем-нибудь помочь ему, но ничего не удавалось.

Наконец, кому-то, от кого-то удалось узнать, что страдалец за веру еп. Василий после зверских истязаний был расстрелян, в каком-то подвале, в Страстной Четверг — приблизительно в 1930–31 году. По другой версии, после допроса на Лубянке, владыка Василий был живым брошен в тюремную клоаку(28). Так пострадал за свидетельство правды Божией преосвященный еп. Прилукский Василий, который через годы непрерывных преследований, помощью благодати Божией, данной его благочестию, ни в чём не уступил и

не склонился пред гонителем Церкви Божией и остался верен евангельской истине и своему клятвенному обещанию даже до смерти.» [22].

Приложение 5

201/

Протокол допроса обвиняемого

1929 года Александр Львович Уман. обл. Уманского уезда
ПРОКОРОНИН Петров урманостарый ст. ст. УПК

Допрошен сего числа и количеству обвиняемого по делу № _____ который допрашивал:

- 1) Фамилия, имя и отчество Велинец Василий Иванович
- 2) Число, месяц и год рождения 1876. Романовый уезд
- 3) Специальное образование Высшее реальное училище
- 4) Место происхождения _____
- 5) Настоящее местожительство Сибирский
- 6) Образование | обще Среднее церковно-ученическое
| специальное Нет
- 7) Партийность Мартиновский
- 8) Старшее образование Харьков
- 9) Окончил профтехшкола Богослов
- 10) Индустриальное образование Нет
- 11) Возраст и место работы:
 - а) до Октябрьской революции 1917 года Педогог в церковной школе наследие отца священника
 - б) после Октябрьской революции до 1926 г. Вывешивание-миссия
с 1926 по 1928 Сибирь в Тюмени с 1928 в Тюмени
префект канцелярии уст.
- 12) Прочая деятельность, в том числе и административная (за что, когда, какому Народному и государственному органу) В 1928 г. За К.р. Действительный Советник
ред. трудам был приговорен к высшей мере наказания
дальней. Замещенный Губернатором Зарубинским в 1928 г. введ.
В 1928 по ст. 58 он был выслан в ссылку или ссылаясь в Братск
заключенного сего в пред. органы обвинения _____

(Исказил по существу дела)

В Сибирский край в был выслан по обвинению
наказанного в порядке расстрелян его и был
направлен на фронт. Предоставили ссылки в проф.
ский район Туркестанского округа Нижне-Волжского
района и проживал в городе Ижевске в 1928 году
в Братском районе в Тюмени в 1928 году
в Иркутске в Иркутске

11) Время и место работы:

а) до Октябрьской революции 1917 года *Педагог духовной службы. Последние годы миссионер.*

б) после Октябрьской революции До 1925 г. *свящ.—миссионер. С 1922 по 1925 г. сидел в тюрьме с 1925 г. еп. Прилуцкий Покровской губ.*

12) Прeжня судимость, а также и адмвзыскание (за что, когда, каким Нарсудом и мера наказания) В 1922 г. за к-р. <контрреволюционная> деятельность Полтавским ревтрибом был приговорен к высшей мере, социальной защиты замененной 5 годами заключения, в 1925 г. освоб. В 1926 г. по ст. 73 УК был выслан в Соловки а из Соловков в Братск

виновным себя в пред'явленном обвинении признаю.

(Показание по существу дела)

В Сибирский Край я был выслан из Соловецкого концлагеря в порядке разгрузки его и был направлен для продолжения ссылки в Братский район Тулуновского округа ныне Иркутского, куда я прибыл в январе м—це 1928 года. В Братском районе я проживал в деревнях, квартировал у крестьян.

Первое время ни чем не занимался — отдыхал, а потом занялся исключительно богословскими работами. Затем с разрешения уполномоченного ГПУ приобрел охотничье оружие и изрядно охотился на дичь и на зверя.

Основным источником средств к существованию: я пользовался исключительно помощью б/моих прихожан Полтавской губернии и др. Изредка получал помощь от Полтавского епархиального Управления.

За время пребывания в ссылке в Братском районе я начал ряд богословских работ на тему: перевод литургии на русский язык с богословскими примечаниями, Библейские пояснения к книге Апокалипсис, и ряд заметок по разным Библейским вопросам, Каноническое положение не православных христиан и наконец обращение к митрополиту Сергию в котором указываю, что он не сохранил чистоту православных принципов и идей, в своей декларации от 16/29/VII 1927 г. С декларацией Сергия я не согласен по ряду моментов содержания её, в частности не согласен и с тем, что советская власть есть от Бога, тогда как она уничтожает всё, что есть божьего на земле.

Находясь в ссылке я прилагал все старания не отрываться от жизни православной церкви и в результате стараний мне изредка удавалось пользоваться кое-какими материалами освещающими жизнь русской церкви.

Отобранные у меня при обыске печатные и рукописные материалы мне были привезены в Братск одним гражданином. Фамилию его назвать категорически отказываюсь.

Переписывался я исключительно с теми, кто оказывал мне материальную помощь. Из ссыльных в других районах и городах я связи ни с кем не поддерживал и вообще старался сокращать всякого рода письменную связь имея в виду, что на людей помогающих нам и связанных с нами с презрением смотрят.

В самом Братском районе идейно связан ни с кем не был, жил один, с ссыльными жившими со мной в одной деревне встречался. В Братском районе я проживал сначала в деревне Арзёб квартировал у крестьянина Сухих Дмитрия Гавриловича. Будучи в...

Список сокращений:

ап. — апостол;

архиеп. — архиепископ;

архим. — архимандрит;

блж. — блаженный;

в. — век;

ВЦУ — Высшее Церковное Управление;

высокопреосвящ. — высокопреосвященный;

г. — год;

Ев. — Евангелие;

еп. — епископ;

иг. — игумен;

Ин. — Иоанн;

Лк. — Лука

митр. — митрополит;

Мк. — Марк;

МП — Московская патриархия;

Мф. — Матфей;

о. — отец;

преосвящ. — преосвященный;

прим. — примечание;

прот. — протоиерей;

проф. — профессор;

Пс. — Псалом, Псалтирь;

РПЦ — Русская Православная Церковь;

с. г. — сего года;

св. — святой;

Св. книги — Священные книги;

Св. Писание — Священное Писание;

Св. Синод — Святейший Синод;

свт. — святитель;

свщмч. — священномученик;

свящ. — священник;

сост. — составитель;

соч. — сочинения;

ст. — статья;

т. д. — так далее;

т. п. — тому подобное;

толк. — толкования.

Библиография

- [1] Архиеп. Михаил. «К вопросу о Богослужбном языке русской православной церкви». Из журнала «Путь православия». М. 1993 г. №1;
- [2] Газета «Миссионерское обозрение» №2. 1995 г.;
- [3] Газета «Миссионерское обозрение» №2. 1999 г.;
- [4] Е. Верещагин. «Переводы с церковно-славянского на немецкий: анализ опыта в свете перспектив переводов на русский». Информационный бюллетень МАИРСК. Выпуск 28–29;
- [5] Е. Поселянин. «Русская церковь и русские подвижники 18–го века». С–Пб., 1905 г., стр. 266;
- [6] Журнал «Душеполезное чтение». 1896г., № 10
- [7] «Журналы епископского совещания». <1918 г.>. (Из книги «Богослужбный язык русской Церкви...»). Изд. Сретенский монастырь. 1999 г.);
- [8] И. А. Чистович (проф. С–Пб. Духовной Академии (1828–1893 гг.). «История перевода Библии на русский язык». С.–Пб. 1873 г. (переиздана в 1899 г.);
- [9] И. Е. Евсеев (1868–1921 гг.. Проф. С.–Пб. Духовной Академии, председателя Русской Библейской Комиссии). Статья «Собор и Библия». Впервые напечатанна в 1917 г. в Петрограде в Синодальной типографии;
- [10] И. Лапкин. «Отдельный оттиск». Барнаул;

- [11] Иг. Иннокентий (Павлов). «Чтобы всем учиться и ободряться». Инф. бюл. МАИРСК. Выпуск 28–29.
- [12] «Материалы предсоборного совета о Богослужебном языке». <1917 г.>. ГАРФ, ф. 3431, № 581, л. 87–91. (Из книги: «Богослужебный язык русской Церкви...». Изд. Сретенский монастырь. 1999 г.);
- [13] Митр. Антоний. «О богослужении и стиле христианской жизни». ЖМП. 1968г. №6.
- [14] «Мудрые советы ищущим спасения, по письмам преосвящ. Феофана из Вышенского затвора». 2–ое изд.; испр. и доп. /сост. протоиерей А. Бобров/, Сергиев Посад 1913 г., переизданной изд. Правило веры. М., 1998 г., стр. 516;
- [15] Н. Тальберг. «История русской Церкви». Jordanville. 1959 г.;
- [16] Н. Тальберг. «История христианской Церкви». Издательство СП «Интербук», при участии «ASTRA Consalting International inc. USA;
- [17] «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе». Т. 1–4, С–Пб., 1906 г.;
- [18] П. Смирновский. «Грамматика древнего церковно–славянского языка, изложенная сравнительно с русскою». М. 1911г. Издание 14–ое, «Введение»;
- [19] «Письма катакомбного епископа». Рукопись, письмо 4–ое;
- [20] «Прибавления к «Церковным ведомостям»». 1906 г.;
- [21] «Протоколы заседаний подотдела о Богослужебном языке». 1917 г. (Из книги «Богослужебный язык русской Церкви...». Изд. Сретенский монастырь. 1999 г.);
- [22] Протопр. М. Польский. «Новые мученики Российские». Jordanville. 1957 г., часть 2–ая, стр. 42;
- [23] С. Аверинцев. «О языке и литургии». Предисловие к сборнику «Православное богослужение...». М. 1994 г..
- [24] Свт. Димитрий Ростовский. «Жития святых»;
- [25] Свт. Феофан Затворник. «Собрание писем». Выпуск VII, письмо 1153. Вып. II, письмо 303 и 290. Выпуск VII, письмо 1166.
«Мысли на каждый день года. По церковным чтениям из слова Божия». Изд. Правило веры. 1998 г.;
- «Мудрые советы ищущим спасения. По письмам преосвящ. Феофана из Вышенского затвора». 2-ое изд., испр. и доп. (сост. протоиерей А. Бобров), Сергиев Посад, 1913 г..
- [26] Святой праведный Иоанн Кронштадский. «Моя жизнь во Христе...» т. 2–ой, С–Пб., 1893 г., с. 338–339;
- [27] Свящ. Э. Хр. Зуттнер. «К дискуссии о церковно-славянском языке». Инф. бюл. МАИРСК. Выпуск 28–29;
- [28] «Старцы Глинской пустыни». Гл. «Ученики Глинского аввы Филарета», Киев, 1906 г., стр. 46–47, 51, 53;
- [29] «Филарета митрополита Московского и Коломенского. Творения». <Свт. Филарет /Дроздов/>. Изд. «Отчий дом», 1994 г., гл. «Богослужение»;

[30] «Церковный вестник». 1906 г;

[31] «Церковь катакомбная на земле Российской». Самиздат;

[32] Ю. Табак. «Альтернативы нет». Инф. бюл. МАИРСК. Вып. 28–29.

Условные обозначения в тексте:

Жирный курсив — Библейские и богослужебные тексты;

Жирный — выделение составителей;

«Текст в жирных кавычках» — текст привнесенных авторов;

[Цифры в квадратных скобках] — ссылки на номер в разделе «Библиография»;

<Текст в треугольных скобках> — комментарии, уточнения, выводы составителей в тексте привнесенных авторов.

Примечания

(1) Оставляются понятные церковно–славянские слова, предложения и обороты речи, а непонятные заменяются на русские. Это может совершаться в той или иной мере, в зависимости от степени понимания церковно–славянского языка большинством народа, приходящего в церковь.

(2) "К середине IV -го в. в Западной Римской империи начал доминировать латинский язык, который стал официальным языком католической церкви, а также литургическим языком латинского обряда. Вместе с тем, искусственное поддержание особого статуса латинского языка, в качестве литургического и языка западной учености, привело к крайне негативным последствиям — прежде всего к его клерикализации. Умение говорить и писать на латыни, было почти исключительным правом (и, соответственно, привилегией) духовного лица. Знание латинского языка стало символом цивилизованности и предметом особой гордости. Все это, в итоге отразилось в кастовости клира, отделенности его от мирян, в такой степени, какой никогда не знал Восток, В глазах высокомерного клирика миряне были неотесанными мужланами, головорезами: например, в X -ом в. священнослужителей, способных читать блж. Августина, крайне раздражал тот факт, что их делами заправляет неграмотный император Конрад II — причем под «неграмотностью» понималось, конечно, незнание латинского языка. В практическом же смысле насаждение латыни, как языка вероучения и учености вообще, привело не только к претензии клира на монопольное знание религиозных истин, но и явилось не последним фактором прибрания клириками к рукам всех административно–хозяйственных функций, в том числе и государственных, а как следствие, превращение Римского Престола в феодально–бюрократическую машину" (сноска из жития равноап. Кирилла и Мефодия).

(3) <Современная Венгрия.>

(4) "Так Боривой, князь Чехов, послал гонцов к Святополку сказать, что чешский князь желает креститься и просит священников. Святополк промолвил чешским гонцам: «спросите еп. Мефодия, пусть он выберет двух или трех священников и отошлет с вами к вашему князю». Св. Мефодий сам пошел в Чехию и окрестил Боривоя, жену его Людмилу и двух их сыновей. Оставался св. Мефодий в Чехии около года и

освятил две первые чешские церкви: одну — в городе Литомышле, а другую — в Левом Граде. Затем оставил Мефодий в Чехии несколько славянских священников и возвратился в Моравию. Св. Мефодий посылал священников в Польшу, где они окрестили короля и многих поляков" (сноска из жития равноап. Кирилла и Мефодия).

[\(5\)](#) <Макарий /Невский/ митр. Московский — бывший Алтайский миссионер. **В бытность его митрополитом Московским Синод издал адаптированные или русифицированные праздничную миною и др. богослужебные книги. Но на сегодняшний день это всё лежит под спудом.**>

[\(6\)](#) В московской Синодальной библиотеке есть список перевода Псалтири на «наш простой, обыкновенный» язык, сделанный в 1663 г. переводчиком посольского приказа Абрамом Панкр. Фирсовым.

[\(7\)](#) Игнатий /Брянчанинов/. Соч., т. 7, отдел второй, письмо № 111.

[\(8\)](#) <Вульгата — Библия на латинском языке.>

[\(9\)](#) Автором этого письма был бакалавр Московской академии иеромонах Агафангел, позже еп. Вятский, затем архиеп. Волынский. Сушкова, «Записки о жизни митр. Филарета», стр. 89. Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс. 1869 г. кн. 4, смесь, стр. 184.

[\(10\)](#) <Архим. Макарий /Глухарев/ — магистр богословия, ученик свт. Филарета /Дроздова/ и Глинского старца игумена Филарета, Алтайский миссионер. (Подробнее см. главу: «[Приложение 2](#)»)>

[\(11\)](#) <Филарет /Гумилевский/ ариеп. Черниговский, имевший единное мнение по поводу перевода Библии с митр. Филаретом.>

[\(12\)](#) «О злых действиях тайных обществ, выдумавших Библейское общество в Европе, и неусыпно через оное все к своей цели направляющих». Соч. министра народного просвещения Александра Семеновича Шишкова.

[\(13\)](#) Записки адмирала А. О. Шишкова в Чтения? Общ. Ист. и Древн. Росс. 1868 г. кн. 3, стр. 75.

[\(14\)](#) <Речь идет о русификации церковно–славянского языка.>

[\(15\)](#) <Это писалось в начале XX–го столетия. Что же говорить нам, когда современный разговорный русский язык еще далее ушел от церковно–славянского.>

[\(16\)](#) <Речь идет об упрощении церковно–славянского языка и построения речи, т. е. об адаптации и русификации.>

[\(17\)](#) <П. П. Кудрявцев — профессор Киевской духовной Академии.>

[\(18\)](#) <О преосвящ. Андрее см. в главе: «[Приложение 3](#)»>

[\(19\)](#) <См. об архим. Макарий Глухареве далее в главе «История перевода Библии на русский язык» и в главе: «[Приложение 2](#)».>

[\(20\)](#) <Штундизм — сектантское течение среди русских и украинских крестьян во 2–й пол. 19 в., возникшее под влиянием протестантизма. Позднее слилось с баптизмом.>

[\(21\)](#) <Индеферентизм — безучастность, безразличие к чему-либо.>

[\(22\)](#) <Эсперанто — искусственный международный язык, отличается несложностью словообразования и грамматики.>

[\(23\)](#) <Новосвщмч. Василий еп. Прилукский — неустанный борец против богоотступников, обновленцев, украинских самосвятов и новообновленцев (митр. Сергия /Страгородского/ и его последователей). Владыка Василий служил на украинском языке и боролся против обновленчества. Значит, [суть обновленчества](#), 1920-х годов, состояла не в вопросе богослужебного языка и т.п., т. к. некоторые из новомучеников, боролись с обновленчеством и, при этом, совершали богослужения на русифицированном и украинском языках и не были против многих церковных новшеств, которые не шли вразрез с православной догматикой. (Подробнее см. в главе: «[Приложение 4](#)»). Они были против слияния Церкви с властью по духу антихристовой. А обновленцы и митр.Сергий пошли на это слияние, поэтому новомученники и отказались идти, именно, по этому пути. За это и пострадали.>

[\(24\)](#) Экуменизм — объединение всех церквей в одну — единую мировую церковь (т. е. Всемирный совет церквей).

[\(25\)](#) Оппортунизм — приспособленчество, соглашательство, беспринципность.

[\(26\)](#) Шовинизм — крайняя агрессивная форма национализма.

[\(27\)](#) <Клоака — подземный канал для стока нечистот.>

*составил Серафим (Медведев).